

Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

Московское областное региональное отделение
Российского общества «Знание»

Ярославское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов

В. Э. Багдасарян
Ю. Ю. Иерусалимский
архимандрит Сильвестр (Лукашенко)
С. И. Реснянский

ИДЕОЛОГИЯ ПЕТРА I

историческая развилка и выбор модели
развития государства

Ярославль, 2022

ББК ТЗ(2)46-8
УДК 94(470)
Б30

350-летию Петра Великого
посвящается

Отв. редактор В. И. Василенко — доктор политических наук, профессор
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ

Рецензенты: А. Ф. Гавриленков — доктор исторических наук, кандидат
философских наук, профессор кафедры гуманитарных, социально-
экономических и информационно-правовых дисциплин Смоленского
филиала Саратовской государственной юридической академии;
В. Г. Кошкидько — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой
регионального и муниципального управления факультета государственного
управления МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный профессор
Московского университета;

В. И. Филонов — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой
истории и государственно-правовых дисциплин Среднерусского института
управления — филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.

**Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр (Лукашенко),
архимандрит, Реснянский С. И.**

**Б30 Идеология Петра I : историческая развилка и выбор модели развития
государства / отв. ред. В. И. Василенко. Ярославль, 2022. 216 с. + 16 илл.**

Представленная монография посвящена анализу воззрений Петра Великого, положенных в основу государственной идеологии петровского правления. Рассматривается влияние на царя общественных теорий, получивших распространение в Европе рубежа XVII–XVIII вв., мирового политического контекста. Выявлено отношение Петра I к существующим религиозным течениям, дается ответ на вопрос, являлся ли он приверженцем православного учения. Авторы пересмотрели сложившиеся в отношении идеологии Петра I историографические и общественные стереотипы. Показана идеологическая борьба в контексте угрозы, возникшей в связи с распространением западной, прежде всего католической, пропаганды в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. Петр I предстает на страницах книги как создатель мобилизационной модели и геополитик.

Монография адресована преподавателям и студентам высших учебных заведений, сотрудникам академических научных организаций, музейным работникам, а также всем интересующимся историей Петровского времени.

© В. Э. Багдасарян, текст, 2022

© Ю. Ю. Иерусалимский, текст, 2022

© Архимандрит Сильвестр (Лукашенко), текст, 2022

ISBN 978-5-91722-468-8

© С. И. Реснянский, текст, 2022

Оглавление

Введение	7
Глава 1. ОБРАЗ ПЕТРА I В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИО- ГРАФИЧЕСКОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	22
Дискуссионные разломы историографического дискурса	22
Историографическое моделирование	25
Модель № 1: «Теория политического реализма»	25
Модель № 2: «Теория модернизации»	26
Модель № 3: «Историческая колея России»	27
Модель № 4: «Теория цивилизаций»	27
Модель № 5: «Теория элит»	28
Модель № 6: «Марксистская теория — выразитель классовых интересов»	29
Модель № 7: «Теория мир-систем и геополитика»	30
Модель № 8: «Интеллектуальная история»	30
Модель № 9: «Русский империализм»	32
Модель № 10: «Русофоб на престоле»	32
Модель № 11: «Петр I — “секулярист”»	33
Модель № 12: «Петр I — “протестант”»	34
Модель № 13: «Теория заговора»	34
Модель № 14: «Петровская апостасия»	35
Модель № 15: «Петр I — “православный государь”»	36
Модель № 16: «Одинокий герой»	37
Модель № 17: «История повседневности»	37
Учебная версия: Историко-культурный стандарт	38
Властный дискурс	39

Общественное мнение: образ Петра I в историческом сознании российского социума	40

Глава 2. ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ	43
Иностранные языки и круг чтения	43
Россия как «новая Голландия»	44
Европа протестантская. Петр I — противник католицизма	46
Голландские протестанты	50
Англиканство и религиозная жизнь Англии	52
Теория «общего блага»	53
Теория «общественного договора»	56
Теория «естественного права»	59
Влияние Пуфендорфа	61
Исаак Ньютон	64
Джон Локк	67
Готфрид Лейбниц	68
Камерализм	72
Философия истории: теория круговорота	73
Новый мировоззренческий дискурс: деизм, пантеизм, атеизм	74
Петр I и масоны	75
Внешнеполитический контекст — война Священной лиги	76
Внешнеполитический контекст — войны за пфальцское и испанское наследство	79

Глава 3. РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО ПРЕДПЕТРОВСКОЙ И ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХ	82
Феномен русского западничества	83
Царевна Софья — ставка западнической группировки	86
«Премудрость Божья» и политические амбиции	88
Сильвестр Медведев — лидер «латинствующих»	90
Религиозная дискуссия 1682 года	91
«Двенадцать статей» царевны Софьи против старообрядцев.	
Гонения на раскольников	92
Патриарх Иоаким — союзник Петра I	95

Патриарх Адриан — кризис модели симфонии властей	97
Фактор малоросского духовенства	98
Киево-Могилянский коллегиум	100
Братья Лихуды и Славяно-греко-латинская академия	104
Стефан Яворский: бывший униат — местоблюститель патриаршего престола	106
Димитрий Ростовский и малоросская партия	111
Феофан Прокопович и латентный протестантизм	113
Гавриил Бужинский — иерарх с протестантскими симпатиями	118
Национальная группировка в Церкви	119
Провоцирование конфликта со старообрядцами. «Соборное деяние на еретика Мартина» и «Поморские ответы»	120
Петр I суть есть антихрист: старообрядческий хилиазм	124
Поэтическая демонизация Петербурга	128
«Царь» или «император»?	129
Римская империя в нарративе петровского царствования	133
Античная мифология. Неоязычество как имперский стиль	136
Семейная жизнь Петра I	137
Отец против сына	140
«Всешутейший собор» — антикатолическая пародия	141
Календарь как индикатор петровской идеологии	143
Петр I как православный государь	143
Изгнание иезуитов — историческая заслуга Петра I	147
Глава 4. ИДЕОЛОГИЯ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ	150
«Великодержавие» и «политический реализм»	151
Создатель мобилизационной модели	153
Табель о рангах и рекрутская система. Все ли в реформаторских идеях Петра I было заимствовано с Запада?	155
Протекционистская политика	157
Европеизация как инструмент борьбы с клановостью	158
Петр I и крепостное право	160
Служение Отечеству	162
Миф о петровском тоталитаризме	163
Система государственного контроля и силы хаоса	165

В поисках внешнеполитической стратегии	167
Геополитика Петра I	169
Патриотический нарратив Северной войны	170
Карл XII: антипод Петра I в Северной войне	172
Польское направление	175
Турецкое направление	176
Сибирско-казахское направление	178
Среднеазиатское направление	179
Персидское направление	180
Северное направление	182
Дальневосточное направление	183
Курс на Мадагаскар!	187
Миф о стремлении Петра I к мировому господству	188
Заключение	195
Список использованных источников и литературы	201

Введение

В 1682 году люди мира в очередной раз наблюдали приближающуюся к Земле комету Галлея. Именно тогда она и получила свое название по имени английского астронома Эдмунда Галлея. Движение кометы исследовал также Исаак Ньютон, в силу чего ее называют иногда в честь великого физика. Комету издревле считали предвестницей земных потрясений, знамением катаклизмов. В России в 1682 году на трон вступает царь Петр Алексеевич, против него организуется стрелецкий заговор, установивший дуумвират. Страна вступает в эпоху перемен, сопряженных, как это всегда бывало, с большими социальными катаклизмами...

Россия сегодня вступила в острую фазу цивилизационного конфликта с Западом. Ввиду того что этот конфликт цивилизационный, принципиально важно понимать, на какие образы прошлого нам следует опираться. В ситуации 1941 года государственная власть смогла дать такой перечень героев, соединив дореволюционную и советскую историю. Какие исторические герои составят идеологический нарратив современной России? С кем-то, как, например, Александром Невским, Дмитрием Пожарским или Георгием Жуковым, все предельно ясно. А вот как быть с Петром I? Ведь он, с одной стороны, — победитель шведов, а с другой — западник, европеизатор. Можно ли опираться на исторических западников в борьбе с Западом? Попытаемся разобраться в западничестве Петра I. Само по себе понятие «западничество» очень абстрактное. Было бы целесообразно конкретизировать его применительно к воззрениям Петра I.

350-летний юбилей Петра Великого представляет повод обратиться к рассмотрению петровского правления как одного из переломных периодов в истории российской государственности. Время его правления стало переходом к новой модели государственного устройства, характеристики которой даются как со знаком плюс, так и со знаком минус. Многомерность фигуры Петра I позволяет рассмотреть его деятельность в фокусе аксиологических, социальных, геополитических трансформаций. И попытка такого рода многомерного рассмотрения предпринимается на страницах книги, будучи сконцентрированы в анализе петровской идеологии.

Напряжение может вызвать уже сама постановка вопроса об идеологии Петра I. Приверженцы позиции П. Н. Милюкова скажут, что никакой петровской идеологии быть не может, так как у государя вовсе не было какого-то внятного замысла. Но прав ли был в своих оценках Петра I лидер кадетской партии? Может быть, дело не в том, что идеология отсутствовала, а в том, что она не подходила под известные шаблоны? Конечно, Петр I часто не был последователен. Но означали ли эта непоследовательность и совершаемые им ошибки отсутствие у него общих смыслов в реализуемой политике?

Неидеологичных государств не может существовать. У любого сообщества есть разделяемые им ценности и смыслы, а значит, и есть идеология. Другое дело, что государственные идеологии могут формироваться на разных основах — традициях, религиозном откровении, философском и политическом учениях, системе внешнего управления и др. Особо значимым становится идеологический фактор при осуществлении общественных трансформаций. Посредством идеологии задается логика перехода от одного состояния государства и общества к другому. И, очевидно, такой идеологией был вооружен Петр I. К сожалению, писавшие о нем акцентировали внимание на другом — чертах характера, гениальности и патологиях, анекдотических историях. Недоставало главного — понимания того, во что верил император и верил ли вообще, каких ценностей придерживался, какие ценности пытался достичь. Все это в совокупности и составляет понятие — идеология Петра I.

Казалось бы, о Петре I написано огромное количество трудов и известно все. Однако, как это ни парадоксально, неизвестно

главное — каковы были воззрения первого российского императора, в чем состояла суть выдвигаемой им идеологической повестки? Ответы на эти вопросы принципиально расходятся. Устоявшийся взгляд о Петре как о западнике и направленности его реформ как европеизации России сегодня подвергается ревизии. Прежние подходы, сформированные в дискуссиях славянофилов и западников, великодержавников и антитоталитаристов, требуют пересмотра. Вероятно, в ближайшей перспективе следует ожидать выдвижения новых в методологическом отношении подходов к фигуре Петра Великого.

Многие вызовы петровского времени могут быть адресованы с учетом осмысления уроков истории и применительно к современной эпохе. Петру приходилось решать угрожающую суверенному существованию страны проблему технологического отставания России. Рецепт ее решения была им найдена в европейских заимствованиях. Однако заимствования технические были встроены в западный культурный контекст, экстраполяция которого создавала угрозы утраты цивилизационной идентичности России. Проблема оказалась еще более обострена ввиду возникшего противоречия между европейскими заимствованиями Петра и его борьбой с европейскими странами (Швейцарией, потом и Англией). В связи с цивилизационным ракурсом рассмотрения политики Петра I сохраняется актуальность вопрос о его церковной реформе и в целом об отношении к религии.

Период конца XVII — начала XVIII столетия являлся временем сохранявшейся доминанции религиозного сознания в народе при тенденциях отхода от традиционных религий в сторону оккультизма и секуляризма в элите. И Петр I, как человек своего времени, не мог не воспринимать тем или иным образом соответствующие течения мысли и столкновения между ними. Очевидно, что, не будучи сфокусированной на религиозных воззрениях, доминирующая в современной отечественной историографии теория модернизации не вполне годится для реконструкции представлений человека петровской эпохи. Все это побуждает обратиться к фигуре Петра I, соединив современный историографический дискурс с мировоззренческим контекстом соответствующего исторического времени.

Особого внимания заслуживает взгляд на петровскую деятельность в фокусе геополитики. Помимо западного направления геополитики, на который обращалось приоритетное внимание (выход к Балтийскому морю), существовали и другие геополитические вектора — южный, восточный и северный, освещаемые в представляемых вниманию читателей книге.

В отношении Петра I существует ряд стереотипов, вошедших в нарративы политических элит. В последние годы его образ все чаще используется как жупел критики государства. Критика ведется с двух противоположных флангов. Для неославянофилов — он радикальный западник, губитель традиции и веры, противник русской старины. Ничего нового в этой позиции нет, она понятна и устойчива. А вот у новых западников образ Петра I отличается от того образа, который использовался в западничестве девятнадцатого столетия. Для них он — создатель тоталитарной машины, диктатор, душитель свободы и инакомыслия. Изменения образных характеристик императора — важная констатация идеологического сдвига. Петр I перестал быть героем западников. Отказ их от Петра означает, что есть нечто в его фигуре принципиально для них неприемлемое. И вероятно, что это нечто может быть обращено против Запада. Наша задача в данном случае — подвергнуть ревизии стереотипы.

Необходимо ответить и на славянофильское обвинение. Действительно ли Петр I был противником Русской церкви и православной веры? И если царь не был православным, то что в религиозном плане представляли его воззрения? Попытаемся в рамках проводимого исследования соотнести взгляды царя с каждой из имевших сравнительно широкое распространение на рубеже XVII и XVIII веков в России и Европе мировоззренческих систем.

Фигура Петра I получала во все времена не просто разные оценки, а оценки антагонизменные, продуцировала раскол общественного мнения. Только от того, как человек относился к Петру, происходило зачисление его в тот или иной политический лагерь. Приведем лишь некоторые иллюстрации, отражающие мировоззренческий антагонизм в восприятии императора.

Традиция апологетического взгляда на Петра I была заложена фактически главным разработчиком идеологической линии им-

ператора Феофаном Прокоповичем — на тот момент епископом Псковским и Нарвским. Феофан уподоблял Петра библейским героям, обосновывал сакральность его фигуры для России. «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? — вопрошал иерарх и отвечал, — Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ох, как истинная печаль! Ох, как известное наше злоключение! Виновник безчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождавший и воспитавший прямой сый отечества своего отец, которому по его достоинству добрии россиянии сынове безсмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущаго вси надеялися, — противно и желанию и чаянию скончал жизнь и — о, лютой нам язвы! — тогда жизнь скончал, когда по трудах, безпокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о Боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего, слеп есть, видяй же и не исповедуяй, в жестокосердии своем окаменей есть. Но что нам умножать жалости и сердоболия, которыя утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже есть ли великия его таланты, действия и дела воспомянем, еще вящше утратю толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргом неким, неким смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и какового, и коликаго лишилися? Се оный твой, России, *Сампсон*, каковый да бы в тебе мог явиться, никто в мире не надеялся, а о явшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную, адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же востающая на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о России, *Иафет*, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления вся селенная, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоя, до предел, правдою полагаемых, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил.

Се *Моисеи* твой, о России! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимая оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит и под ним главныя и частныя правительства, от него учрежденныя! Не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопастию миролюбных и ко обличению свирепых! Воистинну оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаем, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидим был.

Се твой, России, *Соломон*, приемший от Господа смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияющая и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейскаго обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретвореное, яко же отечество наше, и отвнубрь и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкви российская, и *Давид*, и *Константин*. Его дело — правительство синодальное, его попечение — пищевая и глаголемая наставления. О, коликая произвносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасеннаго! Коликия ревности на суеверия, и лестническия притворы, и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящщаго в чине пастырском искусства, прямейшаго в народе богомудрия и изряднейшаго во всем исправления!».

Апологетическая оценка Петру I была дана историком XIX века, одним из авторов теории, выраженной формулой православие — самодержавие — народность, М. П. Погодиным. Будучи противником западничества, он при этом проводил апологию Петра, фактически преподносил его главным культурным героем страны: «... Нынешняя Россия, то есть Россия Европейская, — констатировал Погодин, — дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная — есть произведение Петра Великого. Какое бы явление в сих сферах гражданской жизни ни стали мы рассматривать, о каком бы учреждении ни стали мы рассуждать, все подобные исследования доводятся непременно до Петра Великого, у которого в руках концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю Историю, — которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами, и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли в будущем....

Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 Января, 1841 года. — Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от Января.

Пора одеваться — наше платье шито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он.

Попадается на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт, и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный.

Приносят газеты — Петр Великий их начал.

Вам нужно искупить разные вещи — все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом, от соленых сельдей и картофеля, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом.

После обеда вы идете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам — допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Пойдем в Университет — первое светское училище учреждено Петром Великим.

Вы получаете чин — по табели о рангах Петра Великого.

Чин доставляет мне дворянство — так учредил Петр Великий.

Мне надо подать жалобу — Петр Великий определил ей форму. Примут ее — пред зеркалом Петра Великого. Рассудят — по Генеральному Регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо — Петр Великий поместил Россию в число Европейских Государств и начал внушать к ней уважение, и проч., и проч., и проч.

Место в системе Европейских Государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения.

Он видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение, или направление, или самую жизнь. Чтоб теперь ни думается нами, ни говорится, ни делается, все, труднее или легче, далее или ближе, повторяю, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок».

Резко негативную оценку давал Петру I Л. Н. Толстой, замышлявший даже написание посвященного императору романа. Писатель соглашается с оценкой фигуры Петра как фундаментальной, но видел в петровской политике корень всего современного зла: «С Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкие, и понятные нам ужасы русской истории. Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь 1/4 столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живых в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует, пьянствует, сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде деторода-

ных членов и подобиями Евангелий — ящиком с водкой славить Христа, т. е. ругаться над верою, коронует блядь свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына и умирает от сифилиса, и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему.

После него начинается ряд ужасов и безобразий подобных его царствованию, одна блудница за другой бесчинствуют на престоле мучает и губит народ и заставляет одних мучить других и воцаряется без всяких прав на престол, мужеубийца, ужасающая своим развратом блудница, дающая полный простор зверства своим перемняющимся любовникам.

И все ужасы — казни, убийство мужа, мучения и убийство законного наследника, закрепощение половины России, войны, развращение и разорение народа, все забывается и до сих пор восхваляется какое-то величие мудрость, чуть не нравственная высота этой мерзкой бляди. Мало того, что восхваляют ее, восхваляют ее зверей любовников.

То же с отцеубийцей Александром. То же с Палкиным. Все забыто. И выдуманы несуществующие доблести и заслуги для отечества».

Л. Н. Толстой, будучи писателем, сгущал краски, руководствуясь не столько достоверностью источника, сколько установкой на демонизацию образа императора. Он являлся противником государства как института, ввиду чего укреплявший государственное начало Петр I, оказывался для него худшей фигурой российской истории.

Резко критично относился к Петру I и другой великий российский романист — Ф. М. Достоевский. Сообразно с общей традицией антипетровской критики особо акцентировались претензии к Петру в связи с его религиозной политикой. Достоевский писал о непонимании императором православия и религии в целом. Он позволил себе вторгнуться в сферу юрисдикции Церкви. Фактически, как и в Легенде о Великом Инквизиторе, Петр осуществил попытку подчинить Христа Империи. Вызывала отвращение у писателя и личность императора. Достоевский награждал основателя империи такими, в частности, характеристиками, как «развратник нигилятина» или «изверг-сыноубийца».

Важнейшим социальным последствием петровских реформ Достоевский считал раскол между народом и образованным классом. Отколовшись от народа и национальной культуры образованное общество оказалось фактически отдельной общностью, государством в государстве. В дальнейшем эта идея об «отщепенстве» интеллигенции будет, в том числе с отсылкой к Ф. М. Достоевскому, раскрыта в сборнике «Вехи».

Но все-таки Достоевским обнаруживалось и опосредованное позитивное значение петровских преобразований — осознание русскими своего всемирного значения. Замкнутость Московской Руси не могла дать такого осмысления. Потенциалы всемирной отзывчивости России были раскрыты только в период Империи, когда русские предъявили Европе свои возможности быть европейцами, равно как они могли бы быть в Азии азиатами.

К более поздним критикам Петра относился И. А. Солоневич, считавший императора главным персонифицированным злом российской истории. «Петр, — писал автор «Народной монархии», — оставил после себя выигранную Северную войну, расходы на которую не стоили «пяти Швеций», и оставил на целое столетие потерянные возможности на юге (Прутский поход, сдача Азова и флота). Он оставил разоренную страну, отвечавшую на произвол «и неслыханное дотоле воровство» «птенцов гнезда петрова» «безрасчетным отчаянием и разбоем». Он все-таки подорвал и монархию: вчерашняя уличная девка на престоле была так же невозможна в Москве, как невозможно было дальнейшее столетие порнокрапии. Он подорвал Церковь. Он подорвал престолонаследие. И после всего этого историки говорят о «частых ошибках». Эти «частые ошибки» мы с вами и расхлебываем до сих пор — третьим интернационалом, террором и голодом, законными наследниками деяний великого Петра».

Между этих полюсов сторонников и противников Петра I предпринимались и попытки снятия противоречий, нахождения синтеза. Такой подход был представлен, в частности, А. В. Карташевым, крайне критично относившимся к введенной императором синодальной модели, но видевшим в деятельности царя две стороны, проявленные в историческом процессе. «Тезису Владимирской Святой Руси, — рассуждал Карташев, — Петр I противопоставил ан-

титезу святого государства и святой культуры. С Петром пришло на Русь совершенно иное просвещение, идущее от иного корня, имеющее иное основание. Там целью было небо, здесь — земля. Там законодателем был Бог, здесь — автономный человек с его силой научного разума. Там критерием поведения было мистическое начало греха, здесь — утилитарная мораль общения. Но вся эта ломка и как бы измена идеалу искупились приобретением того, чего русскому православному народу не хватало для его же силы, то есть научного просвещения. Петр сделал России насильственную прививку великих переживаний возрождения и гуманизма, и она блестяще удалась. Через 50 лет мы имеем русскую Академию наук в лице Ломоносова, а через 100 лет — величайшее русское явление — Пушкина». Русская культура мыслилась ему как «синтез православных заветов «Святой Руси и Петровских заветов Великой России». Символом этого синтеза стала фигура А. С. Пушкина.

Кто прав в этих спорах? Зачастую оценки Петра говорят больше не о самом императоре, а об оценивающем его мыслителе или общественном деятеле.

Как известно, Петр I является одним из наиболее почитаемых исторических деятелей Президента Российской Федерации. Об этом В. В. Путин не единожды заявлял публично. А что эти симпатии могут сказать о самом Президенте Российской Федерации? Зная исторические симпатии политика, можно, почти безошибочно, определить и его политические предпочтения, получить представления об идеологических ориентирах. Определение содержания идеологии Петра I оказывается в этом отношении далеко не только вопросом историческим.

Известно в то же время, что Петр I остается одним из любимых героев прошлого в опросах населения. Он предстает примерно таким, как был представлен в романе А. Н. Толстого и снятым по его сценарию фильме В. М. Петрова. Знание петровской идеологии позволит в этом смысле получить и определенные представления об актуальных запросах народа.

По мнению французского философа Поля Рикера, в истории «время разгильдяев сменяется временем волевых людей». Эту же мысль подчёркивал Л. Н. Гумилёв, говоря, что характер исторической эпохи зависит от доминирующего в этой эпохе челове-

ского типа и поэтому исследование движущих сил исторического процесса можно свести к исследованию человеческих типажей, находящихся на первом плане исторических событий. Эти размышления в полной мере относятся ко времени правления Петра I. А время было очень непростое.

Вызов, брошенный Западом российскому государству во второй половине XVII века, потребовавший от России глубокой модернизации ее социально-экономического пространства и соответствовавшего этому тотального обновления всех сфер российской жизни, духовно-нравственной доктрины, не был полностью отработан предшественниками Петра I, его отцом царем Алексеем Михайловичем и братом Федором Алексеевичем. Хотя и они, в меру своих возможностей, сделали немало, чтобы достойным образом дать «ответ» Западу, превратив российское государство в мощный региональный центр силы, с которым вынуждено было считаться его враждебное окружение — Швеция, Польша и Турция.

Однако за время дуумвирата малолетних царей Ивана и Петра и борьбы кланов Милославских и Нарышкиных за власть правительнице царевне Софье и её фавориту князю Василию Голицыну не удалось стабилизировать внутривластную ситуацию в стране. Более того, неудачи во внешней политике (крымские походы), приверженность властвующей элиты польской моде в одежде и языке (здесь, видимо, сказывалось влияние на царевну Софью ее воспитателя Симеона Полоцкого), тяжёлые налоги из-за провальных крымских военных экспедиций, ужесточение репрессий к приверженцам старых обрядов делали правительство царевны Софьи крайне непопулярным и тормозили продолжение модернизационных процессов в государстве. Назрела необходимость в сильной харизматической личности, способной продолжить преобразования. Таким был Пётр I.

О необходимости преобразований можно судить по состоянию грамотности населения. Образовательный уровень в прикладных — точных и естественно-научных дисциплинах, необходимых для организации военно-технологического прорыва, уже не соответствовал уровню ведущих стран Запада. «Московская Русь, — резюмировал свой экскурс в XVII столетие историк Н. И. Ульянов, — в результате ученых усилий предстала далеко не той славя-

нофильской Аркадией, об исчезновении которой можно было бы жалеть и брать ее за образец идеального русского государства. Я вряд ли погрешу, сказавши, что культурой своей она немногим превосходила Хиву или Бухару XIX века. Россия не могла ждать с преобразованием, если не хотела погибнуть и превратиться в колонию». Факты организации культурной (запрет на выезд в Россию ученых) и экономической (саботаж товаров, привезенных в Европу московскими купцами) блокады были уже налицо. Исторически вопрос вставал не о движении России навстречу Западу, а о движении Запада, а в Россию и далеко не с просветительскими целями».

Петр I, безусловно, выполнял для Российской империи роль культурного героя, так как с ним, с его образом связывалась трансляция базовых для имперского периода ценностей и смыслов. Резкое неприятие фигуры императора в определенных кругах русского общества (старообрядцы, славянофилы) не отменяет этого положения. Антигерой является оборотной стороной образа культурного героя. Привнесение новых ценностей и смыслов объективно вызывает общественное размежевание. Та часть общества, ценности которой приняты в новой модели, как правило, принимает культурного героя, другая — отвергает.

Культурными героями помимо Петра I для разных периодов российской истории выступали Владимир Креститель, Александр Невский, Иван Грозный, В. И. Ленин, И. В. Сталин... Раскрытие их образов составляет ось российского исторического нарратива. В концепции русской исторической колеи все эти персоналии несли одну и ту же воспроизводимую семантику. Действительно, нечто воспроизводимое в истории российской государственности, как проявления единой цивилизационной парадигмы, безусловно, можно обнаружить. Можно найти общие черты, что и находятся при соответствующих историософских обобщениях, у Петра I, к примеру, с Лениным или со Сталиным. Предтечей Ленина, «первым большевиком на троне», называл его, в частности, Н. А. Бердяев. В плане решения внешнеполитических задач могут быть проведены и проводились параллели между Петром I, с одной стороны, и Александром Невским и Иваном Грозным, с другой. Сам император способствовал распространению культа Александра

Невского как победителя шведов, что должно было вызвать ассоциации с победами в Северной войне.

Но ни одна из перечисленных фигур ни по политическому стилю, ни по сопряженному с ней идеологическому месседжу не являлась дубляжом другой. Уникальной фигурой не только по личным качествам (импульсивный реформатор, «мастеровой» на престоле), но и репрезентуемой семантике правления являлся и Петр I. В случае с ним эта семантика задавала идеологическую модель новой имперской государственности. Она, безусловно, не оставалась неизменной при последующих правлениях, подвергалась корректировке. Но в любом случае генезис системы закладывает программу ее функционирования, а соответственно, без преобразований Петра I адекватно осмыслить феномен Российской империи в ее двухсотлетнем существовании вряд ли возможно.

Образ Петра Великого небезосновательно связывается с западной парадигмой развития. Крылатая пушкинская фраза о «прорубленном окне в Европу» (не открытом, а именно прорубленном) отражала определенно европейский вектор петровской политики. Но, будучи идейным западником, Петр I боролся со странами Европы: непосредственно — с Швецией, опосредованно — с Англией, являвшимися объектами его почитаний. Применительно к сегодняшнему дню петровский опыт состоит в постановке вопроса о возможности успешного противоборства с врагом при опоре на ценности и идентичные модели врага. Конкретизация этого вопроса означает решение проблемы потенциальной возможности борьбы с Западом на основе западной ценностной парадигмы. Ответов на него в преломлении к петровскому времени может быть три:

1. Петр I, заимствовав передовой западный опыт, смог за счет него провести модернизацию и взять верх над учителями;
2. Успехи Петра I были относительными, сопровождались кризисными явлениями и катастрофами, а в долгосрочной перспективе имели губительные для Российской империи последствия;
3. Западные заимствования имели формальный и технический характер, не затронув цивилизационные константы России, а соответственно, развитие при Петре I шло лишь под запад-

ными вывесками, а петровская империя была в сути своей новой модификацией российского государства-цивилизации.

Для осмысления опыта петровских преобразований с позиций соотносения в ней западных и цивилизационных российских компонент следует на первом этапе определить ценности и воззрения самого Петра I, выражаемой им самим, как главным субъектом реформ, ценностно-смысловой повестки. Необходимо дать ответ на вопрос: кто был в действительности в идейном отношении Петр Великий?

Методология проводимого исследования состояла в восстановлении идейного контекста деятельности Петра I. Такой подход соотносится с развиваемым в настоящее время направлением интеллектуальной истории. Действия и высказывания Петра I соотносились с этим контекстом. Рассматривались фактологически подтверждаемые и потенциально возможные влияния на воззрения царя.

Задача введения в научный оборот новых фактов в данном случае не ставилась. По предварительной оценке, фактов для выводов в отношении идеологии Петра I достаточно. Другое дело, что эти факты не были до настоящего времени систематизированы в фокусе воззрений императора. Расширение и уточнение идейного контекста петровской деятельности позволяет по-новому посмотреть и на саму фигуру Петра I.

Представляемые в книге материалы могут использоваться как в научных целях, так и в преподавательской деятельности в рамках курсов по истории России, истории общественной мысли, истории философии, культурологии, геополитики, истории Церкви и других.

ГЛАВА 1.

ОБРАЗ ПЕТРА I В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Петр I относится к ряду реперных фигур российского исторического нарратива. Его именем определяется соответствующая историческая эпоха — петровская. Более того — история России делится фигурой Петра на допетровское и послепетровское время. Сравнимое с петровскими реформами рубежное значение занимает в историческом сознании только Октябрьская революция, разделившая российское прошлое на дореволюционный и послереволюционный — советский — отрезки. От той семантики, которой наделяются реперные фигуры исторического процесса, зависит осмысление общей направленности хода истории. И расхождение во взглядах на Петра, а через него и на все российское прошлое, обнаруживается задолго до дискуссии между славянофилами и западниками. На полюсах общественного восприятия сложилось два петровских образа: Петра Великого, полубога — в дворянской репрезентации, и антихриста, немца на русском престоле — в старообрядческой рефлексии. В настоящее время Петр I по-прежнему может рассматриваться как фигура, через отношение к которой реконструируются общественно-политические позиции групп общества.

Целевая установка проводимого исследования состоит в проведении такой реконструкции — соотнесения взглядов на Петра I с общим видением исторического процесса (философией истории) и ценностно-смысловыми ориентирами (идеологией). При

этом ставится задача двухуровневого изучения петровского образа — в рамках историографии (историческая наука) и массового общественного восприятия (историческое сознание). Сферы исторической науки и исторического сознания не имеют между собой жестких границ, соединяясь в рамках того, что сегодня принято обозначать понятием «исторический дискурс». Предмет исследования определяет, соответственно, и применяемую методологию, состоящую в сочетании теории дискурса с классическими методами историографии и исторической социологии. При обращении к составляющей властного дискурса в раскрытии образа использовалась также методология анализа исторической политики (политики памяти) как нового направления обществоведческих наук, находящегося на стыке истории и политологии.

Дополнительным фактором актуализации исследования современного восприятия образа Петра являются исторические параллели особенностей реализации петровской государственной политики с государственным курсом современной России. Будучи квалифицируем в ценностном отношении как западник, Петр проводил при этом политику сильной руки внутри страны и имперской геополитики — во вне. Такое сочетание вызывает определенные ассоциации с современным этапом в истории российской государственной политики. Признание успешности петровской политики в XVIII веке означало бы в логике этих параллелей признание соответствующих потенциалов и у современной модели российской государственности, и, напротив, отрицание успехов Петра — сомнение в том, что на иноцивилизационной западной платформе он для России в принципе возможен.

Дискуссионные разломы историографического дискурса

Рассмотрение петровского правления в системе аргументаций pro et contra стало со временем принципом его исторического представления. Вместо цельности интерпретаций стал все чаще избираться диалогический подход, раскрывающий амбивалентность как самой фигуры Петра, так и проводимых им реформ. Показа-

тельна в этом отношении книга Е. В. Анисимова «Петр Первый: благо или зло для России», исходно построенная как диалог между апологетом и критиком петровской политики. Автор приводит в ней аргументы с позиции обвинителя (обвиняет Петра, прежде всего исходя из ценностей гуманизма, демократии и экономики рынка), а затем опровергает себя же с позиции, условно определяемой как консервативная (оправдывает Петра, отталкиваясь от приоритетности задач отражения внешних угроз). Условная развилка внутреннего диалога задавалась перенесенным еще в перестроечный СССР дискурсом о феномене тоталитарного общества. В соответствии с ним Петр рассматривался как фигура, задававшая вектор в направлении грядущего тоталитаризма (автократия, полицейское государство, усиление крепостного права). Противники такого взгляда оппонировали ему с позиций классического или старого западничества, доказывая прогрессивные последствия петровских деяний. Таким образом, можно констатировать произошедшую смену основной дискуссионной дихотомии западники — славянофилы новым дискуссионным разломом в отношении фигуры Петра.

Но спор между классическим — антипатриархальным (секулярным) и модернизированным — антитоталитарным западничеством не исчерпывал дискуссионного пространства. Наряду с ним могут быть выделены и другие дискуссионные разломы, как, например, дискуссия между патриотами-противниками и патриотами-сторонниками Петра. Первые акцентировали внимание на произошедшем разрыве петровской элиты с национальной традицией, вторые — на петровском имперостроительстве, борьбе с внешними врагами. Расхождение между ними в оценках Петра I представляло собой тот редкий случай, когда цивилизационный (противники) и геополитический (сторонники) приводили к расхождению исторических оценок.

Возникли парадоксальные альянсы между последователями линии славянофилов и новых западников в критике петровской политики, проявленные, в частности, в публичных дискуссиях. В свою очередь, патриоты — сторонники империи оказались столь же парадоксально близки в оценке Петра с частью либерального западничества. Переформатирование дискуссионного пространства во-

круг петровских реформ позволяет ставить вопрос описания основных присутствующих в широком дискурсе моделей интерпретаций исторического образа Петра I.

Историографическое моделирование

Модель № 1: «Теория политического реализма»

Наиболее укорененным в современной историографии объяснением деятельности Петра I является ее трактовка в соответствии с теорией политического реализма. Сложившиеся представления можно охарактеризовать как нерелекторный политический реализм, поскольку выдвигаемые оценки даются без соответствующего теоретико-методологического обоснования. Главной ценностью согласно позиции политического реализма является ценность государственного суверенитета. Каждое государство ведет с другими борьбу за доминирование, вступает в войны, заключает союзы, преследуя интегральную цель — усиление своего влияния и власти в мире.

Россия ко времени вступления на престол Петра I отставала от стран Европы технически, имела в сравнении с ними более низкие образовательные потенциалы населения, ее управленческая система, с характерной московской волокитей, отличалась низким уровнем функциональности. Реформы были нужны Петру I для того, чтобы эффективно бороться с внешними противниками, другими государствами — напрямую с Швецией и Османской империей, опосредованно с Британской империей. Главным успехом правления Петра оценивалась победа в Северной войне и ее следствие — выход к Балтийскому морю. Высокой оценки в свете рассмотрения истории с позиции реал-политик заслуживают также петровские проекты — персидские походы, инициирование колониальной экспедиции в Мадагаскар, исследование возможности прокладывания северного морского пути вокруг Евразии. Все они были направлены на подрыв британского могущества и непосредственно создавали угрозу владычества Великобритании в Индии.

Все реформы были подчинены функционально реформе военной, а военная, в свою очередь, направлена на обеспечение рос-

сийского государственного могущества в мире. Переход к подушному обложению был нужен для обеспечения финансирования армии и флота, введение табели о рангах — для военизации гражданской службы, управленческие реформы — для повышения мобилизационных возможностей государства в условиях войны. Даже церковные преобразования рассматривались с точки зрения внешнего соперничества, предполагавшего развитие науки и техники, связываемого в свою очередь с секулярной культурой.

Модель № 2: «Теория модернизации»

Реформы Петра I, сообразно с теорией модернизации, представляли собой вступление России в модернизационную фазу развития. Петровская европеизация представляла в сути своей модернизацию. Отсюда — перенос на российскую почву институций и культурных элементов европейской жизни. Россия при Петре прошла путь, на который у европейских стран было затрачено более полувека. Не имела она и подготовительного этапа модернизации в виде культуры Ренессанса. Россия при Петре совершила скачок из традиционного общества в ранний модерн, тогда как в Европе такой переход шел эволюционно. Задачи сформированной модернизации определили специфику автократического стиля петровской революции сверху. Такой стиль не являлся чем-то специфическим российским и в целом был характерен для стран догоняющего типа развития (второго и третьего эшелона капитализма).

Впрочем, не все сторонники теории модернизации признают факт петровской модернизационной политики. Существует распространенное мнение, то, что Петр, напротив, усилив крепостнические компоненты заложил на долгое время препятствия для модернизации России, связываемой в этой версии теории с демократией, свободой личности, рыночной экономикой. Имеется также взгляд о частичности петровской модернизации, ограничиваемой кругом элиты. Несмотря на европеизацию дворянства, большинство российского населения продолжало существовать в парадигме традиционного общества.

Сложилось, таким образом, три версии взгляда на петровскую политику с позиций теории модернизации. Согласно первой позиции имела место догоняющая модель авторитарной модерни-

зации, сообразно второй — проводился антимодернизационный курс, в соответствии с третьей — была создана эклектическая система, сочетающая модернизационные анклавы с народной культурой до модерна.

Модель № 3: «Историческая колея России»

В последние годы приобрела достаточную популярность метафора «исторической колеи», положенная в основание соответствующей концепции. Согласно ей сделанный когда-то в прошлом выбор пути определяет будущее. Выйти из колеи крайне сложно, и чем глубже колея, тем меньше шансов изменения заданного исторического пути.

«Русская колея» была заложена еще до Петра, на стадии формирования российского централизованного государства. Во время петровского правления она была существенно углублена, что устанавливало инвариантность дальнейшего развития страны. Петр I, сообразно с концепцией «исторической колеи», уничтожил потенциалы для появления демократических институций и тем самым лишил Россию перспектив альтернативного развития. Прослеживалась линия связи между Петром, с одной стороны, и Лениным со Сталиным — с другой. Приобрела популярность фраза, когда-то использованная Максимилианом Волошиным о Петре как первом большевике на троне.

Модель № 4: «Теория цивилизаций»

Определение В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 2012 года России как государства-цивилизации обозначило на уровне властного дискурса запрос на разработку цивилизационной версии российской истории. Цивилизационный подход предполагал в отличие от модернизационного подхода выявление ценностных констант соответствующей цивилизации. Эти константы генезисно связываются с заложенной в ядре цивилизации цивилизационно-образующей религией, в российском случае — с православием.

Петр I в версии цивилизационного подхода оказывался одним из основных антигероев в истории России. Петровская европеизация была направлена против ценностей и традиций русской цивилизации.

лизации. Особое внимание в контексте цивилизационной теории обращалось на церковные реформы Петра и его разрыв с православными социокультурными нормативами. Император подозревался в симпатиях к протестантизму и в выстраивании новой синодальной системы управления Церковью по протестантскому образцу.

Модель № 5: «Теория элит»

В проекции теории элит история имеет развертку в качестве борьбы различных элитаристских, антиэлитаристских и контрэлитаристских группировок в борьбе за власть. Применительно к периоду политического транзита после смерти Федора Алексеевича традиционно внимание акцентируется на противостоянии групп Милославских и Нарышкиных. Не все, впрочем, исследователи согласны с такой диспозицией борьбы, указывая, что ведущую роль в стрельцких мятежах играли совершенно другие персоналии.

В качестве альтернативного петровскому сценарию развития России рассматриваются зачастую историками потенциалы властной команды царевны Софьи. Традиционная версия, художественно оформленная Алексеем Толстым, о консолидировавшейся вокруг Софьи старомосковской группировке может быть признана устаревшей. Напротив, получила развитие точка зрения, согласно которой Василием Голицыным подготавливался пакет широких реформ, включая отмену крепостного права, идущих гораздо дальше петровского реформирования. Консервативные силы во главе с патриархом Иоакимом в раскладе политической борьбы поддержали именно Петра, связывая с ним, а не с Софьей приверженность традициям. Высказывается также мнение о двух сталкивающихся версиях западничества: голицынского — шляхетско-католического и петровского — протестантского. Победа петровской версии означала ставку на практическую сторону европеизации. Рецидивы же линии Софьи — Голицына дали себя знать чуть позже в создании двора, дворцовой роскоши и расточительстве.

Очевидной характеристикой петровского правления явилась демократизация элит, включение механизмов социального лифтинга. Был нанесен удар по прежним позициям родовой аристократии,

окончательно стерты границы между боярством и дворянством. На высшие позиции государственной власти оказались подняты представители провинциального дворянства и лица худородного происхождения. Массово приглашались на службу европейцы, что позже проявится в качестве угрозы утраты властью национальной идентичности. В церковной иерархии командные позиции заняли представители малороссийского духовенства. Посредством системы Табели о рангах был создан механизм преодоления сословных ограничителей элитобразования.

Модель № 6: «Марксистская теория — выразитель классовых интересов»

Не вытеснена полностью из научного и общественного дискурса и марксистская модель интерпретации политики Петра I, оказывающая существенное категориальное и методологическое влияние на другие модели. Дискуссия о том, подтолкнули или затормозили петровские реформы развитие капитализма в России, ведется фактически в рамках формационной версии истории, концепта перехода от феодальной к капиталистической системе.

Через призму влияния марксистской методологии проводится также рассмотрение вопроса об аккумуляции в петровских реформах классовых интересов. Признается, что политика Петра I нанесли удар по позициям родовой боярской аристократии. Ухудшилось в результате реформ и положение широких народных масс, что нашло, в частности, выражение в переходе к подушному налогообложению и установлению системы рекрутчины.

К наиболее ярким проявлениям классовой борьбы петровского правления принято относить восстание Кондратия Булавина, переосмысливаемое вместо прежней трактовки в качестве крестьянской войны как преимущественно казацкое выступление. В отношении же того, чьи классовые позиции выражал Петр, обнаруживаются разночтения в трактовках о реализации им интересов дворянства, зарождающейся буржуазии или альянса обеих групп. Существует, впрочем, и точка зрения о том, что петровская политика выражала интересы самого государственного режима, превратившегося в особую социальную силу с собственными классовыми интересами чиновничества.

Модель № 7: «Теория мир-систем и геополитика»

На основе методологических разработок Ф. Броделя и И. Валлерстайна самостоятельное место в историографии заняла теория мир-систем. Мир-системный анализ оказывался в конкретных разработках корреспондентен геополитическому, марксистскому и цивилизационному подходам. С великих географических открытий, развития капитализма и начала процесса формирования колониальных империй складывается единая мировая система. В нее встраиваются находившиеся ранее в сравнительно изолированном существовании отдельные мир-системы (они же — цивилизации). Такое вхождение представляло собой объективный процесс исторического развития.

До Петра Россия развивалась как особая мир-система. Петровская политика с точки зрения мир-системного анализа представляла собой ее вхождение в формируемую мировую систему. Культурные заимствования Петра являлись маркером включения в мировую систему и имели значение, прежде всего с точки зрения символической политики, производимой системной интеграции. Однако внутри единой мир-системы позиции центра, полупериферии и периферии не были еще окончательно распределены. Внешнеполитическая борьба Петра являлась борьбой за положение России внутри мировой системы, и она оказалась достаточно успешной.

С позиции классической геополитики Петр I четко действовал сообразно с парадигмой Хартленда. Культурно принимая Запад, он в геополитическом отношении вступил в борьбу с ним, сокрушив Швецию и бросив вызов Англии. Петровские устремления выхода к морям с точки зрения геополитики означали курс на обеспечение неуязвимости России-Хартленда.

Модель № 8: «Интеллектуальная история»

Направление интеллектуальной истории ставит в фокус рассмотрения исторического процесса концепты, которыми руководствуются субъекты стратегического действия. В такой постановке проблемы применительно к петровскому времени центральным оказывается вопрос о том, существовал ли некий концептуальный замысел в деятельности Петра I. Положительный ответ на него сталкивается с идущей от П. Н. Милюкова и сохраняющей доста-

точно широкое распространение позицией о «реформах без реформатора», ситуативном реагировании царя на актуальные вызовы, без целевого видения осуществляемых преобразований. Контекст развития европейской мысли в соотнесении с политикой Петра I позволяет предположить факт влияния на него идей меркантилизма, камерализма, теории общего блага, всеобщности рациональной государственной регламентации.

Другой стороной реконструкции воззрений Петра является предположение о его симпатиях реформационной (протестантской) Церкви. Обращается внимание на то, что его заимствования шли преимущественно из стран протестантского культурного ареала, но не католической Европы. Ведется полемика о церковной реформе Петра, в рамках которой сталкиваются позиции о том, было ли новое синодальное устройство канонично для православной традиции или являлось результатом заимствования протестантской модели организации религиозной жизни.

В приверженности протестантизму подозревается ведущий апологет петровских реформ в Церкви Феофан Прокопович, тогда как местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский — в близости к католикам. Впрочем, изгнание в 1719 году из России Ордена иезуитов, получившего распространение в период регентства Софьи, явно указывает на антикатолические взгляды Петра. В кощунствах Всешутейшего собора видится отдельными исследователями не антирелигиозное действие, а конкретная пародия на папство.

Третьей версией в отношении замысла Петра наряду с версиями о влиянии современных европейских общественных наук и протестантской религиозности является предположение о развитии им национальной идеологической рефлексии. В Московской Руси манифестировалось положение, что «четвертому Риму» не бывать. На нем выстраивались, в частности, позиции старообрядческой оппозиционности. Ответом на кризис хилиастических воззрений Московской Руси явился петровский тезис о принципиальной возможности модернизации христианского царства. Петербург в этом понимании мыслился как «четвертый Рим», столица обновленной Римской империи. Позиционирование Петра как «нового Константина» соотносится также с версией о замысле христианского имперостроительства.

Модель № 9: «Русский империализм»

К. Марксом в «Разоблачении дипломатической истории XVIII века», работы, подготовленной в контексте только завершившейся Крымской войны, выдвигалось утверждение о доминанте в петровской политике империалистических установок, стремления к мировому господству. Выход к морю нужен был Петру, согласно взглядам автора, не для торговли, а для мировой военной экспансии. Оценки К. Маркса в работе по российской истории выносились в противоречии с собственно марксистской методологией анализа исторического процесса. Использование образа Петра как русского империалиста устойчиво использовалось и продолжает использоваться в антироссийской исторической пропаганде. Разоблачение факта фальсификации в происхождении текста так называемого «Завещания Петра I» показывает связь соответствующего концепта с актуальной политикой.

Сторонники модели петровского империализма как ключевой характеристики правления Петра I занимают определенные позиции и в российской историографии. Особо индикативным в качестве проявления империалистических амбиций царя оцениваются персидские походы и планы колонизации Мадагаскара. Эти проекты последних лет царствования Петра оцениваются как «безумные». Характерно, что при этом английская политика колонизации Индии безумной не считается и связывается с британскими геополитическими и геоэкономическими интересами. Концепт империалистичности политики Петра зачастую базируется на фобиях в отношении России и русского народа, представлениях о врожденном российском империализме.

Модель № 10: «Русофоб на престоле»

Семантически противоположным выше рассматриваемому концепту является взгляд на Петра I как на русофоба на российском престоле. Согласно ему воспитанный в Немецкой слободе император ненавидел и презирал все русское. Под стать царю было его окружение — сторонники радикальной европеизации, связывающие русскость с отсталостью. Петру приписывают слова сожаления о том, что ему досталась в управление Россия, а не какое-либо из европейских государств. С ближайшим спо-

движником царя А. Д. Меншиковым связывался исторический анекдот о просьбе к государю именоваться немцем. Русофобия оказывалась в данном случае идеологическим инструментом реформирования, предполагавшего радикальный разрыв с удерживающей связь с прошлым национальной традицией. Результатом реформ стал фактический распад российского социума на два народа, отличавшегося и по культуре, и по языку, и по системе ценностей.

Модель № 11: «Петр I — “секулярист”»

Деятельность Петра I определялась контекстом исторического транзита от религиозного к секулярному типу государства и общества.

Существуют две датировки начала эпохи Просвещения: одна определяет ее наступление серединой XVIII, вторая — концом XVII века. Вероятно, было бы уместно говорить о двух этапах в развитии просветительской идеологии. На первом этапе, начавшемся еще в XVII веке, утверждаются представления о формировании государства и общественных институций снизу вверх с опорой на общество. Такой взгляд заменил прежние воззрения, что власть дается от Бога. Осуществляется секулярный переход в развитии европейской общественно-политической мысли. На втором этапе, который может быть датирован серединой XVIII века, уже на секулярной платформе выдвигаются идеи, соотносимые с последующей триадой Великой Французской революции — «свобода, равенство, братство».

Петр I, как и российская политическая элита в целом, не мог не испытывать влияния распространявшейся в Европе просветительской идеологии. Речь должна при этом идти именно о первом этапе в истории Просвещения — переходе к секулярной системе воззрений на государство. Теория «общего блага», к которой обращался Петр Великий, восходила напрямую к просветительским идейным источникам. При этом о восприятии им идей свободы и равенства, характерных для второго этапа Просвещения, говорить еще невозможно. Из представлений об «общем благе» вытекала задача создания «регулярного государства», что обеспечивалось принятием «правильных» законов и установлений.

Модель № 12: «Петр I — “протестант”»

Европейские заимствования Петра Великого носили выборочный характер. В основном они относились к странам протестантского культурного образца. Существует в этом смысле представление о латентных симпатиях Петра I если не к протестантизму, то к протестантской модели жизнеустройства. Он симпатизировал «дешевой церкви» и совершил определенные шаги в этом направлении. Папская церковная система напрямую высмеивалась им в постановках «Всешутейшего собора», во главе которого стоял избранный шутовской князь-папа. Широкое распространение имеет точка зрения о том, что синодальная реформа Петра I была осуществлена в соответствии с моделью протестантского установления.

Западничество Петра I не являлось инвариантом западнического подхода. В идейном плане на уровне российских элит вели борьбу между собой не западники со старомосковской консервативной партией, а две западнические группировки. Одна, с которой связывалось направление царевны Софьи и ее фаворита Василия Голицына, придерживалась шляхетско-католических позиций, вторая — Петра I и его главного идеолога Феофана Прокоповича — латентно протестантских. Победа петровского направления означала принятие практической стороны европеизации. Победа же линии царевны Софьи означала более серьезную для православной идентичности России угрозу — принятие европеизации по католическому образцу с уклоном в аристократическую роскошь и, возможно, в униатство.

Модель № 13: «Теория заговора»

Общественный дискурс вокруг фигуры Петра I не будет реконструирован в полной мере при исключении из него направления конспирологии. «Теорию заговора» нельзя признать научным анализом, но в качестве феномена исторического сознания она, безусловно, занимает значимые позиции. Историческая конспирология построена на представлении о существовании некоего заговора тайных сил с целью построения антисистемы. Отправной точкой конспирологических сюжетных линий по отношению к Петру являются его зарубежные путешествия 1697–1698 гг. и 1716–1717 гг. Применительно к первому путешествию выдвига-

ется версия о том, что царь был в Европе действительно подменен, как сообщала о том народная молва. Приводятся соответствующие аргументы, связанные с изменением внешности государя, его воззрений и главное — отступлением от православия.

С путешествием 1716–1717 годов связывается мифологема о масонском посвящении Петра I. Первая масонская ложа-матерь была учреждена в 1714 году, и вступить в братство он теоретически мог только во время второго посольства. Масонские символы обнаруживаются в семантике петербургской архитектуры.

Конспирологические оккультные ритуалы усматриваются в рамках теории заговора в функционировании Всешутейшего всепьянейшего собора и петровских ассамблей. Усиливает позицию конспирологов отсутствие рациональных оснований в объяснении ритуализации кощунственных по традиционным представлениям православной Руси деяний Всешутейшего собора. Ключевая роль в версии существования вокруг Петра некой оккультной организации отводится Якову Брюсу. Распространена, в частности, легенда о существовании под председательством Брюса «общества Сухаревой башни».

Модель № 14: «Петровская апостасия»

Ни один исторический персоналий не имел в русской эсхатологической мысли столь же широкой рефлексии, как персонификации антихриста подобно Петру I. Определение царя антихристом имело столь угрожающий размах в народе, и прежде всего в старообрядческой среде, что местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский был вынужден выступить с опровержением выдвигаемых тезисов. Но и по прошествии времени идентификация Петра как антихриста сохраняла популярность, что нашло, в частности, отражение в третьей части знаменитой трилогии Д. С. Мережковского. Антихристу-Петру писатель противопоставлял вопреки исторической достоверности в качестве носителя христианской веры царевича Алексея. Развивалась идея о чередности исторических антихристов, являющихся предтечами антихриста последних дней.

Развиваемая тема петровской апостасии, впрочем, имеет не только религиозно-эсхатологическое преломление, но и определенную корреспондентность с научными подходами. Деятель-

ность Петра I определялась в этом смысле историческим транзитом от религиозного к секулярному типу государства и общества. Власть в результате петровских преобразований десакрализуется по лекалам европейского абсолютизма, утрачивая (хотя и не в полной мере) прежние акценты теократической государственности.

Принятие титула «император», оттеснявшего на второй план титул «царь», отражало ту же секулярную тенденцию. «Царство» не было ниже «империи», но выражало сакрально-религиозные, а не военно-иерархические аспекты государственности. Петровская секуляризация оказалась частичной, охватив привилегированную часть общества, в то время как народ оставался вплоть до революции в системе бытия общества религиозного типа.

Модель № 15: «Петр I — “православный государь”»

Включенность Петра I в череду героев российской истории вызывает стремление изменить западную семантику его восприятия. Такая установка выражается патриотической формулой — «не отдавать Петра Великого Западу». Серьезные затруднения такое истолкование вызывает в отношении петровской религиозной политики, в которой он, как принято считать, шел фактически на разрыв с традициями православия. Однако высказываются мнения и в защиту православной идентичности Петра. В отличие от своих старших братьев и сестер он не обучался у последователя Симеона Полоцкого, являвшегося одним из лидеров «латинской партии». Мать Петра Наталья Кирилловна Нарышкина, имевшая значимое влияние на сына, стояла на ортодоксальных позициях Русской Церкви. Именно Петра поддержал в борьбе с Софьей патриарх Иоаким, связывая с ним отпор латинской группировке в элите.

Синодальная реформа Петра I рассматривается сторонниками позиции сохраняемой приверженности царя православию как каноническая. Во главе Церкви, считают приверженцы этой версии, стоял не Синод, а непосредственно император, что соотносится с византийским церковным правом.

Петр I поддерживал и распространял культ православного святого князя Александра Невского. Его самого сравнивали с Константином Великим, имея в виду связываемую с его правлением миссию христианского имперостроительства. И даже разрыв

с идеологией Третьего Рима переосмысливается через замысел создания Петербурга в качестве «четвертого Рима».

Модель № 16: «Одинокий герой»

Дискуссии о роли «героя» и «масс» в историческом процессе достаточно широко представлены в исторической науке. К череде великих героев истории (исторических гениев) принято относить и Петра I. Согласно героической версии, он как личность вступил в противоборство с целой системой и победил. Петровский гений изменил вектор развития страны, вытянул из «болота средневековой отсталости». Пушкинская метафора об «узде железной» прочно укоренилась в репрезентации образа Петра. Оппоненты героической версии приводят аргументы, дезавуирующие фигуру царя, принижая как его личные таланты, так и достигнутые политические ритуалы. Существуют и усиливавшиеся попытки представления Петра I в качестве злодея, патологической персоналии с садистскими наклонностями. Подспорьем распространения такого рода интерпретаций выступают многочисленные исторические анекдоты, используемые в антипетровской памфлетике XVIII и XIX веков в фокусе внешней и внутренней критики пороков русского самодержавия.

Модель № 17: «История повседневности»

История повседневности в противоположность макроисторическим обобщениям сфокусирована на микроисторических аспектах человеческого существования. Несмотря на преднамеренный уход от метанарратива, она на уровне бытия отдельного человека, семей или локалитетов позволяет выявить происходящие трансформации и прежде всего трансформации социокультурные. Изучение отдельных аспектов социокультурных трансформаций стало предметом разработок по отношению к разным периодам истории России. Не стал исключением и период петровского правления.

Проводимые исследования демонстрировали прежде всего появление нового типа личности — человека секулярного. Петровский этап секуляризации при этом оказывался преемственен тенденциям обмирщения сознания и бытия человека в семнадцатом столетии. Однако при Петре скорость соответствующих про-

цессов существенно возросла. При этом важна подтверждаемая и в рамках других моделей констатация того, что формирование человека секулярной культуры ограничивалось нишей дворянского сословия и не затрагивало народа.

Безусловно, описываемые походы к осмыслению исторического значения фигуры Петра I представляют собой «чистые модели». Часто в трудах историков они сочетаются друг с другом, используются их отдельные элементы. Причем это использование часто порождает внутренние противоречия предлагаемых объяснений и интерпретаций. Но сами «чистые модели» могут использоваться в качестве лоции по петровской историографии.

Учебная версия: Историко-культурный стандарт

Какая из перечисленных моделей была взята за основу учебной версии освещения правления Петра I в современной России? Обращение к историко-культурному стандарту позволяет утверждать, что в качестве такой основы используется теория модернизации.

Понятие «модернизация» непосредственно используется в отношении к петровскому времени в пояснительной преамбуле к разделу. Утверждается при этом, что модернизация затронула все слои, тогда как доминирующей в историографии является позиция о словной ограниченности петровских трансформаций. Стандарт исходно дает высокую оценку результатов преобразований Петра I, и только уже после ее вынесения сообщает о существовании разных мнений в отношении личности и политики императора.

По мнению разработчиков Стандарта, петровские преобразования «позволили в кратчайший срок ликвидировать отставание России от европейских стран (в промышленном и военном отношении), поставив в один ряд с великими мировыми державами того времени». К результатам политики Петра I следует в создаваемых на основе Стандарта школьных учебниках отнести: создание сильной армии и флота, начало формирования национальной промышленности, закладывание основ для институционализации регулярного государства, занятие дворянством господствующего положения в государстве, заимствование частью общества европейских культурных образцов, развитие наук, просвещения и светского искусства, достижение России статуса империи.

Властную систему петровского времени предлагается трактовать как абсолютизм, что, как известно по развернувшейся еще в советское время дискуссии, было поддержано далеко не всеми историками. Характеристика государства Петра I как системы абсолютизма указывало в представляемой версии исторического процесса на единство российского и европейского исторических процессов. Указывалось также на отступление преемников императора от принципов петровской политики, состоящих в требовании общего служения всех сословий. Последующие правители России приняли установку послаблений в отношении дворянской службы, а затем и предоставления дворянам возможности не служить. Необходимо при этом заметить, что выдвигаемый разработчиками Стандарта концепт всеобщности государственной службы при Петре I нивелировал акцентированное прежде положение о классовом неравенстве в российском феодально-крепостническом обществе.

Властный дискурс

Важно зафиксировать апелляцию к Петру I в качестве одного из ключевых образов российской истории с позитивной коннотацией на уровне властного дискурса. В том, что именно Петр I из всех политических деятелей заслуживает наибольшего восхищения, заявил Президент Российской Федерации в 2019 году в интервью «Financial Times». Поясняя свою позицию, В. В. Путин указал, что, по его мнению, петровское дело продолжает жить и в настоящее время.

Петр I дважды был включен В. В. Путиным в тройку самых выдающихся фигур российского прошлого. Во время встречи с политологами в 2012 году перед президентскими выборами он наряду с Петром I в перечень наиболее близких ему правителей в истории России включил также Александра Невского и Екатерину II. В 2019 году, отвечая на вопрос о национальных героях России, Президент назвал А. С. Пушкина, Петра I и добавил П. И. Чайковского. Главными заслугами императора им назывались проведенные преобразования и основание Санкт-Петербурга.

Высокую оценку давал деятельности Петра I премьер-министр России Д. А. Медведев, провозглашая в 2019 году подготовку к празднованию 350-летия императора. По словам премьера:

«За время своего правления Петр I превратил патриархальную Русь в огромную и мощную Российскую империю — сильную и в то же время просвещенную европейскую державу, с которой стал считаться весь мир». Как и Президент, Д. А. Медведев связывал в своих оценках деятельность императора с современной российской государственностью. Раскрывая это положение, в заслугу Петру он ставил закладку оснований военного и инженерного дела, административной и правовой системы, национальной культуры. Премьер в своем выступлении проводил историческую параллель между петровской эпохой и современностью в плане запроса на энергичных и целеустремленных личностей, готовых брать на себя ответственность за необходимые стране преобразования.

Таким образом, можно говорить, что и на уровне высших фигурантов российской власти существует представление о Петре I как царе-преобразователе, соотносимое в основных чертах с теорией модернизации. При этом в качестве следствий петровских реформ акцентировалось внимание на укрепление российского государства через переход страны на рельсы современного развития.

Общественное мнение: образ Петра I в историческом сознании российского социума

Сходная в целом позиция в восприятии фигуры Петра I доминирует и в массовом общественном сознании. При том что историческое сознание российского социума характеризуется состоянием расколотости, проявляемой в отношениях многих персоналий и событий прошлого, в восприятии Петра сложился сравнительно устойчивый консенсус (если иметь в виду взгляды большинства населения).

О степени популярности Петра I можно получить представление по материалам регулярно проводимых Левада-Центром опросов по выявлению наиболее выдающихся деятелей в истории в восприятии российского социума. По всем проводимым социологическим замерам Петр I оказывался в группе наиболее популярных исторических деятелей. В 1989 году он с 38% голосов занял вторую позицию. Выше с 72% был только В. И. Ленин, место которо-

го определялось контекстом еще существовавшего на время опроса СССР. Третьим, с заметным отставанием от Петра в 13%, оказался А. С. Пушкин. И. В. Сталин в 1989 году получал только 12% голосов поддержки, и рост его популярности произойдет позже.

Опрос 1994 года отражал уже реалии исторического сознания российского общества постсоветского времени. Петр I с показателем в 41% занял тогда первое место. В. И. Ленин оказался оттеснен на вторую позицию — 34%.

Максимум популярности фигура Петра I — 45% — достигла по результатам опроса 1999 года. Он сохранял первую позицию, однако отставание идущих вслед за ним и делящих 2–3 места Ленина и Пушкина сократилось до 3%.

По результатам опроса 2003 года Петр I и В. И. Ленин с показателем в 43% поделили первое место. Следующую ступеньку занял существенно поднявшийся в рейтинге И. В. Сталин — 40%.

2008 год ознаменовался успехом А. С. Пушкина в опросе Левада-Центра. Петр I оказался на втором месте — 37%, И. В. Сталин — на третьем — 36%. В 2012 году Петр I, набрав те же 37% голосов, делил 2–3 места с Лениным. Сталин вышел впервые в лидеры условной гонки, сохраняя лидерскую позицию и в дальнейшем.

Последующие опросы 2017 и 2021 годов обозначили тенденцию снижения рейтинга популярности Петра I — соответственно 29% и 19%. В обоих случаях это соответствовало четвертому месту.

Определенное снижение рейтинговых позиций Петра I может быть объяснимо разочарованием в отношении западного вектора российской политики, исторически ассоциированной с петровским политическим курсом. Сказывалась, вероятно, и условная конкуренция с историческими деятелями советской эпохи. Тем не менее сама по себе четвертая позиция Петра I является указанием на сохраняемое восприятие его в качестве одной из ключевых фигур российского исторического нарратива.

Проведенный анализ позволяет зафиксировать переход к новому историографическому этапу осмысления личности и политики Петра I. Прежнее пространство дискурса оказалось трансформировано в результате смены ключевых дихотомий. Сложившиеся

«чистые модели» осмысления петровских трансформаций должны, вероятно, в перспективе привести к изменениям восприятия Петра I в рамках исторического сознания российского социума.

Изменения исторического сознания происходят с определенной задержкой по отношению к сменам историографических и шире — дискурсивных парадигм. В настоящее время как на уровне властных представлений, преломляемых в государственной исторической политике, так и на уровне массового общественного мнения доминирует взгляд в отношении Петра I как на гениального преобразователя, выведшего Россию в число передовых держав мира, а также блестящего полководца. Такое представление является синтезом семантик прежней советской интерпретации (романа А. К. Толстого и фильма В. М. Петрова с одноименным названием «Петр Первый») и теории модернизации (образ Петра в качестве предтечи всех последующих российских реформаторов). Но смена векторов развития России на современном этапе, предположительно, актуализирует запрос на новое переосмысление петровской эпохи в соответствии с трансформирующейся системой ценностей и идей российского общества.

Имея в виду палитру исторического дискурса, смена оценок деятельности Петра I не исключена и в логике превращения героя в антигероя. Но доминация той или иной системы оценок будет определяться совокупностью факторов, включая государственную историческую политику, общественные запросы на ассоциативные образы прошлого и актуальные вызовы.

ГЛАВА 2. ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

Не существует абсолютно замкнутых в мировоззренческом плане социальных систем. Можно говорить лишь о большем или меньшем уровнях открытости. Не была полностью изолированной в отношении внешних идей и Московская Русь. Идеи эти проникали в российское общество, почти исключительно на уровень элиты, оказывая опосредованное влияние на политическую повестку.

Расхожее утверждение — Петр I повел Россию по пути европеизации. А в чем, собственно, эта европеизация заключалась? В Европе на рубеже XVII и XVIII веков циркулировали разные идеи. Европа не была тогда еще идейно унифицирована. Понятие «европеизация» в этом отношении очень абстрактное. На какие из европейских идей опирался в своей деятельности Петр I? К каким интеллектуальным группам был близок? Попытаемся в этом разобраться.

Иностранные языки и круг чтения

Уместно ли вообще вести речь об иностранном влиянии на Петра I, имея в виду его, как принято считать, недостаточную образованность? Конечно, Немецкая слобода влияла, но ее влияние могло касаться бытовых норм, но не интеллектуального дискурса. Действительно, Петр I имел пробелы с грамматикой и писал с ошибками. Но по уровню знания иностранных языков он по меркам своего времени являлся человеком незаурядным. Петр достаточно хорошо

владел голландским и немецким языками. Причем голландский язык он освоил, еще будучи в Москве, до своей первой поездки в Европу. Голландия, о чем забывают сегодня, была тогда передовой страной развития капитализма, опережавшей в динамике капиталистического развития даже Англию. На втором уровне освоения Петром I находились языки шведский и польский. Немного знаком он был с английским и татарским языками. Мог государь читать тексты, написанные на латыни. Все это позволяло Петру I быть включенным в европейский общественный дискурс.

Изучение Петром I голландского языка еще до петровской поездки в Европу является важным историческим свидетельством. Получается, что интерес к Европе и конкретно к Голландии возник у Петра Алексеевича не спонтанно. Интерес был настолько велик, что побудил тратить время на изучение голландского языка. Это позволяет сделать второе допущение — наличие, во-первых, субъектов коммуникации по-голландски, во-вторых, наличие текстов на голландском языке. К поездке в Европу Петр, по-видимому, готовился.

Существуют прямые свидетельства знания Петром I трудов европейских философов, связанных, в частности, с концепцией естественного права. В наказе о воспитании царевича Алексея он указывал на целесообразность чтения наследником трудов Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа. Петр I ссылался на работы Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» и «О праве естественном и народном». Государь предписывал переиздать указанные сочинения в Голландии на французском языке. Особо индикативно в данном случае предписание государя издать книги в Голландии, а не в России, на французском, а не на русском. Очевидно, государь, принимая суть теории естественного права и другие европейские философские концепты, полагал, что Россия к их принятию не готова. Об этих концептах должен был знать наследник престола, но не знать народ.

Россия как «новая Голландия»

Влюбленность Петра I в Голландию имела свое объяснение. В настоящее время Нидерланды занимают 27-е место в мире по объемам ВВП, а по показателям на душу населения — на 16-й строчке. Без-

условно, это неплохая позиция, но не та, которую имели Нидерланды к началу XVII века. В то время Голландия был главным финансовым центром мира. По рассчитываемым в проекции прошлого ВВП на душу населения она находилась на абсолютной первой позиции. Не Лондон, а Амстердам являлся в то время главным мировым центром сосредоточения капитала. Крупнейшим торговым флотом в мире тоже являлся голландский. По некоторым оценкам, $\frac{4}{5}$ всех судов Европы ходило тогда под флагом Голландии. Существует мнение об особой роли, которая сыграла в подъеме Нидерландов протестантская этика труда.

На момент осуществления «Великого посольства» Англия и Голландия управлялись одним королем. В 1689 году Штатгальтер Голландии, Зеландии, Утрехта, Гелдерланда и Оверэйсела Вильгельм Оранский становится одновременно и королем Англии под именем Вильгельм III. Петр I, переплывая через Ла-Манш, перемещался в другую часть его владений, что не мог не сделать даже по соображениям дипломатического этикета. В результате «Славной революции» был свергнут с престола король-католик Яков II из династии Стюартов.

Вильгельма Оранского поддержали в борьбе протестанты Англии, полагавшие, что Яков готовит католическую реставрацию. Протестанты Голландии, являвшейся на то время центром сосредоточения различных протестантских направлений Европы, главным образом кальвинисты, солидаризировались с протестантами Англии — преимущественно состоявшими из англикан. Сторонники династии Стюартов, впрочем, не признали поражения. Свергнутого Якова II и его детей продолжали поддерживать отдельные католические государства Европы во главе с Францией, возглавляемой тогда Людовиком XIV, позиционирующимся в качестве светского лидера католицизма. Французы до 1697 года не признали Вильгельма III и считали королем свергнутого Якова II, а после смерти того поддержали его сына Якова III.

Выбирая поездку в Англию, Петр I не мог уже совершить визит во Францию. В сложившейся ситуации он сделал ставку на отношения с Вильгельмом III, а не Людовиком XIV. И действительно, отношения с английским королем во время визита в Англию сложились довольно теплые. Вильгельм III давал царю советы и,

не исключено, что церковная реформа в России была проведена не без влияния английского монарха. Однако Вильгельм III, который был на 22 года старше Петра I, прожил после визита царя недолго и умер в 1702 году. При последующих английских правителях — Анне I и Георге I — представителе новой династии королей Ганноверской — отношения России с Англией ухудшились. Петр I рассчитывал на посредничество Анны для заключения мира с Карлом XII. До Полтавской битвы, ставшей переломной в Северной войне, царь искал возможные пути выхода из конфликта. Но из надежд на Англию ничего не вышло.

Во время своего второго путешествия по Европе 1716–1717 годов Петр I уже Англию не посещал, но направился с визитом во Францию. На завершающем этапе Северной войны Англия и вовсе подписала союзнический договор со Швецией. В Балтийское море прибыл даже английский флот, и, хотя в боевых действиях участия не принимал, от него исходила реальная угроза. К концу своего правления Петр I рассматривал Британскую империю в качестве главного соперника России.

Увлечение Петра I Голландией постепенно ослабевало. Отчасти этого было связано с вступлением Нидерландов в полосу кризиса. После смерти Вильгельма Оранского в Голландии начался затянувшийся на долгие годы «Второй бесстатхаудерный период» (период без штатгальтера). Существенный урон нанесла Нидерландам и длительная война за Испанское наследство. И прежнего экономического благополучия Петр I в Голландии во время своего путешествия по Европе уже не мог наблюдать. Да и голландцы были менее приветливы. Отчасти потому, что наступили «годы худых коров», отчасти ввиду торговой активизации России, объективно невыгодной Нидерландам.

Европа протестантская.

Петр I — противник католицизма

В историографии представлены три основные позиции в отношении протестантских заимствований Петра I. Первая состоит в отрицании протестантских экстраполяций. Даже новая сино-

дальняя система управления Церковью трактуется отрицателями петровского протестантизма как православное, идущее от византийской традиции, установление. Вторая позиция заключается в резкой критике протестантских привнесений Петра I. Заявляется фактически об отступлении от православия в пользу протестантизма, внедрении протестантских норм в систему управления и культуру. Правда, о каком из направлений протестантизма идет речь, как правило, не уточняется. Между тем, как известно, протестантизма в качестве единого учения не существует. И конкретизация вопроса, о какой из протестантских конфессий идет речь — лютеранстве, цвинглианстве, кальвинизме, англиканстве, баптизме, вызывает крайние затруднения.

Третий подход заключается в утверждении целесообразности протестантских экстраполяций. Протестантизм сообразно с ним рассматривался как путь в направлении становления светского общества. Соответствующее видение утвердилось в рамках либеральной мысли еще с «Очерков по истории культуры» П. Н. Миллюкова. Лидер кадетской партии представил в своем труде схему, сообразно с которой наиболее авторитарным и обскурантистским из всех христианских конфессий являлось православие. Католицизм был выше православия, а протестантизм, по условным уровням прогресса, выше католицизма. Сам же протестантизм рассматривался как мост к следующей стадии прогресса — секулярному обществу.

Современный автор А. М. Глинчикова пишет о двух сторонах протестантизма в восприятии Петра I. «Хорошая» для него сторона состояла в избавлении от контроля со стороны Церкви и ее опеки политической власти. Протестантская модель открывала перспективы секуляризации церковных земель и перехода к системе абсолютизма. В фокусе истории Европы периода перехода от средних веков к Новому времени это было действительно так. Европейские монархии, принимая Реформацию, освобождались от контроля со стороны Папства.

Но для русской монаршей власти такого рода задачи не были актуальны. Абсолютизм для России находился в перспективе отхода от теократизма, и в этом отношении он не усиливал легитимацию власти государя, а, напротив, ослаблял.

Оказавшись в 1712 году на родине Мартина Лютера и в центре зарождения протестантизма в Виттенберге, Петр I давал высокую оценку деятельности духовного лидера Реформации. «Сей муж, — говорил русский православный государь, стоя у статуи Лютера, — подлинно заслужил это. Он для величайшей пользы своего государства и многих князей, кои были поумнее прочих, на папу и на все его воинство столь мужественно наступал». Публичность такой оценки царем лидера неправославной конфессии в прежние времена была невозможна. Петра I, судя по приводимой цитате, привлекало прежде всего в Лютере его противодействие папе.

Но была в протестантизме, как пишет А. М. Глинчикова, для Петра I и «плохая сторона». Она состояла в развитии на основе протестантской платформы индивидуальных свобод. «Логика модернизации, — пишет Глинчикова в исследовании, посвященном Феофану Прокоповичу, — требовала прекратить гонения за веру, нарастания компонентов свободы совести и индивидуализации духовной среды. Но Петр понимал, что протестантизм имеет не только «хорошую», удобную для власти, но и «плохую», опасную, сторону, связанную с субъективизацией и индивидуализацией общественной и религиозной активности. Такая трансформация общества, ведущая его от теократического к гражданскому, не входила в планы Петра при всем его восхищении цивилизованной Европой». Поэтому петровский дрейф в направлении протестантизма имел свои пределы и ограничители.

Четвертая объяснительная позиция состоит в рассмотрении петровского сдвига в сторону протестантизма не в качестве альтернативы православию, а альтернативы католицизму. В российской элите конца XVII века была значительная группа симпатизантов латинского Запада. Западничество в версии латинства получило распространение при дворе Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны. Для России это выражалось в перспективах униатства. Если бы не петровский протестантизм, европеизация пошла бы по пути католической экспансии. Петр I, осознанно или нет, использовал протестантскую карту против латинства. И, надо сказать, католический сценарий европеизации России начиная с петровского времени был снят с повестки. После Петра I актуальная в течение ряда столетий угроза унии более не возникала.

Лично Петр Алексеевич, сколь ни представляли его в качестве западника, крайне негативно относился к папству. Его западничество было в этом отношении избирательным. Еще в 1698 году, будучи в Вене и осматривая иезуитский коллегиум, государь высказался следующим образом о деятельности Ордена Иисуса: «Знаю я, что иезуиты большею частью люди ученые, во многих художествах искусные и ко всему способные. Но не для меня. Ибо я знаю также, что сколько они ни кажутся набожными, однако же вера их служит только покровом к обогащению, равно как их училища и художества — орудием к проискам, услугам и выгодам пап в их господствовании над государями». Петр, судя по приведенному высказыванию, однозначно не принимает стремления пап господствовать над государями и видит, что структуры католической Церкви работают целевым образом на интересы папского господства.

Во время своих заграничных путешествий Петр I, вопреки распространенным представлениям, интересовался не только прикладными аспектами жизни западного общества, но и гуманитарными, включая вопросы философии и религии. Еще во время своего первого заграничного путешествия, будучи в Англии, он серьезно интересовался устройением англиканской церкви. В пользу англиканства обрабатывали царя и англичане. Сам английский король Вильгельм Оранский рекомендовал Петру I самому, как в англиканской церкви, встать во главе религии. На церковные темы царь вел также беседы с наследной английской принцессой Анной. Петру I импонировали ее антикатолические убеждения. Беседовал царь и с высшим духовным иерархом Англиканской церкви архиепископом Кентерберийским. И для удовлетворения интересов российского государя тот даже прикрепил к нему специального консультирующего богослова. Консультанта Петру I выделил и Оксфордский университет. Так что пониманием, как устроена Англиканская церковь, царь обладал и мог вполне опираться на него при проведении синодальной реформы.

Важной составляющей идейного европейского контекста петровских церковных реформ являлась также развернувшаяся в рамках самого католического мира борьба с квиетизмом. Квиетизм представлял собой мистическое движение в католицизме,

опирающееся на идею о об особом «принимательном» состоянии души в единении человека с Богом. Главным противником квиетистов стал французский король Солнце Людовик XIV, организовавший их осуждение со стороны папства. Глава движения епископ Франсуа Фенелон, автор бестселлера «Приключения Телемака», возражал, что речь идет о традиционной церковной мистике. И в своих возражениях он был, по-видимому, прав. Но наступала уже эпоха рационализма, и мистика делегитимизировалась. С подозрением к мистике относился и Петр I, безусловно, являвшийся человеком своей эпохи.

Голландские протестанты

Кальвинизм с его акцентированностью идеи предопределения был из христианских течений наиболее далек православному богословию. И в этом отношении в особых симпатиях Петра I к кальвинистской Голландии обнаруживается определенный парадокс. Но Голландия не была в XVII — начале XVIII века конфессионально однородна. В оппозиции к кальвинистам там выступали, в частности, арминиане — последователи Якоба Арминия. Арминиане отстаивали в полемике с кальвинистами определяющее значение свободы воли. Отсюда следовали обвинения их в пелагианстве или полупелагианстве. Но в пелагианстве обвиняли на Западе и православных.

Обвинения восходили к дискуссии между Августином, роль которого в становлении теологии западного христианства трудно переоценить, и ересиархом Пелагием. Ни православные, ни арминиане, пелагианцами в действительности не являлись. Достаточно сказать, что Пелагий отрицал первородный грех Адама и полагал, что тот умер бы вне зависимости от совершения греховного деяния. И именно из положения об отсутствии первородного греха следовал пелагианский тезис о свободе воли. В понимании православия, равно как и арминианства, свобода воли есть дар Божий человеку. Согласно позиции арминиан, Христос своей жертвой искупил грех каждого. И каждый может спастись, основанное к чему является свободный выбор человека. Предопределение

имеет условный характер, так как в Божьем промысле оказывается учтен факт веры. На верующего нисходит благодать Святого Духа, являющаяся основанием спасения. Но человек может утратить по своему выбору благодать, воспротивиться ее действию.

Арминиан, как и православных, обвиняли в приверженности синергизму. Распространенное сегодня понятие «синергия» имело религиозное происхождение, подразумевавшее соработничество человека и Бога. Большое значение идее соработничества уделялось, в частности, в исхиазме, возникшему в Византии и имевшему своих последователей на Руси. Исхиазм сыграл огромную роль в развитии православной мысли. Соединение Божьего промысла со свободой воли человека в спасении души — идею, отстаиваемую арминианами также было возможно трактовать как синергизм. Кальвинизм занимал противоположную позицию — монергизма, сводя спасение исключительно к действию Божественного предопределения.

Таким образом, определенная переключка православного учения с арминианством действительно существовала. Потенциально это могло привлечь если не самого Петра I, то кого-то из его окружения в Церкви, как, например, Феофана Прокоповича. Арминианином был и Гуго Гроций, чье имя связывалось одновременно с теорией общественного договора и теорией естественного права.

В классической работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» показывалось влияние кальвинизма на переход к капиталистической системе. Идея предопределения логически развивалась в идее избранничества. Кальвинизм обнаруживал индикаторы богоизбранности, к которым относил, в частности, денежный успех. Но более правильно, вероятно, говорить о нескольких мировоззренческих истоках капитализма. В. Зомбарт оспаривал позицию Вебера, выдвигая вместо кальвинизма в качестве такого источника иудаизм. По-видимому, определенную лепту в становление капиталистической европейской модели привнесло и арминианство. Отсутствие предопределенности означало и отсутствие предустановленности сословного статуса. Это могло стать другой стороной формирования мировоззренческого контекста развития капиталистической системы, в чем Голландия шла впереди других стран Европы, включая Англию.

Англиканство и религиозная жизнь Англии

Россия при Петре I не являлась веротерпимой страной в той степени, как понимается веротерпимость сегодня. Но не было веротерпимости в этом смысле и нигде в Европе. В католических странах все еще продолжала действовать Святая инквизиция. В протестантских — религиозное законодательство было мягче лишь относительно инквизиционной практики. Одной из наиболее веротерпимых европейских стран считалась Англия. Там действительно в 1689 году был принят Акт о веротерпимости (полное название — «Акт об освобождении от наказаний, предусмотренных соответствующими законами, протестантских верноподданных, отделившихся от Церкви Англии»). С принятия его смягчалась прежняя религиозная политика в отношении протестантов диссентеров, признающих власть короля, но по каким-то причинам не принимающих Англиканской церкви. Легализованы в результате принятия Акта оказались, в частности, баптисты и квакеры. Но им по-прежнему запрещалось занимать государственные и общественные должности, являться членами суда присяжных. Под смягчающее действие Акта о веротерпимости не попадали католики и протестантские радикалы.

Но в 1697 году, в самый канун приезда Петра I в Лондон, английский парламент принимает закон, направленный на ужесточение религиозной политики — «Акт о более эффективном подавлении богохульства и нечестия». Преступниками сообразно с ним оказывались лица, воспитывавшиеся в христианской религии, которые отрицали Троицу, единобожие, Божественный авторитет Библии. Наряду с антитринитариями — неоарианами подверглись гонениям деисты и пантеисты. Были прецеденты изгнания с кафедр и даже казни — повешение за отрицание Троицы двадцатилетнего студента Томаса Эйкенхеда. Антитринитарист Ньютон не пострадал, но его преемник в Кембриджском университете математик и историк, переводчик «Иудейских древностей» Уильям Уистон лишен профессорского звания. Вынужден был из-за своих арианских воззрений уехать из Англии в Северную Америку знаменитый химик, первооткрыватель кислорода Джозеф Пристли.

Непосредственным основанием для принятия Акта 1697 года было издание Джоном Толандом книги «Христианство без

тайн...», написанной с позиций идеи о единстве материального мира. Книга была подвергнута сожжению, а ее автор вынужден был бежать, спасаясь от тюремного заключения. Так что какого-то особого случая «петровской тоталитарности» на общем европейском фоне не существовало. Были преследования старообрядцев Петром I в России, но были в то же время гонения на инакомыслие во всех странах Европы. Феофан Прокопович излагал примерно те же взгляды, что и Толанд о единстве материи, но делал это легально.

Во время своего заграничного путешествия Петр I вопреки распространенным представлениям интересовался не только техническими аспектами жизни Европы, но также вопросами гуманитарными и даже религиозными. Будучи в Англии, царь даже посетил молитвенный дом квакеров. Квакеры, хотя и были легализованы Актом о веротерпимости, не представляли собой официального религиозного течения. Специфичность их учения и обрядовой практики делали визит к ним Петра I шагом экстравагантным.

Квакеры пытались обратить внимание царя на тяготы крепостного права в России, призывали к развитию образования для простых людей. Нет оснований считать, что квакерское учение оказало сколь бы то ни было значимое влияние на Петра I. Близкой у квакеров могла показаться, вероятно, лишь этическая позиция о простоте, призыве довольствоваться лишь необходимым. Не мог, естественно, царь, ищущий себе союзников для ведения войны, принять радикальный пацифизм квакеров, их неприятие военной службы.

Другое дело — Англиканская церковь. Царь посещал англиканские храмы и интересовался англиканской системой управления. Его собеседником не раз являлся епископ Солсберийский Джилберт Бернет. Модель, когда во главе Церкви стоит монарх, с большой долей вероятности Петр I при проведении церковной реформы в России заимствовал у англикан.

Теория «общего блага»

Петр I, как и многие другие европейские государи XVIII века, по-видимому, разделял фундаментальные положения теории общего блага. То, что государственная власть должна стремиться

к обеспечению блага всех своих граждан, казалось бы, очевидно. Может показаться, что представление банальной в сути своей задачи в качестве особой теории является имитацией концептуальности. Но для раннего Нового времени очевидной установка достижения общего блага еще не являлась. Как правило, акцент в интерпретации содержания теории общего блага делался на прилагательном «общее», хотя важное значение в развитии общественной жизни имело и слово «благо».

Стремление к благу отсутствовало в ценностно-целевой повестке средневекового государства. Христианские государства средневековья стремились не к благу, а к добру, противостоя злу. Стремление же к добру оказывалось возможным при наделении государства свыше благодатью.

Благодать и благо в русском языке, несмотря на то что являются словами однокоренными, имеют разный смысл. Благодать нисходит от Бога, тогда как благо связано с удовлетворением человеческих потребностей. И эта переориентация от духовных императивов к реализации потребностей отражала общий тренд секуляризации при переходе от Средних веков к Новому времени.

По прошествии двух с половиной столетий все сущностно повторится: от проекта строительства нового человека КПСС при Н. С. Хрущеве переориентировалась на задачу максимального удовлетворения материальных потребностей граждан.

Переход от модели государства добра к государству общего блага прослеживается только в русскоязычном наименовании теории. На английском языке она звучит как «common good», что различия между добром и благом фактически нивелировало.

Теория общего блага подразумевала секуляризацию, но не являлась, как может показаться, обозначением тенденции демократизации. Общее для всех противопоставлялось частному — для избранных, но не единичному, понимаемому в качестве единого. Говоря проще — теория общего блага была направлена против феодальной аристократии, инструментом подавления которой выступала институция монаршей власти. Во имя общего блага монарх ограничивал привилегии немногих. Автократизм на этом этапе развития европейской мысли не противопоставлялся обществу, а, напротив, являлся режимом обеспечения его интегрированных интересов.

Собственно, и само понятие «общество» возникает именно в этот период. Ранее структурными единицами выступали Церковь, сословия, общины, цеха, теперь — общество. Пройдет время, и наступит следующий этап развития европейской политической мысли, когда общество будет противопоставляться власти автократора. Но это произойдет позже. Пока же на конец XVII — начало XVIII века монархи действуют в союзе с третьим сословием, стремясь к ограничению влияния первых двух сословий. Отсюда следует в плане конфликта с первым сословием — священнослужителями — политика секуляризма, в плане же конфликта со вторым сословием — дворянской аристократией — переориентация от системы властвования аристократии (рыцарства) к бюрократизму.

Политика Петра I и выстраиваемая им система управления соответствовала европейским трендам. И в этом отношении, когда современные авторы с позиций либерализма предъявляют Петру I обвинения в усугублении автократии, то такие же претензии с равным основанием они могли бы предъявить и фактически всем европейским монархам соответствующей эпохи. Укрепление монаршей власти требовалось для подавления власти аристократии. Утверждение, будто бы Петр I повел Россию по пути тоталитаризма, размежевавшись на стадии раннего модерна с Европой, идущей будто бы по пути демократизации, есть не более чем штамп антироссийской исторической пропаганды. Европа в начале XVIII века носителем идей демократии не являлась.

Идея общего блага, несмотря на свое европейское происхождение и секуляризационный подтекст, удачно легла на российскую цивилизационную почву. Апелляция к всеобщности соотносилась с традиционным общинно-коллективистским русским ценностным ориентиром. Этот ориентир был определен Николаем Бердяевым в качестве парадигмы русского коммунизма, в череду выразителей идеологии которого философ включал, как известно, и Петра I.

Другой стороной теории общего блага, соотносимой с русской цивилизационной традицией государствовоительства, являлось выстраивание модели с двумя составляющими — монарх и народ. В этой модели не оставалось места для элиты, которую и должна была ограничить в ее притязаниях монаршая власть. На Руси, как из-

вестно, в народе никогда не любили бояр. На царя уповали как на карающий меч против боярской неправды и боярской крамолы. Царь символизировал собой единство русской общности. Все это перекликалось с теорией общего блага. Триада времен Николая I «православие — самодержавие — народность» продолжала в аспекте единства монарха и народа идеологическую линию Петра I. Правда, в этой триаде присутствовал компонент православия, отсутствующий в теории общего блага, что придавало идеологии в версии Николая I уже не секулярный, а неотократический характер.

Теория «общественного договора»

Как и теория общего блага, теория общественного договора выражалась в петровское время в двух фундаментальных аспектах нового государствовоительства — секуляризации и обосновании монаршего права. Секулярный аспект выражался в том, что происхождение власти осмысливалось теперь не как Божье установление, а как договор между людьми. Власть, отделенная от Бога, десакрализировалась. Более того, она оказывалась злом — Левиафаном, но злом объективно необходимым.

Без государства, рассуждал Томас Гоббс, люди были обречены на то, чтобы истребить друг друга. В первобытном естественном состоянии человек был наделен правом на все, и это обуславливало войну всех против всех. Создание государства являлось необходимым для человечества ограничителем человеческой свободы. Заключался договор, согласно с которым часть прав отторгалась от человека в пользу избранной власти. Договор мог в отдельных случаях перезаключаться, для чего была предусмотрена процедура периодически проводимых выборов.

Очевидно, что предлагаемая в рамках теории общественного договора версия государствогенеза принципиально отличалась от христианской традиции трактовки сущности государства. Христианский взгляд, согласно с которым земное царство есть отражение царства небесного, теория общественного договора отрицала.

Имели место, впрочем, попытки соединения теории общественного договора с теократизмом. Такую задачу решал, в частности,

в конце XVI — начале XVII в. испанский политический мыслитель, признававшийся ведущим европейским философом своего времени, Франсиско Суарес. Католическая церковь, как ни парадоксально, поддержала секулярную в своей сути теорию общественного договора. Такая поддержка объясняется угрозой ослабления власти папства при усилении тенденций абсолютизма. Ватикан небезосновательно опасался, что монархи выйдут из-под контроля Церкви, и для блокирования этой угрозы принимает линию дискредитации представлений о Божественной легитимности королевской власти. В России Православная Церковь была симфонически связана с монархией и в силу этого подрывной деятельности против нее, подобной той, которую проводил Ватикан, не осуществляла.

Второй аспект теории общественного договора состоял в обосновании особых монарших прав, получаемых им на основании устанавливаемого консенсуса. Во времена Петра I теория общественного договора не являлась либеральным концептом, как она будет переосмыслена позже. Напротив, она представляла аргументы об объективной необходимости ограничения частных прав в пользу высшей власти. Сторонники теории общественного договора петровского времени являлись монархистами. Различия в их оценках варьировались между позицией Томаса Гоббса, приверженца абсолютизма королевской власти, и Джона Локка, защищавшего систему либеральной монархии. Основные труды обоих мыслителей увидели свет во второй половине XVII века и задавали содержание идейного дискурса. Государство Петра I вполне соотносилось с гоббсовской моделью и, таким образом, не выпадало из дискурсивного контекста времени. Связь теории общественного договора с республиканскими идеями возникнет гораздо позже — во времена Жан-Жака Руссо.

Вместе с тем даже у монархистов теория общественного договора содержала подрывные положения в отношении монархии. Договорная природа происхождения государства предполагала ответственность за нарушение любой из сторон содержания договора. В том случае если договор нарушали граждане, по отношению к ним применялись карающие статьи закона. Но как быть, если нарушителем договора оказывался монарх? Сообразно с теорией, договорные обязательства в отношении него со стороны на-

рода переставали действовать. И тогда, как полагал Локк, народ имеет право на восстание.

Для религиозного понимания восстание против помазанника Божьего являлось и восстанием против Бога. Хотя еще во второй половине XVI — начале XVII века монархомахи в Европе обосновывали право убийства тирана, отступившего от Божественных заповедей. Являясь царем, то есть фигурой сакральной, хотя и сдвинувшим систему государственности в сторону секулярности, Петр I принять теорию общественного договора в полном объеме вряд ли бы мог. Нет ни одного прямого указания на апелляцию к ней в рамках властного дискурса петровского времени. Россия и после петровского правления оставалась государством, исходящим из представления о Божественном, а не договорном происхождении государственной власти. Но, безусловно, опосредованного влияния теории общественного договора на течение российской общественной мысли периода реформ не могло не быть. Предпринятая через пятнадцать лет после смерти Петра I попытка Верховного Тайного Совета («временщиков») принудить Анну Иоанновну принять «кондиции» соотносилась с европейскими идеями о договорном характере государства.

Во внешней политике теория общественного договора оправдывала межгосударственную борьбу и экспансию. Все государства, полагал Гоббс, находятся по отношению друг к другу в состоянии конфликта — явной или неявной войны. В рамках общества этот заложенный в природу человека конфликт был подавлен через установление высшей государственной власти. На мировом уровне такого установления нет. Государства, безусловно, могут заключать договоры друг с другом, но без учреждения надгосударственной власти они могут легко расторгаться, а договорные обязательства нарушаться.

Следствием посылки о врожденной установке государств на войну станет в дальнейшем идея создания Мирового правительства. Эта идея будет составлять мейнстрим западной политической мысли. Влияние фундаментальной для западной политологии теории общественного договора скажется на двух ведущих концепциях международных отношений — реализма и либерализма. С ней соотносилась ключевая мысль концепции реализма о целевой уста-

новке государства в доминировании над другими государствами. Идея же либеральной концепции международных отношений связывалась с перспективой установления мировой гармонии через отмирание национальных государств и создание Мирового правительства.

Внешнюю политику Петра I тоже возможно было трактовать на основании гоббсовской парадигмы видения международных отношений. Если теория общественного договора действительно оказывала влияние на формирование петровского внешнеполитического курса, из этого вовсе не следует наличие особой империалистической доктрины Российской империи, как это преподносили на Западе. Гоббсом в то время увлекались многие политики, и Петр I — менее других.

К гоббсовской модели внешняя политика России и не могла быть сведена. Важнейшая роль во внешнеполитической стратегии России отводилась реализации русской миссии защитницы восточно-христианского мира, что плохо корреспондировалось с гоббсовской моделью следования государств своекорыстным интересам. Между тем и Прутский, и Персидский походы Петра I мотивировались помимо геополитических задач идеологическим позиционированием покровительства восточным христианам (в первом случае находящимся под властью Османской империи, во втором — Персидской).

Теория «естественного права»

Связь генезиса теории общественного договора с теорией естественного права особо наглядно прослеживалась у Гуго Гроция. Голландский мыслитель, имея в виду особый интерес Петра I к Голландии, мог попасть в фокус его внимания. Человек согласно с теорией естественного права наделен определенными правами уже в силу самого своего рождения. Гроций даже дошел до выдвижения положения, что естественное право человека имело бы место и при принятии греховного взгляда отсутствия существования Бога. Теоцентрическая картина мира упразднялась. Есть ли Бог или его не существует, человек в любом случае обладает есте-

ственными, данными ему от рождения правами. Соответственно, и государственные институты перестали пониматься как Божье установление и выводились от человека.

Коллизия теории естественного права состояла в столкновении прав человека как свободного создания и таких же прав других людей. Выходом из этой коллизии являлось установление ограниченной свободы человека правилами социального общежития. Регулятором обеспечения свободы каждого в рамках норм социального общежития выступало государство.

Понятно, что петровская модель государства выстраивалась далеко не по Гуго Гроцию. Положение, сообразно с которым человек наделен природно некими правами и свободами, в петровской России не получило развития. Концепт крепостного права опирался на совершенно иную философскую базу — всеобщности государственного тягла. Права давались сословным статусом и связывались с реализуемой соответствующим сословием государственной функцией.

Гуго Гроций включился в большой европейский спор о принципах морского права. Прецедентом, послужившим основанием для дискуссии, стал арест голландцами португальского судна с китайским фарфором. Гроций был привлечен нидерландскими властями для аргументации правомочности произведенного ареста. Позиция Нидерландов состояла в том, что Португалия нарушила принцип справедливости. Понятно, что трактовка того, что является справедливым, давалась в версии голландцев, и португальцы могли им противопоставить свою трактовку справедливости.

Гроций пошел дальше поставленной перед ним задачи. Им с апелляцией к естественному праву заявлялся принцип «свободного моря». Приверженность этому принципу стала позиция Голландии. Основным оппонентом ей выступала Англия, отстаивавшая распространение на морские пространства системы суверенитетов. Вероятно, Петру I, как правителю новой морской державы, должна была быть более близка позиция Голландии.

Гуго Гроций развивал идею о праве государств на справедливую войну. Основаниями для справедливой войны он считал самооборону, возмещение ущерба и наказание за совершенное злодеяние. Вторая и третья причины позволяли считать справедливыми

не только войны оборонительные. В рамках активной внешней политики, которую вел Петр I, выдвигаемое Гроцием право на войну могло быть идеологически востребовано. Так, к войнам с Турцией в контексте сложившейся традиции вполне подходило обоснование наказания за совершенные злодеяния.

Гуго Гроций имел огромную популярность в Европе, утраченную в последующие столетия. Его книга «О праве войны и мира» занимала по степени известности в европейских странах второе место после Библии. Трактат, увидевший впервые свет в 1625 году, был к 1775 году переиздан 77 раз. Так что вероятность знания трудов Гроция при дворе Петра I была достаточно высокой.

Изложение теории естественного права могло прийти в Россию в изложении Христиана Вольфа. Вольф был для своего времени крупнейшим систематизатором и популяризатором философского знания. По обвинению в атеизме он в 1723 году был изгнан из Галле. Однако по прошествии двух лет, в 1725 году, Вольф становится почетным членом только что учрежденной Петербургской академии наук и художеств. Это означает, во-первых, что в Петербурге сквозь пальцы смотрели на обвинения в атеизме, и, во-вторых, знали Вольфа, а соответственно, и распространяемые им взгляды.

Влияние Пуфендорфа

Переводы трудов Самуэля фон Пуфендорфа на русский язык и издание их в России проводились при личном кураторстве Петра I. Непосредственно подготовку к изданию его сочинений осуществлял иеромонах Гавриил (Бужинский), петровский панегирист, впоследствии епископ Рязанский и Муромский. Еще при жизни Петра I увидели свет изданные в Петербурге на русском языке книги Пуфендорфа «Введение в историю европейскую» в 1718 году и «О должностях человека и гражданина» в 1724 году.

Самуэль Пуфендорф сегодня, к сожалению, выпал из истории мировой общественной мысли, хотя для своего времени влияние его было огромно. Пуфендорфа считают, к примеру, одним из основоположников международного права в качестве особой науч-

ной дисциплины. Им одним из первых было дано определение понятия «культура», насчитывающее сегодня сотни вариантов, служащих основаниями различных подходов в культурологическом дискурсе. Был известен Пуфендорф и как автор исторических трудов, занимая одно время пост официального историографа при дворе шведского короля Карла XI в Стокгольме. Но особая его роль в перспективе развития общественных представлений Нового времени состояла в отделении права (в версии теории естественных прав человека) от теологии.

После Пуфендорфа теократическая система модели государственности более не могла признаваться состоятельной. В этом отношении издание его трудов в России, особенно «О должностях человека и гражданина», могло иметь далеко идущие последствия. Право вне зависимости от религии, утверждал Пуфендорф, должно соотноситься с разумом. Религия в новой конструкции для функционирования государства оказывалась более вообще не нужна.

Отказывался Пуфендорф от религии и при объяснении происхождения государства, встав на позиции теории общественного договора и связав ее с теорией естественного права. По своему естественному состоянию, полагал он, люди эгоистичны. Но именно эгоизм заставляет их объединяться в государства, так как только таким образом достигается безопасность. В основании государства Пуфендорф выделял два договора: один между людьми по вопросу об объединении в единую общность и избранию формы правления; второй — между ними и избранным правителем об обязанностях договаривающихся сторон. На основании второго договора часть естественных прав не отрешается от человека. Но присущая человеку естественная свобода при учреждении государства учреждается, и оно получает право осуществления насилия над людьми в целях достижения общего блага.

Таким образом, Пуфендорфу удалось соединить в рамках целостной концепции все три ключевые идеи своего времени — естественное право, общественный договор и общее благо. И все эти идеи в пуфендорфовском изложении были известны Петру I.

Пуфендорф при этом не разрывал с религией. Бог ставился им в центр бытия и определялся причиной всего сущего («крайней-

шей всех вещей виной»). Но он был лютеранином и критиковал в своих трудах католическую Церковь. Критике католицизма была, в частности, посвящена одна из глав во «Введение в историю европейскую». Изданная в России книга в этом смысле являлась не просто приобщением к европейской философии, но и антикатолическим памфлетом, что могло стать дополнительным фактором внимания к ней русского государя.

Направляя на перевод книгу Пуфендорфа, Петр I указывал, что в ней содержатся два трактата «... Первый о должности человека и гражданина, другой о вере христианской, но требую, чтобы первый токмо переведен был». Вероятно, государя привлекала именно светская философия немецкого мыслителя, тогда как переводить на русский его религиозные идеи, связанные с лютеранством, он считал, вероятно, неуместным для России. По-видимому, Петр I глубоко изучил произведения Пуфендорфа, о чем свидетельствует неудовлетворенность его русским переводом извлечения из «Введения в историю европейскую». Прочтя перевод, государь потребовал издать книгу немецкого философа в полном объеме.

Мода на Пуфендорфа охватывала в петровское время все российское образованное общество. Его книги на разных языках сохранились в каждой крупной библиотеке. Видный сподвижник Петра I князь Д. М. Голицын сам переводил Пуфендорфа. Нелишне здесь напомнить, что Голицын будет впоследствии составителем «Кондиций», которые должна была подписать Анна Иоанновна, что должно было стать правовой основой перехода к конституционной монархии. Конституционалистские взгляды князя формировались под влиянием европейской философии, и сам конституционалистский проект являлся ее логическим развитием при перенесении в Россию.

Согласно исследованиям профессора церковного права Е. Н. Темниковского, в изданный в форме царского манифеста Духовный регламент 1721 года были включены положения из сочинений Пуфендорфа. Разработчиком регламента являлся, как известно, Феофан Прокопович, симпатизировавший новым течениям европейской мысли и представлявший «протестантскую» партию. Включение идей лютеранского мыслителя в регламент управления Православной Церковью может показаться неслыханным

произволом со стороны иерарха. Как минимум, такой шаг даже для последних лет петровского правления грозил скандалом. Однако, учитывая глубокие знания Петром I трудов Пуфендорфа, такое привнесение не могло состояться без его ведения. Государь, очевидно, был в курсе об использовании в Духовном регламенте идей лютеранского мыслителя, что только подтверждает тезис о протестантской составляющей петровского церковного реформирования.

Исаак Ньютон

Петру I во время его нахождения в Англии во время «Великого посольства» приписывают встречи с Исааком Ньютоном, Кристофером Реном, Эдмундом Галлеем, Френсисом Ли, хотя прямые их документальные подтверждения отсутствовали. Встреча, а вероятно, и — встречи, Петра I с Исааком Ньютоном были весьма вероятны.

Обычно английский ученый ассоциируется с физикой и формированием механистической картины мира. Но на время петровского посольства Ньютон был и крупной административной величиной — министром финансов и хранителем Монетного двора. Заняв этот пост, он прежде всего изучил технологию производства монет. Дело в том, что Англия, впрочем, как и вся Европа, сталкивалась в те годы с острой проблемой фальшивомонетчества. Изменение при Ньютоне системы чекана сделало фактически невозможным фальсификацию монеты, привело к победе над инфляцией и, соответственно, обеспечило английский экономический прорыв.

Этот опыт не мог не заинтересовать Петра I. Находясь в Англии он трижды посещал Монетный двор. Известно, что Ньютон был оповещен о планируемом визите царя и вряд ли мог проигнорировать венценосную особу. А в 1700 году после возвращения Петра I из-за границы монетная реформа была проведена и в России. Одной из ее важнейших компонент являлось использование ньютоновской технологии чекана. Фальшивомонетчество было в семнадцатом столетии бичом для Московского царства, став при Алексее Михайловиче одним из главных факторов Медного бунта.

Проведенная Петром I реформа позволила выдержать финансовую нагрузку двадцатилетней Северной войны.

В пользу факта личного знакомства Петра I и Ньютона говорит и то, что при выходе в 1713 году второго издания «Математических начал натуральной философии» английский ученый направил книгу царю. Причем Петр I являлся первым из адресатов в ньютоновской рассылке. Вероятно, государь был знаком с книгой английского ученого, знал его взгляды.

С Ньютоном принято связывать не просто конкретные открытия в разных сферах знаний, но формирование новой картины мира, условно определяемой как механистическая. Он полемизировал с картезианцами, ищущими первоэлементы и первопричины. Ньютон апеллировал исключительно к опыту. Стал впоследствии мемом знаменитый его ответ — «Гипотез не измышляю», направленный непосредственно против картезианской позиции. Суть ньютоновской полемики с картезианцами заключалась в отрицании метафизики, которая лежала в основе системы Декарта. Следующим шагом отрицание метафизики приводило и к отрицанию религии. Ньютон этот шаг не сделал, но задал соответствующее направление. Ставка на опыт и отрицание метафизики — это могло понравиться Петру I и соответствовало его ментальному складу.

Сам же Ньютон не только не отрицал веры в Бога, но и являлся автором богословских сочинений. Существует даже понятие «ньютонианство», представляющее особое направление в религии. Будучи рационалистом, Ньютон на рационалистической основе подходил и к религии. Еще со времен Френсиса Бэкона широкое распространение получила метафора двух книг — книга о мире духовном и книга о природе. Ньютон принимал это разделение и считал недопустимым проводить их смешение. За проведение этого смешения он обличал Декарта и Лейбница. Более того, их последователей Ньютон обличал в еретичестве, уходящем к гностицизму и платонизму. Религиозных мистиков и метафизиков он считал даже большими грешниками и врагами подлинной веры, чем атеистов. Мистические видения монахов он интерпретировал как галлюцинации. Серьезное внимание уделял Ньютон происхождению библейских текстов, полагая, что в пер-

вые века христианства Библия была сфальсифицирована приверженцами гностицизма.

Резко негативно относился Ньютон и к Католической церкви. По его мнению, она впала в идолопоклонство и отступила таким образом от христианства. Антикатолицизм Ньютона соотносился с позиционированием Англии и совпадал с интересами Англиканской церкви. На время преподавательской деятельности Ньютона лояльность к англиканству и антикатолицизм являлись обязательными.

Но Ньютон переступал и догматы англиканства. Большинство исследователей склоняются к его оценке как антитринитария, последователя арианского учения. Ньютон не признавал догмат о Троице. Он считал, что концепт о троичности Бога являлся измышлением гностиков. И в своих арианских воззрениях Ньютон в английской ученой элите не был одинок. На источники происхождения антитринитарских воззрений Ньютона взгляды исследователей расходятся. Существует представление, что в основе их находится учение Фауста Социна (социнианство).

По мнению экономиста Дж. Кейнса, являвшегося собирателем рукописей Ньютона, антитринитаризм есть следствие приверженности ученого иудаизму в духе школы таумудиста Маймонида. Несмотря на свои еретические взгляды, Ньютон под преследования не попал. Его рационалистический взгляд на религию, отрицание мистики, критическое отношение к монашеству могло повлиять на развитие соответствующей дискурсивной линии в петровском круге.

Помимо всего прочего Ньютон горячо увлекался алхимией. Он и умер, как полагают исследователи, получив отравление во время очередного алхимического опыта. Но алхимия Ньютона в отличие от многих эзотериков была подчинена вполне рациональной задаче. Он исходил из представлений о единстве материального мира, что должно было означать потенциальную возможность превращения одного металла в другой. Такие превращения могли быть доказаны в случае успеха алхимических опытов. В петровской России широкого увлечения алхимией не обнаруживается. Едва ли не исключительным примером могут считаться изыскания шотландца на русской службе Якова Брюса, имевшего репутацию колдуна и чернокнижника.

Джон Локк

Старшим современником Петра I являлся признанный основоположник либерализма и конституционализма Джон Локк. Он представлял, если брать его политические идеи, другой фланг общественной мысли, чем тот, к которому тяготел царь. Казалось бы, их позиции несовместимы. Локк выступал за ограничение властных прерогатив монарха, реализацию принципа разделения властей, ставя при этом законодательную выше исполнительной, свободу индивидуума, веротерпимость, отстаивал безусловность права частной собственности. Обществоведческие концепты, которые разрабатывал для Петра I Феофан Прокопович, были, напротив, направлены на обоснование его власти — «правды воли монаршей». Но основа и язык были общие — теории общественного договора и естественного права.

Было в учении Локка и то, что могло быть принято Петром I. Речь, в частности, могла идти о локковской идее гармоничного воспитания. Английский философ говорил о пяти компонентах воспитания джентльмена: физическом, умственном, религиозном, нравственном и трудовом. Под нравственным воспитанием понималась выработка у учащегося навыков отказывать себе в удовольствиях, следовать всегда разуму, а не желаниям. Локк полагал, что трудовое воспитание, заключающееся в овладении ремеслами, необходимо для любого статуса. Труд должен был блокировать привычки к праздному образу жизни. Локк минимизировал в своей педагогической системе занятия поэзией, чему уделялось большое внимание в образовательных учреждениях для дворянской элиты семнадцатого столетия, усиливая практическую компоненту обучения. Он был против чрезмерности внедрения в обучение латинского языка, что являлось пережитком папского влияния. И если посмотреть на педагогические идеи Петра I, они оказываются фактически идентичны с локковскими подходами. Известно, что идеи Локка в педагогике были действительно заимствованы в России и получили дальнейшее развитие.

Да, Локк — либерал являлся сторонником веротерпимости. Но он считал, что действия принципа свободы веры должны быть ограничены. Веротерпимость, согласно его взглядам, не должна

была распространяться на атеистов и католиков. При таком ограничении уже, собственно, о свободе в отношении к религии речи идти не могло. Можно было выбирать веру, но не являться неверующим. Правовая дискриминация католиков определялась представлением Локка, что подчиненные власти папы, они представляют угрозу для любого национального государства. Объединение под властью Католической церкви оказывается государством внутри государства, что может привести к самым негативным последствиям. Фактически Локк предупреждал о возможности осуществления через католицизм системы внешнего управления.

Широка известна используемая Локком метафора о человеке как *tabula rasa* — «чистой доске». Она была связываема с развиваемой философом теорией познания. Выдвинутое Локком о человеке как «чистой доске» было критически направлено против доминировавших ранее идей Декарта о «врожденных идеях». Картезианский подход опирался, в свою очередь, на средневековый взгляд, развиваемый, в частности, Августином Блаженным, о том, что Бог помещает «вечные идеи» в душу человека. Источником концепта о врожденных идеях в античные времена являлась теория Платона о «знании как припоминании» душой того, что было до ее телесного воплощения. Отрицание Локком врожденных идей встраивалось в общую линию секуляризации общественной мысли.

Петру I, ставящему перед собой задачу создания новой системы, действующему как бы «с чистого листа», эта идея могла прийти по вкусу. Локк подводил к возможности разрыва с традицией. И Россия при Петре I баланс между традицией и новациями нарушила.

Готфрид Лейбниц

Из всех крупнейших европейских мыслителей конца XVII – XVIII века особняком применительно к рассмотрению стоит фигура Готфрида Лейбница. Дело в том, что немецкий философ не просто интересовался Россией, ее историей, этническим составом, но и работал непосредственно на российского государя, получал от него зарплату. Перед ним Петром I была поставлена за-

дача создания в соответствии с европейским опытом системы образования в России. Философ придерживался в педагогике идей, выдвинутых чуть ранее чешским просветителем Яном Амосом Коменским, предполагая их к практической реализации.

С идеей Лейбница, можно считать, началось внедрение в России немецкой классической модели образования. Особую роль в развитии образования в России отводилась, сообразно с его замыслом, миссионерам-евангелистам. «Начать, — писал он еще в 1699 году, — следует с немецких школ, которые потом распространились бы далее под покровительством государя, ибо известно, что царь ничего более не желает, как чтобы подвластные ему народы усвоили себе образование остальной Европы». Главную угрозу для реализации этого проекта Лейбниц видел в гибели государя. Тогда, полагал он, у русских может возобновиться прежняя ненависть к иностранцам, которым Петр I покровительствует.

Именно Лейбницу принадлежала идея создания Российской Академии наук, которую он хотел возглавить. Россия воспринималась им в перспективе будущих преобразований как «чистая доска» или «непаханое поле». В этом смысле он не признавал наличия особых русских национальных традиций, считая их проявлением варварства. Мысль о России как чистой доске он пытался внушить и Петру I. По заказу российского царя ученый собрал и обобщил все, что было известно о славянских народах на Западе. В более поздние времена это было бы названо славистикой или русистикой. В. И. Герье, специально исследовавший русскую тему в биографии Лейбница, следующим образом объяснял взгляды философа: «Лейбниц один из первых стал смотреть на Восток не глазами только христианина, который ищет там мест, дорогих для его религиозных воспоминаний, но глазами человека, который желал бы перенести туда благоденствия цивилизации, освободить народы, погибающие под гнетом варварского деспотизма, вызвать их к политической жизни и ввести в общую семью народов, трудящихся для цивилизации».

С Лейбница берет начало третий период в великом состязании Европы с Азией — период борьбы за успехи и торжество цивилизации, борьбы не истребительной и бесплодной, как религиозные войны, но оживляющей и призывающей к возрождению наро-

ды Востока». Очевидно, что позиция Лейбница была европоцентристская и Восток, в который включалась и Россия, рассматривался миром отсталости. Восточные народы, включая русский народ, следовало освобождать от укорененной у них деспотии.

Первоначально Лейбниц крайне критически и враждебно относился к России, присоединяясь к многочисленной группе европейских русофобов. Он призывал не допустить того, чтобы москвиты взяли верх над Польшей, что, по его мнению, означало бы пустить варваров в Европу. М. М. Филиппов, — один из исследователей русской темы в биографии философа, следующим образом излагал его взгляды: «Москва на польском престоле будет, по словам Лейбница, второй Турцией, и, избрав московского царя, Польша откроет дорогу варварству, которое подавит европейскую цивилизацию. Это было написано в 1669 году. Шестнадцать лет спустя взгляды Лейбница значительно меняются. В 1695 году он под влиянием слухов о Петре I уже замышляет устроить союз между Бранденбургом и Московским царством».

С начала «Великого посольства» Лейбниц ищет встреч с российским государем и их находит. Русофобские высказывания больше не произносятся. Лейбниц рассчитывал, что русский царь, желающий европеизации, может станет его спонсором, как в дальнейшем Екатерина II будет спонсором Вольтера. И когда европейское мнение было на стороне Карла XII в Северной войне, Лейбниц отказывался осуждать Петра, указывая, что он ведет Россию по пути европеизации.

После победы русской армии над шведами под Полтавой Лейбниц делится в частном письме следующими рассуждениями: «Говорят обыкновенно, что царь сделается опасным для Европы и будет нечто вроде северного турка, — немецкий мыслитель фактически оппонирует собственным взглядам сорокалетней давности. — Но можно ли помешать ему цивилизовать своих подданных и сделать их более воинственными — кто пользуется своим правом, не совершает несправедливых поступков. Что до меня, то я стою за благо всего человечества; я очень рад, что такое обширное царство идет по пути разума и порядка, и смотрю на царя как на лицо, которое Бог предназначил для великого дела. Он уже успел создать себе отличное войско ... Я был бы

в восхищении, если бы мог содействовать его намерению перенести науки в его царство. Я нахожу даже, что он в этом отношении может достигнуть лучших результатов, чем другие государи, бывшие до него».

Лейбниц понимал метафизику как причину всего сущего. У всего существующего должна быть причина, его порождающая, а у несуществующего не может быть и причины. Рассуждения в этом направлении приводили к выводу о Первопричине, под которой понимался Бог. В целом немецкая метафизика окажется ближе для зарождающейся русской философской мысли, нежели английский эмпиризм. Известно, какую роль немецкая классическая философия сыграет в становлении русской философии. Но до Канта, Гегеля и Фихте был Готфрид Лейбниц. Но, несмотря на влияния, русская метафизика оказалась совершенно иной, нежели немецкая. Там, где у немцев была первопричина или познающий Разум, у русских была поставлена Любовь.

Другая составляющая философии Лейбница — идея единства в разнообразии — также нашла отражение в фундаментальных основаниях русской мысли. Он рассуждал, что можно восхищаться различиями и принимать их, но только если эти различия соединяются в едином. Русская мысль также развивалась как мысль холистская, а тема единства во множественности, восприятия России как мира миров была ключевой в социальном и государственном строительстве. В петровское время лейбницевский холистский подход переключался с концептом государства всеобщего блага.

Методология соединения различия в едином использовалась Лейбницем в идее объединения христианских церквей. Философ был крайне увлечен этим проектом. В то время когда отношения между католиками и протестантами носили характер конфронтационный, а религиозные меньшинства в соответствии с принципом Аугсбургского исповедания «чья страна — /того вера» подвергались системным преследованиям, идея объединить церкви носила революционный характер. Принять ее европейские монархи вряд ли могли. И Лейбниц, вероятно, рассчитывал, что поддержать такой проект сможет Петр I, стремившийся к европеизации и заинтересованный более других в преодолении религиозного разъединения.

Камерализм

Считается, что Петр I опирался в своей реформаторской деятельности на получившую распространение в странах Европы, в том числе в Швеции, теорию камерализма. Впрочем, теорией камерализм как раз и не являлся. Камералисты были управленцами-практиками, отрицающими чрезмерную, как им казалось, концептуализацию ученых — теоретиков, схоластов. Среди камералистов в отличие от философов того времени не было людей духовного звания.

На наличие двух автономных групп влияния на формирование экономической мысли XVII–XVIII веков указывал в «Истории экономического анализа» Й. Шумпетер. И. Г. Чаплыгина, исследователь МГУ, так характеризует различия этих двух направлений: «Первым различием является априоризм, который в значительной степени сохранялся в рамках традиции естественного права и в дальнейшем получил развитие в виде аналитических методов классической политэкономии. Этот априоризм противостоит прикладному характеру камеральных наук, отсутствию у них интереса к теории как таковой, к раскрытию общих универсальных законов на основе логических выводов из базовых постулатов.

Вторым различием является отношение к естественной природе человека: если камералисты заботились о перевоспитании человека, то сторонники традиции естественного права — о создании системы права, которая бы использовала естественные свойства человеческой природы на благо всего общества. Это различие можно интерпретировать как различие между патриархальной системой отношений, основанной на добродетельном поведении, и новой системой правовых отношений, не требующих от человека иных моральных совершенств, кроме следования установленному закону.

Третье различие касается принципов регулирования экономики. Сторонники традиции естественного права стремились разработать универсальную систему законов, которая бы могла быть введена однажды и больше не требовала значительных корректировок, создав автономно действующий экономический механизм.

Камералистам было чуждо это понятие механизма. Их управление носило ручной характер. Причины этого различия кроются в отсутствии у камералистов идеи универсальных законов, а также в разном понимании природы общего блага и его связи с индивидуальным благом».

Наиболее известны имена камералистов — современников Петра I: Ф. Л. фон Зекендорфа, Г. К. фон Карловица, П. Я. Марпергера. Немецкий экономист и путешественник Пауль Марпергер побывал в России и выпустил в 1705 году подробное справочное издание в камералистском ключе — «Московитский купец». Одновременно у него вышла книга, представляющая страну — противника России в Северной войне — «Шведский купец». В 1723 году книга «Московитский купец» была переиздана в исправленном и доработанном варианте.

Нельзя сказать, что Петр I отдавал предпочтение камерализму или философии естественного права. Вопреки их дифференциации Й. Шумпетером в России соответствующего разделения не было. Философы естественного права, такие как Г. Лейбниц, могли привлекаться под практические задачи и наоборот.

Философия истории: теория круговорота

Теория прогресса не всегда являлась доминантой философии истории. Нельзя думать, что дискуссия сводилась исключительно к оппонированию сторонников теории прогресса и сдающих свои позиции сторонников теории регресса. Так, широкой популярностью в раннее Новое время пользовались концепции истории, представляемые в виде исторического круговорота. Не прогресс, и не регресс, а круг — определял логику истории.

Такого рода концепции были включены и в российский интеллектуальный дискурс. Знаком был с ними, а возможно, и разделял, и государь Российский. Естественно, что Россия в тех версиях, которые доводились до царя, оказывалась финальным пунктом исторического круга, преемником прежних государств с мировой исторической ролью. В логике исторического круга, или исторической квадратуры, указывались, как правило, четыре мировые империи.

С большой долей вероятности, представил царю свое видение истории бывший Молдавский государь, являющийся важной фигурой в формировании петровской идеологии, Дмитрий Кантемир. Согласно его представлениям в истории приходят друг другу на смену четыре мировые монархии. Круговое движение начинается на востоке и заканчивается на севере. Восточную монархию, Персидскую, меняет южная монархия — империя Александра Македонского, а ей на смену приходит западная монархия — Римская. После западной монархии настает время монархии северной. Ей является Россия. Она, в логике Кантемира, должна воспринять то положение, которое принадлежит в качестве мирового центра монархии Запада.

Теории мирового исторического круговорота придерживался и Готфрид Лейбниц. Его коммуникации с царем позволяют также считать вероятным, что с ним он поделился и своей исторической концепцией. То, что именно Россией заканчивался исторический круговорот, позволяет думать о разработке Лейбницем этой концепции именно с целью презентации ее Петру I. Ход мировой истории начинался в Греции, передающей эстафету Риму. Далее приходит черед Европы, понимаемой в границах западного мира. И, наконец, как и в концепции Кантемира, должен прийти исторический черед России.

Новый мировоззренческий дискурс: деизм, пантеизм, атеизм

В петровское время в Европе в противоречие с прежними теоцентрическими представлениями получили распространение новые мировоззренческие концепты — деизм, пантеизм, атеизм. С ними велась борьба с позиций традиционных церквей, но они, несмотря на запреты, приобретали все большую популярность. Деизм рассматривал Бога как Первопричину, ограничивал его роль положением Демиурга. Деисты отрицали сакральность религиозных книг, отрицали религиозные догма и обряды, сообщения о чудесах. Пантеизм растворял Бога в природе. Из этого растворения следовал тезис о необходимости опираться на естествен-

ное состояние как состояние Божественное. Теория естественного права имела в этом смысле очевидные пантеистические истоки. Наконец, атеизм отрицал Бога как такового. Философскую основу атеистических воззрений составлял материализм.

Кем в этом спектре воззрений рубежа веков являлся Петр I. Очевидно, что он не был атеистом. Царь и в указах, и личной корреспонденции обращался к Богу. Не был он и пантеистом, хотя и апеллировал к теории естественного права. Петр I говорил именно о живом субъектном Боге, а не о разлитом в природе Божественном духе. Не являлся царь и деистом. Он апеллировал к Божьему заступничеству и покровительству, верил в Провидение. Соответственно, и понимание им Бога не могло сводиться, как у деистов, к Первопричине.

Петр I и масоны

В антипетровской литературе император часто обвиняется в том, что он будто бы вступил в масонский орден и основал первую ложу в России. Иногда посвящение Петра в масонство связывают с представлявшими будто бы Орден Гордоном, Лефортом или Брюсом. Никаких исторических оснований для выдвижения версии о том, что царь-реформатор являлся масоном, не имеется. Он и не мог быть посвященным в масонство, так как во время его первого путешествия по Европе в 1697–1698 годах масонство еще не существовало. Учреждение масонской ложи-матери совпало с его вторым путешествием 1716–1717 годов. Но Петр во время этого визита Англию и Лондон не посещал, а на тот момент вне Английского королевства масонов еще не могло существовать.

Принято считать, что в России первая масонская ложа была создана только в 1731 году шотландским генералом на русской службе Джоном Кейтом. Петр знал о генерале и приглашал его в Россию, но тот отказался, не желая воевать против Карла XII. На русскую службу в чине генерал-майора Кейт поступил только в 1728 году. Он занимал ведущие военные посты, выполнял дипломатические поручения. В 1740 году он даже становится гетманом Малороссии, являясь одновременно назначенным английской

Ложей матерью великим провинциальным мастером для России. Во время Семилетней войны он уже служил у Фридриха II. Но все это будет позже. Элита Российской империи действительно окажется затянута в масонские сети, что станет большой проблемой ввиду коллизии между подданством государству и подданством Ордену. Но при Петре I всего этого еще не было.

Отсутствие масонства в петровской России не означает, что не могли существовать иные закрытые общества. Сообщается о существовании некоего «Нептунова общества», в которое входил Петр I. Ключевую роль в нем играл шотландец Яков Брюс. Но с большой долей вероятности можно говорить, что это была некая игра в тайный орден по типу Всешутейшего собора. Того значения, как на Западе, тайные общества в России в начале XVIII века не имели. Не было, соответственно, и такого же, как в Европе, увлечения эзотерикой.

Внешнеполитический контекст — война Священной лиги

Был ли прав Петр I, переориентировавшись от борьбы против Османской империи на борьбу с Швецией? Традиционно считается, что прав. Он, согласно принятой версии, организовал Великое посольство для поиска новых союзников для продолжения войны с Турцией, но таковых не нашел. Но при взгляде на маршрут путешествия Петра I возникает сомнение, что в северной части Европы он в принципе мог таких союзников отыскать. Нидерланды ожидаемо предложение царя отклонили. Посещение же Вены мало что давало — Священная Римская Империя и так являлась союзницей в войне, как и Венеция, куда Петр I планировал попасть, но не смог, так как вынужден был прервать свое турне ввиду поступившего известия о восстании стрельцов. Для поиска союзников против Турции ему, очевидно, надлежало бы выбрать иной маршрут. Да и война после взятия Азова в 1696 году еще далеко не окончилась. Война идет, а русский царь отправляется в длительное путешествие по Европе. Очень все странно. Надо думать, что решение о свертывании военных действий на юге и переориента-

ции геостратегически на север он принимает еще до «Великого посольства».

Тяготило, по всей видимости, царя и членство России в основанной римским папой Иннокентием IX Священной лиге. Помимо России в Лигу входили Священная Римская империя, Венецианская республика и Речь Посполитая. Само название — Священная лига — указывало, что союз носит характер идеологический. Фактически имела место реминисценция крестовых походов. Все это нравилось Василию Голицыну, но не нравилось Петру I.

И Крымские походы В. В. Голицына, и Азовские походы Петра I — все это была действительно одна война. В историографии она носит название Великой Турецкой войны. В наших учебниках, почему-то при описании Крымских и Азовских походов сама война, в рамках которой они предпринимались — Великая Турецкая, не упоминается. И такое умолчание создает деформированное видение развертывавшихся политических процессов.

Истоки Великой Турецкой войны были религиозные. Еще с середины XVI века Римская церковь пыталась выстроить в европейских государствах политику Контрреформации. Она не была снята с повестки и к концу XVII столетия. Борьба между католиками и протестантами по-прежнему составляла нерв европейской истории. Политику Контрреформации активно проводил на своих территориях и император Священной Римской империи Леопольд I (1658–1705), одновременно являвшийся королем Чехии и Венгрии.

Религиозные притеснения возмущали протестантское население Империи, вызвав, в частности, национально-освободительное движение венгров-протестантов, возглавляемое венгерским дворянином, кальвинистом Имре Текели. Ему удалось утвердиться на части территории Верхней Венгрии, удерживать которую в длительной перспективе он вряд ли мог. Многие венгры-протестанты мигрировали в Трансильванское княжество, находившееся в вассалитете к Османской империи. Текели рассудил, что спасти протестантизм в Венгрии в сложившихся условиях возможно путем привлечения внешней силы, которую находил в Турции. Направившись в Стамбул, он убеждал турецкого султана оказать по-

мощь. Провозглашение им в 1682 году вассалитета в отношении к Османской империи фактически означало начало войны между Турцией и Священной Римской империей.

Важно зафиксировать, что война была начата под предлогом защиты протестантов. В этой связи протестантские страны борьбы против Османской империи не поддерживали, и ни одна из них участия в ней не приняла. Не получилась, впрочем, война и как всекатолический альянс. Это не удалось из-за позиции Франции, борющейся с Габсбургами и в силу этого активно помогавшей Турции. И здесь для понимания смены внешнеполитической парадигмы России, нелишне будет вспомнить о католических симпатиях двора Софьи и протестантских — Петра I.

На начальной своей стадии война вызвала переполох во всей Европе. В 1683 году турки подошли к Вене и в течение двух месяцев пытались осадой и штурмом взять город. Взятие Вены означало бы не просто поражение Габсбургов, а принципиальные изменения цивилизационных границ. Осажденных спасло польско-украинское войско под руководством Яна III Собеского, нанесшее туркам сокрушительное поражение. В 1684 году была создана Священная лига, и дальнейший ход войны стал уже складываться в ее пользу. Ключевым сражением войны, приведшим к окончательному поражению Османской империи, стала битва при Зенте в 1697 году, на территории Сербии, в ходе которой выдающийся полководец своего времени Евгений Савойский нанес сокрушительное поражение турецкой армии. Петр I на момент битвы находился в «Великом посольстве».

Поражение Османской империи было полным. По заключенному в 1699 году Карловицкому мирному договору Священная Римская империя присоединяла к себе всю Венгрию, Трансильванию и Тимишоару. К Венецианской республике отходили полуостров Пелопоннес и Далмация. К Речи Посполитой отходили потерянные ранее земли на Правобережной Украине, включая Подолье.

С Россией Карловицкий мирный договор не был подписан. К ней в целом на мирном конгрессе относились иначе, чем к другим членам Священной лиги. В отличие от других стран, подписавших мир с Турцией, с Россией та подписывала двухлетнее перемирие. Константинопольский договор Россия и Турция заключили

в 1700 году. Российские приобретения были гораздо более скромными, чем у союзников. От первоначальных притязаний на Керчь Россия в ходе переговоров отказалась. В момент подписания договора русские войска уже двигались к шведской границе.

Внешинополитический контекст — войны за пфальцское и испанское наследство

«Великое посольство» началось, когда в Европе еще шла большая война. В историографии она получила название войны Аугсбургской лиги (1688–1697). Война шла в раскладе сил — Франция, возглавляемая Людовиком XIV, против всех. Борьба велась за курфюршество Пфальц, на которое на основе династических прав претендовала французская корона. Для сдерживания Франции была создана Аугсбургская лига, или Великий альянс, в который входили: Священная Римская империя, Республика Соединенных провинций (Голландия), Англия вместе с Шотландией и Ирландией, Пруссия, Саксония, Бавария, Пфальц, Испанская империя, Португалия, Швеция, Савойя.

Несмотря на столь масштабное представительство, война закончилась скорее в пользу Франции. Но она, надо иметь в виду, по состоянию на начало 1697 года фактически являлась европейским изгоем. Посещать французскую территорию даже инкогнито Петр I при такой ситуации не решился. Можно строить предположения, как развивалась бы мировая история, предложи Петр I союз Людовику XIV, но французскую карту на этом этапе он предпочел не разыгрывать.

В 20–40-х годах XVII столетия России удалось восстановить после Смутного времени и осуществить геополитический прорыв на восток, не в последнюю очередь воспользовавшись тем, что в Европе шла Тридцатилетняя война. Так будет и в XVIII веке, когда Россия смогла осуществить стратегический выход к Балтийскому морю. Одновременно с Северной войной (1700–1721) в Европе шла масштабная война за Испанское наследство (1701–1714). Совокупно в ней принимали участие 24 европейских государства. Имея в виду масштаб борьбы, эту войну можно было бы

назвать предмировой. Вся Европа воевала. Будь европейские страны консолидированы, прорыв Петра I к Балтике оказался бы, вероятно, затруднителен. Но единства Европы не было.

Конфликт был вызван возникшей перспективой объединения Франции и Испании в одно государство. Такое объединение стало бы триумфом геополитики Людовика XIV. Принадлежавший к династии Габсбургов испанский король Карл II перед постигшей его в 1700 году смертью завещал передать престол внуку Людовика XIV герцогу Анжуйскому Филиппу, ставшему новым испанским королем Филиппом II. Управляемая Габсбургами Священная Римская империя вступила в борьбу с Францией и Испанией, защищая свои династические права в отношении испанских земель. Ее поддержали другие европейские государства — Англия, Голландия, Пруссия, видевшие угрозу в усилении французского могущества.

Итоги войны были неоднозначны. Филипп II оставался на испанском троне, однако отказывался от права занимать французский престол. Испания потеряла свои владения в Южной Голландии и Италии, занятыми австрийцами. В силу этого в раскладе сил существенно возросла роль Австрии, тогда как Испания утратила положение великой державы. Положение великого государства утратила и надломленная войной Голландия. Франция, с одной стороны, не смогла достигнуть положения гегемона Европы, а с другой — смогла предотвратить сценарий быть окруженной владениями Габсбургов.

Как ко всему этому должен был относиться Петр I? Война за испанское наследство объективно была ему выгодна, и он не поддерживал ни одну из сторон конфликта. Но французов государь явно недолюбливал. Петр говорил, что не следует перенимать французских нравов. «С французами, говаривал он, — по свидетельству А. К. Нартова, — не имеем мы дела».

Тем не менее по результатам визита Петра I во Францию в 1717 году в Амстердаме был в интересах России подписан русско-французско-пруссский договор. Франция обязывалась не предоставлять содействия Швеции. Более того, стороны договора договаривались о взаимной помощи в случае нападения на них других государств. Через некоторое время был подписан и русско-французский договор о торговом сотрудничестве.

* * *

Рассмотрение основных течений европейской мысли рубежа XVII и XVIII веков дают представление о мировоззренческой системе координат процесса европеизации. Идеология Петра I не может быть понята без учета этого контекста. Не будет верным считать, что его заимствования из Европы ограничивались прикладными сторонами европейской жизни. Гуманитарные, в том числе и религиозные, идеи Запада также интересовали его в значительной степени. Император был, безусловно, знаком с рядом европейских обществоведческих контекстов, инкорпорируемых в новую идеологию российской государственности. Однако из всего спектра идей он ориентировался на те, которые не вступали бы в противоречие с моделью российского самодержавного государства. Отбирались те из них, которые вели к укреплению монаршей власти.

Однако общим трендом для всех направлений европейской обществоведческой мысли являлась секуляризация. Формируемый в Европе новый тип общества — секулярного — приводил к слоому связанных с прежней теоцентрической системой институций. В перспективе европеизации России это должно было привести к кризису русского самодержавия как теократической модели. Европейские идеи, укреплявшие, как казалось, власть государя, фундаментально работали против его власти.

ГЛАВА 3.

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО ПРЕДПЕТРОВСКОЙ И ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХ

Один человек, сколь бы гениальным он ни был, не может создать новой идеологии. Для того чтобы те или иные идеи приобрели характер идеологии, необходимо, чтобы сложилось соответствующее направление общественной мысли. Было бы в этом отношении достаточно странным считать, что европеизацию в России санкционировал Петр I. Для того чтобы она состоялась как политический курс, на уровне российской элиты должна была бы наличествовать сравнительно влиятельная группировка западников (европеизаторов).

Идеология вместе с тем всегда, в любую эпоху — это в сути своей вопрос ценностно-смыслового выбора. Такой выбор, очевидно, существовал на рубеже XVII–XVIII веков и в России. Соответственно, должны идентифицироваться группы и персоналии приверженцев различных идеологических платформ.

Особенно важным в контексте рассматриваемой исторической эпохи является вопрос об отношении к религии. Система ценностей и воззрений народа по-прежнему выстраивалась на религиозном фундаменте. В то же время элита находилась в фазе мировоззренческого кризиса. Принципиально важно ответить в этой связи на вопрос, с кем был и кем являлся в религиозном смысле государь. Являлся ли он приверженцем православия, другой христианской конфессии или не являлся христианином вовсе. Предлагаемое

ниже рассмотрение может приблизить к ответу на поставленные вопросы.

Феномен русского западничества

Западничество в России, точнее в российской элите, вопреки распространенному представлению возникло задолго до Петра I. Поклонником западнического просвещения являлся, в частности, воспитатель царя Алексея Михайловича, важнейшая фигура начального периода его царствования боярин Борис Морозов. Западником являлся и приятель царя Артамон Матвеев. Именно с Матвеевым связывается возникновение и развитие в Москве придворного театра.

Западником являлся и фаворит царевны Софьи князь Василий Голицын. Противоречивы сведения, существовала ли между ним и царевной плотская связь. Но в любом случае можно констатировать, что человек западнических взглядов фактически стоял в 80-е годы XVII века во главе российского государства, являлся вершителем политики России. Официально Голицын стоял одновременно во главе целой группы приказов — Посольского, Пушкарского, Иноземского и Рейтарского, Малороссийского, Смоленского, Новгородского. Понятно, что в его руках при таком положении не могла не сосредоточиться огромная власть.

Голицын, по оценке современников, «имел слабость к иностранцам и всему иностранному». Он в совершенстве знал латинский язык и говорил на нем в повседневном общении. Его политическим кумиром являлся французский король Людовик XIV. Сообщалось, что сын сановника носил на груди портрет французского монарха.

Обсуждаемые вопросы в доме Голицына также соответствовали образу западника, живущего повесткой европейской жизни... Один из европейских посланников давал следующее ее описание: «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь италийнского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую император и столько других государей вели про-

тив Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе».

Василий Васильевич покровительствовал Ордену иезуитов и малороссийскому духовенству, что указывает на его симпатии к латинскому Западу. О покровительстве князя иезуитам писал, в частности, русский историк С. М. Соловьев. Со своей стороны, иезуиты также очень высоко ценили князя, называя его «французским сердцем». Соловьев приводит оценку Голицына, данную одним из французских иезуитов, пытавшихся пробраться через Сибирь в Китай: «Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе московском: он любил иностранцев, и особенно французов, потому что благородные наклонности, которые он в них заметил, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя. Если б дело зависело от него одного, то, разумеется, все наши желания были бы исполнены; если б он был полным хозяином, если б он не должен был вести себя осторожно относительно других бояр, то с удовольствием открыл бы нам путь в Сибирь и облегчил бы нам доступ в Китай из уважения к Людовику Великому, которого он был страстный поклонник: меня уверяли, что сын его носил портрет его величества в форме Мальтийского креста, что отец считал для себя великою честью».

Образ находившегося в ссылке некогда всемогущего князя будет представлен Даниэлем Дефо во второй части приключений Робинзона Крузо. Английский писатель задумывал свое произведение в качестве иллюстрации идеи развития человечества в соответствии с тремя этапами: дикость — варварство — цивилизация. Во второй части книги были представлены страны варварства — Япония, Китай, Россия. Характеристики, дававшиеся Дефо России, русскому народу, православному веру, вполне подходили под понятие «руссофобия». Робинзон по сюжету книги встречает ссыльного князя, которому предлагает бежать. Престарелый князь отказывается, но со-

глашается при этом на побег своего сына. Через образ князя Дефо противопоставляет русского человека европейских взглядов царившему в России духу несвободы большинства.

Латинское шляхетское западничество тяготело к роскоши. Европа в восприятии западников того времени ассоциировалась с комфортом и изысканностью, противопоставляемых варварской России. Показательно в этом отношении описание убранства дворца лидера западнического направления В. В. Голицына: «В палате подволока накатная, прикрыта холстами, в середине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом, круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью, от солнца на железных трех прутах паникадило белое костяное о пяти поясах, в поясе по осьми подсвечников, цена паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца месяц в лучах посеребрен; круг подволоки в 20 клеймах резных позолоченных писаны пророческие и пророчиц лица. В четырёх рамах резных четыре листа немецких, за лист по пяти рублей. Из портретов были у Голицына: в. кн. Владимира киевского, царей — Ивана IV, Феодора Ивановича, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора, Ивана и Петра Алексеевичей; четыре персоны королевских. На стенах палаты в разных местах пять зеркал, одно в черепаховой раме. В той же палате 46 окон с оконницами стеклянными, в них стекла с личинами. В спальне в рамках деревянных вызолоченных землемерные чертежи печатные немецкие на полотне; четыре зеркала, две личины человеческих каменных арапские; кровать немецкая ореховая, резная, резь сквозная, личины человеческие и птицы и травы, на кровати верх ореховый же резной, в середине зеркало круглое, цена 150 рублей. Девять стульев обиты кожами золотными; кресла с подножием, обиты бархатом. Много было часов боевых и столовых во влагилицах черепаховых, оклеенных усом китовым, кожейю красною; немчин на коне, а в лошади часы. Шкатулки удивительные со множеством выдвижных ящиков, чернилицы янтарные. Три фигуры немецкие ореховые, у них в срединах трубки стеклянные, на них по мишени медной, на мишенях вырезаны слова немецкие, а под трубками в стеклянных чашках ртуть».

Это будет разительно отличаться от того быта, который установил для себя Петр. Петровское западничество — это предельная

простота и неприхотливость, тогда как западничество В. В. Голицына — вычурность и роскошь. Эпигонам Петра не удалось сохранить в этом отношении петровские установки. Начиная уже с царствования Екатерины I стремление к роскоши поражает императорский двор. Во время своего визита в Париж Петр отказался от дорогих опочивален и устроился на ночлег по-походному.

Императорский же двор после Петра и русская аристократия в целом прельстились роскошью Версаля, возникло подражание французской моде, вытеснившее увлечение голландской культурой. Возник вновь культ Людовика французского — короля Солнца, которым увлекался в свое время Василий Голицын. Можно даже говорить, что после смерти Петра произошло незаметное отступление к нравам предпетровского времени.

То, что европеизация не была исключительно позицией одного человека — Петра, а отражала определенный идеологический тренд в воззрениях элит, подтверждает забытая фигура петровского окружения, младшая родная сестра государя — Наталья Алексеевна. Она во всем поддерживала Петра в его замыслах, ездила с ним в Немецкую слободу. И государь пользовался ее поддержкой. Современники высоко оценивали ум царевны, отмечали участие ее в культурной жизни. Умерла Наталья Алексеевна в Петербурге, и конфликт Петра с сыном, который она сглаживала, перерос в жесткую фазу уже после смерти царевны.

Царевна Софья — ставка западной группировки

Показательны различия в изучении иностранных языков между Петром I и царевной Софьей. Для Петра Алексеевича важнейшим европейским языком был голландский, а после него — немецкий. Софья же в отличие от своего брата в совершенстве знала латинский и польский языки. Соответственно, и ориентировалась она преимущественно на культурные нарративы связанных с ними католических стран.

Тот факт, что воспитателем Софьи являлся Симеон Полоцкий, многое объясняет в ее воззрениях и симпатиях к латинской евро-

пеизации. Обычно обучение девочек в царской семье заканчивалось в десять лет, ограничиваясь элементарными знаниями чтения, письма и Закона Божьего. Но для Софьи было сделано исключение. Образованность царевны отмечали даже ее противники. Как о высокообразованном и талантливом человеке отзывался о Софье Вольтер, ставя ей в упрек лишь единственное — непомерное честолюбие. Утверждается, что Софья сама писала стихи и создавала драматургические произведения. Правда, написание ею пьес оспаривается на том основании, что при ней расцветшая ранее при Алексее Михайловиче театральная жизнь при дворе свертывается.

Особое внимание обращает на себя изучение ею сочинений религиозного и богословского содержания. На некоторых из прочитанных книг этой направленности она оставляла свои комментарии. Еще до своего регентства Софья с глубоким вниманием изучила труд Симеона Полоцкого «Венец веры», произведший на нее большое впечатление. Книга, предположительно, создавалась Симеоном для обучения царских детей. Но этот труд, так воодушевившей царевну, был воспринят православными богословами отрицательно. Симеона обвиняли в пропаганде латинской ереси. Его произведение являлось переложением труда бельгийского богослова бельгийца Жака Маршана «*Hortus pastorum Sacrae Doctrinae floribus polymitus, exemplis selectis adornatus*», написанного еще в 1626 году в качестве пособия для католического духовенства.

Симеон Полоцкий пытался адаптировать трактат Маршана под православие, но это у него не получилось. Да и вряд ли могло получиться, так как суть православного учения была фундаментально иной. Латинские основания сочинения Симеона Полоцкого оказались подвергнуты резкой критике. Одним из ее изобличителей выступил видный идеолог грекофильской партии, редактор Московского печатного двора Евфимий Чудовский.

Наряду с осуждением латинских заимствований Евфимий также критиковал изложенную Симеоном в «Венце веры» космологическую концепцию. Само по себе обращение к космологии под видом религиозного учения, да и к тому же адресованного для царских детей, не могло не вызвать возражений со стороны стоящих на ортодоксальных позициях православных богословов. А Симе-

он Полоцкий и вовсе привносил в космологическую картину положения астрологии. Астрология с эпохи Ренессанса прочно вошла в европейский дискурс, но ни западной, ни восточной христианскими церквями, естественно, не принималась.

Категорически осудил Симеона Полоцкого за вкрапление еретических учений и патриарх Московский Иоаким. «Сплетен ... из терния на западе прозябшаго новшества, от вымыслений Скотовых, Аквиновых, Анзелмовых, и тем подобных еретических блядословий», — так оценивал патриарх Московский и всея Руси суть сочинений Симеона. Наконец, Московский собор 1689 года установил запрет на «Венец веры» как произведение, содержащее латинские заблуждения. Показательно, что это стало возможным только после падения царевны Софьи. Симеон Полоцкий скончался еще в 1680 году, в правление Федора Алексеевича. Но при Софье, высоко почитавшей своего учителя, обвинения того в еретичестве было, несмотря на недовольство православных богословов, фактически невысказано. В близкий круг Софьи входил ученик Симеона Полоцкого — Сильвестр Медведев, латинство которого у православных иерархов не вызывало сомнения. И фактически сразу же после низложения Софьи был созван Московский собор, нанесший удар по позициям латинской партии.

Но ведь в латинской ереси велось обучение царских детей! А Софья пребывала в восторге от еретического сочинения. Это могло практически означать при победе партии Милославских переход на платформу католичества или, как минимум, сближение с ним.

Петр в отличие от своих старших братьев и сестер у Симеона Полоцкого и у других латинистов не учился. В этом отношении приход его к власти должен был означать срыв планов латинской партии. Не исключено, что и срыв планов папства.

«Премудрость Божья» и политические амбиции

Сторонниками латинской партии была создана апология царевны Софьи, предназначенная легитимизировать утверждение ее в качестве царицы, а не регентши. Эти намерения сталкивались

с консервативностью русского общества в отношении возможности стать женщине «помазанницей Божьей». О том, что планы возведения Софьи на царство реально существовали, свидетельствует, в частности, ее изображение в шапке Мономаха. Само по себе такое изображение было вызовом сакральности царской власти. Стали чеканиться золотые монеты с изображением Софьи. Сочинялись подложные грамоты и распускались слухи о том, будто бы в 1682 году состоялось всенародное избрание Софьи на царство. Латинская идеологическая партия работала в этом направлении.

По-видимому, имелся замысел обхода традиционного восприятия царя как помазанника Божьего, кем мог являться только мужчина, через развитие темы о царице Софье как Премудрости Божьей. Имя царевны использовалось для проведения такого рода аллегорий. Регентство Софьи можно считать временем формирования софиологического дискурса задолго до софиологов «серебряного века».

Первым, вероятно, провел уподобление царевны Премудрости Божьей Симеон Полоцкий еще до возведения ее в регентский статус. Сильвестр Медведев, продолжая линию Симеона, приписывал ей обладание семью добродетелями, трактуемыми семью дарами духа: мудростью, целомудрием, правдолюбием, благочестием, щедростью, великодушием и словом. Он рассуждал о Софии, как о «доме солнечном», «жилище солнца истинного Христа».

С. Медведев даже находил возможным проведение сравнений между царевной Софьей и Александром Великим. Как воплощение Софии-Мудрости прославлял царевну в своих стихах и придворный поэт, иеромонах Чудова монастыря Карион (Истомин). Руководители Славяно-греко-латинской академии братья Лихуды наряду с уподоблением Софьи Божьей Премудрости уподобляли ее «доблестнейшей Юдифь», «святейшей Сусанне», «целомудреннейшей Деборе». Славословия в адрес Софьи особенно усилились после заключения в 1686 году «Вечного мира» с Польшей. Такой мир, открывший перспективу сближения с католической Европой, сильно воодушевил латинскую партию при дворе.

Распространение софиологических идей в окружении Софьи не могло не вызывать недоумения среди православного духовен-

ства. Представление Софии как Премудрости Божьей восходило к неоплатонизму и являлось ересью. В софиологическом дискурсе обнаруживалась и ревизия в отношении особой роли Богородицы, и ревизия в истолковании Троицы. Противники софиологии еще в XVI веке напоминали оппонентам, что Премудрость Божья относится ко второй ипостаси Троицы, Богу Слова — Христу, а вовсе не к Софии. Характерно, что при Петре I весь софиологический дискурс был прерван и возродился лишь к концу XIX века.

Сильвестр Медведев — лидер «латинствующих»

После смерти Симеона Полоцкого признанным лидером «латинской партии» в России выступал его ученик Сильвестр (Медведев). Симеон очень хотел, чтобы именно Сильвестр стал учителем молодого царевича Петра Алексеевича, но этому воспротивился патриарх Иоаким, не желавший допускать воспитания царских детей в католической пропаганде. Медведев являлся не только религиозным мыслителем и писателем. Будучи сподвижником А. П. Ордина-Нащокина, он имел хороший государственно-управленческий опыт. Находясь в опале после отстранения Ордина-Нащокина, он принимает монашеский постриг.

По протекции Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев при новом царе Федоре Алексеевиче был прощен и возвращен ко двору. После ухода в 1680 году из жизни Симеона, он становится признанным лидером московской латинской партии. И имея такое реноме, Сильвестр являлся горячим сторонником Софии, что дает основание полагать о ее близости к группировке латинствующих. Медведев писал панегирики в адрес царевны, создавал обоснования ее культа. При дворе, по всей видимости, затевалась интрига лишения патриаршества Иоакима в пользу Сильвестра.

Из богословских споров заслуживают внимание его полемики с поляком Андреем Белобоцким и греками братьями Лихудами. Белобоцкий, будучи, с одной стороны, кальвинистом, с другой — последователем мистико-эзотерического учения Раймонда Луллии, бежал в Москву от преследования в Польше со стороны иезуитов. И именно протестантские взгляды поляка подвергнуты

критике Медведевым. Объективно он, таким образом, выступал в одной связке с иезуитами.

С братьями Лихудами Медведев полемизировал по вопросу о пресуществлении даров. Им отстаивалась позиция, что пресуществление святых даров происходит при произнесении тайноустановительных слов Христовых — «примите, ядите» и «пейте от нея вси». Такой позиции придерживались католики. Распространена она была и в Киевской митрополии. Основными оппонентами Медведева выступили братья Лихуды и инок Евфимий, за которыми стоял патриарх Иоаким. Ими утверждалось, что произнесенных слов Иисусовых во время богослужения недостаточно и пресуществление происходит уже после молитвы к Богу.

Под давлением Иоакима против Сильвестра были принуждены выступить и представители малороссийского духовенства, сами разделявшие близкие к медведевским взгляды. Медведев был обвинен в латинском еретичестве. Но осудить его официально, пока у власти находилась Софья, не могли. Латинисты также использовали в полемике запрещенные приемы. Проигрывая ученым грекам в богословских знаниях, Медведев ставил им в вину недостаточные знания славянских языков, презрительно указывал на национальность оппонентов. Являясь противниками русской старины, латинисты ссылались, когда им оказалось это выгодно, на традиции богослужения в России.

Погубило Медведева участие в антипетровском заговоре 1689 года Федора Шакловитого. После падения Софьи он пытался бежать, но был схвачен и заточен в Троице-Сергиевой Лавре. Московский собор 1689 года осудил медведевскую ересь. В 1691 году Сильвестр Медведев был казнен усечением головы как заговорщик и еретик.

Религиозная дискуссия 1682 года

1682 год был знаменателен не только развернувшейся борьбой за политическую власть, но и публичным религиозным диспутом. Такого рода не были в традициях функционирования царского и ранее великокняжеского двора, и состоявшаяся в присутствии

царевны Софьи в Грановитой палате полемика имела прецедентный характер. Дискуссия шла между сторонниками старообрядчества и приверженцами позиции Московского патриархата. Главными диспутантами были: от патриархата — архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов) и от старообрядцев — бывший суздальский священник Никита (Добрынин), получивший от оппонентов прозвище Пустосвят. Старообрядческую позицию поддерживал глава Стрелецкого приказа Иван Хованский, что и сделало возможным саму дискуссию. На кону стоял вопрос о возможной старообрядческой реставрации. Старообрядцы пришли в Грановитую палату не для полемики, а для того, чтобы взять власть.

С. М. Соловьев в «Истории государства Российского» дал следующее описание началу дискуссии: «С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожить все *новшества*, а не замечали, какое небывалое новшество встретило их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины! Царевны-девицы открыто пред всем народом, и одна царевна заправляет всем!». Poleмика носила скандальный характер и переходила в рукоприкладство. Каждая сторона приписала себе победу в споре. На утро следующего дня Никита был схвачен и казнен на Лобном месте, а его сторонники направлены по монастырям. Старообрядческое выступление провалилось.

«Двенадцать статей» царевны Софьи против старообрядцев. Гонения на раскольников

Петр I из всех российских правителей получил, как известно, наиболее негативную оценку со стороны старообрядцев. В этой оценке он определялся антихристом, то есть фигурой inferнального мира. Такое отношение к Петру I старообрядцев может быть признано недоразумением. При нем, безусловно, притеснения продолжались, но были существенно ослаблены.

В действительности же апогей преследования раскольников пришелся на регентство царевны Софьи. Вдохновителем гонений выступал патриарх Иоаким. События 1682 года, известные как

«Хованщина», во время которых старообрядцы едва не взяли политический реванш в Москве, подтолкнули патриарха к максимально решительным и жестким действиям в отношении раскольников. Призывы к властям организации преследования старообрядцев, как еретиков, используя гражданское законодательство, были сформулированы еще на Московском соборе 1681–1682 годов. «Большой церковный собор, — писал историк Церкви А. В. Карташев, — одобрил и привел в действие целую систему репрессий против старообрядчества, которая явила собой картину решительного гонения на него. Тут впервые в жизни русской церкви и государства применена была система и дух Западной инквизиции».

Резко негативно относилась к раскольникам и царевна Софья, видевшая, вероятно, в них фанатичных обскурантов. Представление И. Е. Забелиным ее образа как приверженицы древнего благочестия, по-видимому, не соответствует действительности. Все окружение царевны противоречило нормативам старомосковского быта. Отношения с Василием Голицыным также не соотносились с предложенным Забелиным образом. И, очевидно, без поддержки Софьи террор против старообрядцев вряд ли мог быть развернут.

В 1685 году был принят закон, получивший известность как «двенадцать статей царевны Софьи». В отношении старообрядцев и их пособников устанавливались поистине драконовские меры, не имевшие аналогов в прежней истории России. Предусматривалось для отказывающихся отречься от своих убеждений сожжение живьем в срубах, пытки, заточение, битье палками, лишение имущества. Следствием начала антираскольнического террора стал массовый отток старообрядцев из Москвы и других центров тогдашней России. Раскольники бежали на Дон, в Поморье, Керженские скиты, Стародубщину, Польшу. Для Москвы, с преимущественно старообрядческим населением, этот отток стал фактором кризиса. Уже при Петре I сохранявшая латентно приверженность старой вере Москва противопоставлялась не имевшему раскольничьих оснований Петербургу.

Известный старообрядческий писатель и историк Древлеправославной Церкви Ф. Е. Мельников так описывал инициированный законом 1685 года террор: «Эти действительно драконовски-

немилосердные статьи и их садистское исполнение навели ужас на всю русскую страну. Правительство беспощадно преследовало людей старой веры: повсюду пылали срубы и костры, сжигались сотнями и тысячами невинные жертвы — измученные христиане, вырезали людям старой веры языки за проповедь и просто за исповедание этой веры, рубили им головы, ломали рёбра клещами, закапывали живыми в землю по шею, колесовали, четвертовали, выматывали жилы...».

Такого рода расправы над религиозными оппонентами имели многочисленные прецеденты в истории Церкви в Западной Европе. Для России, являвшейся во все времена многоэтнической и поликонфессиональной, это не было в целом характерно. Однако в конце XVII века и Россия двигалась сравнительно недолго по пути религиозного террора. По мнению А. Н. Гумилева, на этот путь правительство Софьи подбивали иезуиты, действовавшие через латинскую партию. А. Н. Гумилев подчеркнул, что в этом же году при одобрении папы Людовиком XIV во Франции был отменен Нантский эдикт, устанавливающий принципы веротерпимости. Это стало началом новой волны террора против гугенотов. Протестанты от преследований бежали тогда в разные страны, включая Россию, где параллельно шел сходный процесс репрессий в отношении раскольников.

При Петре I хотя «двенадцать статей» не были первоначально отменены, их правоприменение фактически блокировалось. По мнению А. М. Панченко, государь, находясь под влиянием протестантских стран, претерпевших от католической инквизиции, склонялся к веротерпимости, хотя и не был радикален. В 1702 году, возвращаясь из Архангельска, Петр I посетил знаменитую Выговскую обитель — центр Поморского согласия. Старообрядцы в связи с приездом царя готовились к сожжению или бегству, но неожиданно для них царь даровал Выгу автономию. Старообрядцы Выговской обители получали ряд экономических льгот и право вести богослужение по старым книгам.

Петр I в отношении старообрядцев предпочел прежней политике гонений увеличение налогового бремени. Наряду с введенным в 1705 году налога на бороду, старообрядцы с 1716 года платили двойной налог. Им предписывалось ходить в определенной одеж-

де, и нарушение этого предписания могло обернуться для сторонника раскола штрафом в 50 рублей. Старообрядцы, которые были готовы платить в соответствии с указом Петра I двойной налог, были легализованы и именовались «записными раскольниками». Те же, которые отказывались выплачивать двойную сумму, оставались в нелегальном положении, и по отношению к ним использовалось понятие «незаписные раскольники».

«Урегулирование» таким способом отношений со старообрядцами показывает, что в условиях острой нужды в финансах во время Северной войны Петр I попытался пополнить за их счет государственную казну. Тем самым он как бы давал разрешение старообрядцам: убеждены в правильности богослужбных традиций Русской Церкви до Никона — нет возражений, платите и исполняйте свои обряды. В этом был весь Петр. Стоит ли говорить, что официальное число старообрядцев в России вследствие петровской политики стало устойчиво снижаться.

Впрочем, полностью от применения физических расправ с раскольниками Петр I не отказался. Так, в 1720 году был казнен основатель диаконовского согласия диакон Александр, подавший «Прошение» царю. В этом «Прошении» епископ Питирим был обвинен в фальсификации обращения керженских старообрядцев в их намерении восстановиться в Православной Церкви. Трехлетняя дискуссия между Питиримом и Александром не привела к победе официальной стороны в споре. И тогда для реляции об успехах было использовано либо принуждение к подписям, либо подлог. «Прошение» Александра царю наносило удар по планам «мягкого» возвращения старообрядцев Нижегородского края в Православную церковь. Такой срыв планов Александру простить не могли и обвинили самого в подлоге, представив его позицию как мнение одиночки, выданное за коллективное.

Патриарх Иоаким — союзник Петра I

Главным союзником Петра I в борьбе за власть с царевной Софьей являлся патриарх Иоаким. Поддержка им Петра Алексеевича исходила из понимания угроз группировавшейся вокруг Со-

фы латинской партии. В оппозиции двух группировок петровская воспринималась им более близкой к интересам православия. Прошедший до пострижения рейтарскую службу в полках иноземного строя под началом голландского военачальника Исаака ван Бокховена, участник боевых действий против Польши, Иоаким благожелательно смотрел и на военные увлечения молодого Петра.

Иоаким шаг за шагом укреплял патриаршую власть. Делал он это не так радикально, как Никон, но последовательно идя в этом направлении. Едва став в 1674 году патриархом, он по обвинению в разгульном и распутном образе жизни посадил на цепь царского духовника настоятеля Благовещенского собора, протопопа Андрея Савиновича Постникова. На просьбы царя освободить священника был отказ и приведены факты его прегрешений. В 1677 году под давлением Иоакима был упразднен Монастырский приказ, являвшийся предтечей Синода. Позже он добился неподсудности лиц духовного сана светским властям. Все эти шаги были противоположны тому курсу церковной политики, которую будет реализовывать впоследствии Петр I. Неизвестно, каким бы было петровское царство, проживи Иоаким дольше. Но патриарх ушел из жизни в 1690 году — фактически сразу после победы Петра I в борьбе за власть.

Петр Алексеевич, по-видимому, хорошо понимал, что поддержка патриарха в борьбе с Софьей может иметь решающее значение. Оказавшись в 1689 году в критические дни противостояния в Троице-Сергиевой Лавре, он преобразился. Прежние забавы разгульной жизни были оставлены. Немцев Петр Алексеевич более не принимал. Облачался он исключительно в русское платье, регулярно посещал богослужения. В этот период Петр сделал все для соответствия каноническому образу царя.

Иоаким радикально и последовательно боролся со всеми идейными противниками Православной Церкви — католиками, протестантами, раскольниками. По его поручению был создан широкий перечень изобличающих ереси книг. После присоединения к Московскому патриархату Киевской митрополии Иоаким вступил в тяжелую идеологическую борьбу с латинством малороссийского духовенства. В своем завещании патриарх наставлял русских царей в том, чтобы они не сближались с латинянами, лютеранами,

кальвинистами и другими иноверцами. Он советовал не назначать их на высшие должности в государственном управлении, армии и суде. Иоаким призывал их не допускать строительства в России неправославных храмов, а те, которые уже были построены, призывал снести. Петр I, как известно, этим наставлениям не внял. Иоаким своей позицией сдерживал тенденции европеизации, но изменить их ему было не под силу. Но можно было установить пределы европеизации. Даже при изменении системы церковного управления суть православного учения Церкви удалось сохранить в том виде, как оно сложилось в XVII веке. И в этом была заслуга не только Иоакима, но и, как это ни парадоксально прозвучит, Петра I, который не вторгался в сферу богословия и богослужения.

Патриарх Адриан — кризис модели симфонии властей

Избранный в 1690 году на патриарший престол Адриан не обладал тем влиянием, которое было у патриарха Иоакима. Он был противником брадобрития, ношения иностранного платья, курения. Но его мнение уже мало что значило. Будучи сторонником старины, он все-таки пошел под давлением Петра I на изменения летоисчисления и календаря. Счет лет начал вестись с 1700 года от Рождества Христова, а не от сотворения мира, а новый год отмечаться 1 января, а не 1 сентября, как было прежде. Эти реформы принято связывать с Петром I, но формально они были осуществлены патриархом Адрианом на последнем году его жизни.

Определенная напряженность в отношениях Адриана с царем возникала дважды. Первый раз это было связано с отказом патриарха постричь в монахини супругу царя Евдокию Лопухину. Второй раз патриарх выступил в диссонанс с царем, обратившись к нему с ходатайством о помиловании стрельцов — участников восстания 1698–1699 годов. Петр I эти увещания патриарха, впрочем, не принял, и казни стрельцов прошли с предельной жестокостью. В целом же патриарх одобрял и поддерживал большинство петровских начинаний, включая реформу образования и создание флота. Поддерживал он даже секулярную политику Пе-

тра I, что вызвало критику в религиозной среде. Известны, в частности, обличения патриарха митрополитом Сибирским и Тобольским Игнатием (Римским-Корсаковым) и юродивым Иваном Нагим. Крайне критичную оценку за безоговорочную поддержку петровской политики давал Адриану историк Церкви А. В. Карташев.

Беспрецедентным случаем стали обстоятельства погребения Адриана, умершего за месяц до битвы при Нарве в октябре 1700 года. На похороны патриарха царь не явился. Петр I сослался на государственные дела, хотя более важного государственного вопроса, чем выстраивания отношений с Церковью, было трудно отыскать. И сегодня такое игнорирование выглядело бы как скандал. Что говорить в этом отношении о времени рубежа XVII и XVIII веков?! Отказом идти на похороны патриарха царь демонстрировал свое отношение к патриаршей власти, давая понять, что в России есть лишь один государь. Дальнейшее блокирование Петром I избрания нового патриарха подтверждало избранную им линию укрепления единовластия.

Фактор малороссийского духовенства

Среди многих представителей малороссийского духовенства латентно существовало два течения — латинское и протестантское. Одно опиралось на идеи, почерпнутые из литературы католической направленности, другое — протестантской. Соответственно и перспектива реформ в религиозной и общественной жизни виделась в соответствии с этими двумя платформами. Собственной же платформы в развитии православного учения в малороссийской духовной среде выработать не удалось. И такая ситуация была вполне объяснима для региона, недавно включенного в состав России. Наличие латинской и протестантской групп обнаруживалось и во властной элите.

Малороссийское духовенство считалось к концу XVII века более образованным, чем великорусское, и к этой оценке имелись реальные основания. Центром подготовки кадров священнослужителей в Малороссии еще со времен ее нахождения в составе Речи

Посполитой выступал Киево-Могилянский коллегиум. Но вместе с современными знаниями распространялась объективно и анти-православная пропаганда.

Малоросских священников можно было бы назвать группой модернистов. Такая группа была объективно необходима Петру I для реализации курса реформ. В целом для реформ во все времена нужны кадры, не связанные с прежней традицией устройства. Для реформирования государственной и общественной жизни Петр I опирался на «немцев», так же как для реформирования церковной — на малороссов. Опирается на немцев в религии он не мог, на греков, по-видимому, не хотел. Оставались наиболее европеизированные из православного духовенства малороссы.

Динамичный приток малоросского духовенства начался с 1686 года. Тогда было получено согласие от патриарха Константинопольского Дионисия IV на передачу Киевской митрополии в подчинение Московскому патриархату. Считается, что это решение определялось началом новой Русско-турецкой войны и возникающими в связи с этим угрозами. Константинопольский патриарх, резиденция которого находилась в столице Османской империи, оказывался в двойственном положении, возглавляя паству враждебных Турции территорий. Передача Киевской митрополии Московскому патриархату снимала, как казалось, эти противоречия и облегчала коммуникации с епархиями.

Впрочем, переход в Московский патриархат и без Русско-турецкой войны 1686–1700 годов являлся делом времени. Гетманщина уже более тридцати лет входила в состав Московского царства, и то, что Киевская митрополия при этом находилась в подчинении Константинополя и находилась в противоречии к новым реалиям. Основанием задержки являлась неурегулированность отношений с Польшей, по-прежнему претендующей на Киев. Но в 1686 году «Вечный мир» России с Польшей был подписан, Москва выкупила за 146 тысяч рублей Киев, и формальные препятствия к передаче Киевской митрополии Московскому патриархату оказывались устранены. Пройдут годы, и в 2018 году решение Дионисия IV будет отменено константинопольским патриархом Варфоломеем. В конце же XVII — начале XVIII века присоединение Киевской митрополии выглядело в реальности как присоединение российской

иерархии к иерархии малоросской. Все ключевые посты в объединенной Церкви заняли со временем выходцы с Украины.

Киево-Могилянский коллегиум

Киево-Могилянский коллегиум позиционировался как православное учебное заведение. Однако проводимое в нем обучение на латинском языке и контент образовательной подготовки во многом превращали его в очаг латинизма и униатства. Для Малороссии в период нахождения ее в составе Речи Посполитой роль Киево-Могилянского коллегиума имела амбивалентный характер. С одной стороны, он готовил кадры, которые были должны отстаивать интересы православия и православную идентичность. Причем делать это они могли на достаточно высоком по европейским меркам уровне. Но с другой — сама православная среда оказывалась под угрозой переформатирования под латинский контент.

При вхождении Киева в состав России первая сторона утратила свою актуальность, тогда как вторая, напротив, усилилась. Именно Киево-Могилянский коллегиум стал основным каналом латентного распространения латинского влияния. Латинство распространялось преимущественно под видом европейской учености. Помешать этому можно было двумя способами: либо посредством создания аналогичного православного центра, для чего отсутствовали должные кадры, либо посредством секуляризации образования — отделения его от религии. Именно по второму пути и пошел Петр I. Секуляризация образования объективно оказывалась мерой противодействия латинской пропаганде.

Обучение на латинском языке в коллегиуме еще можно было объяснить применительно ко времени нахождения Киева в составе Речи Посполитой. Но обучать на латыни, когда Киев уже входил в состав России, являлось прямым вызовом. Было очевидно, что обучаемые таким образом кадры готовятся не для потребностей России.

Исходно коллегиум создавался по иезуитским лекалам. Все до деталей было организовано сообразно с моделью организации

коллегиумов Ордена Иисуса. Среди дисциплин в план подготовки учеников входили и такие специфические, как, например, казуистическое богословие.

Иезуиты действительно готовили в то время лучших полемистов. Но дело не ограничивалось овладением методиками полемики. Имело место и проникновение в коллегиум иезуитов. Обычной практикой являлось продолжение учебы в нем лиц, окончивших иезуитские школы. Также случалось, что воспитанники Киево-Могилянского коллегиума продолжали учебу в иезуитских образовательных учреждениях.

Неоднозначной с точки зрения защиты православия являлась деятельность самого основателя коллегиума в Киеве митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Петра Могилы. С одной стороны, ему, сыну валахского государя, удалось легализовать деятельность Православной Церкви в Малороссии. В 1632 году ему удалось добиться у польского короля Владислава IV, являвшегося некогда номинально царем в Москве, получения самостоятельного от униатов статуса православной иерархии. Но с другой — его модернизация представляла собой изменения самого православия под влиянием католиков и униатов.

Крайне критически деятельность Петра Могилы с точки зрения православия оценивал в «Путях русского богословия» Георгий Флоровский. «Могила и его сподвижники, — приходил он к заключению, — были откровенными и решительными западниками. Они стремились объединить русских и не русских за единой культурной работой, в единой психологии и культуре... Могила не был одинок в своих замыслах и затеях. У него было много друзей, — это было новое поколение, прошедшее западную школу, для которого именно Запад, а не восток был своим. И были поводы подозревать, что это западничество есть своеобразное униатство, скрытый романизм. Во всяком случае, представители этой западнической ориентации все снова и снова сговаривались и совещались с униатами, в расчете создать такой компромисс, на котором могли бы согласиться обе спорящие стороны. Не раз выдвигался план соединить униатов и «дизунитов» под властью особого и единого западно-русского патриарха, который был бы сразу в общении и с Константинополем, и с Римом. И в патриархи латино-униат-

ская партия всегда выдвигала именно Могилу, вряд ли без его ведома... Действительно, догматических возражений против Рима у Могилы не было. Он лично был уже как бы в догматическом единомыслии с Римом. Потому так легко и свободно он и обращался с латинскими книгами. Именно то, что он находил в них, он и принимал за православие, как древнее предание. Для него стоял только вопрос юрисдикции. И в решении этого вопроса решающими были мотивы тактики и политики церковной, мотивы «успокоения», т. е. Церковно-политического мира и благостояния, даже благосостояния и благоустройства. Здесь все казалось условным, все могло быть условлено и обусловлено...».

Негативно отзывался о деятельности основателя Киево-Могилянского коллегиума историк Церкви, архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет (Гумилевский): «Признаюсь искренно, что Могила мне очень не нравится по образу мыслей и некоторых дел, да и нет почти ничего у него собственного, а все, что названо его именем, принадлежит не ему. Потому мне очень не хотелось бы, чтобы дано было ему почетное место между учителями и просветителями Церкви. Папистический энтузиазм или фантазия не дают права на такое звание». Скрытый папист и униат — такие были мнения о Петре Могиле противников религиозной европеизации. Такие же обвинения могли бы быть предъявлены и предъявлялись всему сообществу учителей, выпускников и учащихся Киево-Могилянского коллегиума. А влияние его в формирование элит на Украине было колоссальное.

Выпускниками Киево-Могилянского коллегиума являлись четырнадцать украинских гетманов. Среди них и почитаемый героем на современной Украине — Иван Степанович Мазепа. После окончания Киево-Могилянского коллегиума он, как и многие другие его известные выпускники, проходил обучение в Иезуитском коллегиуме Варшавы. Это обстоятельство должно было насторожить московские власти при выдвижении Мазепы на пост гетмана. Но выдвигавший его на гетманство Василий Васильевич Голицын сам был убежденным западником, и связь того с иезуитами его не смущала. В период своего гетманства Мазепа покровительствовал Киево-Могилянскому коллегиуму, носившему даже название Могилянско-Мазепинского. Очевидно, что такое покровитель-

ство имело вполне определенные политические цели, проявленные при измене гетмана во время Северной войны.

Ближайший сподвижник Ивана Мазепы, избранный мазепинцами после смерти того новым гетманом, Филипп Орлик также окончил Киево-Могилянский коллегиум. Учился он так же, как и Мазепа, и в Иезуитском коллегиуме, но не в Варшаве, а в Вильно. Там, как считается, он перешел из православия в католичество. Католиком являлся отец Филиппа Степан — польский шляхтич чешского происхождения, потомок гуситов, перебравшихся из Чехии в Польшу. Имеются сведения, что, находясь в Турции, Орлик в очередной раз сменил веру, приняв ислам.

Интересно, что выдвижение Орлика во время обучения в Киево-Могилянском коллегиуме происходит при наставничестве Стефана Яворского — в дальнейшем местоблюстителя патриаршего престола. Видный церковный иерарх Русской Православной Церкви дает путевку в жизнь симпатизанту латинства и будущему сепаратисту. Очень высоко отзывался Стефан Яворский и о гетмане Мазепе, став даже автором панегирика («Эхо голоса, зовущего в пущу»). Правда, именно ему было суждено предать того в 1708 году анафеме.

Автором панегирика Мазепе являлся и Феофан Прокопович. Являясь на тот момент профессором пиитики в Киево-Могилянском коллегиуме, он написал трагикомедию «Владимир», посвященную борьбе Владимира Крестителя с язычеством. В эпилоге звучал хор ангелов, предвещающий будущую великую судьбу Киева, а апостол Андрей произносил слова, превозносящие царя Петра, гетмана Мазепу, местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, митрополита Киевского, Галицкого и Малья Руси Варлаама Ясинского. Впоследствии Феофан Прокопович с 1711 по 1716 год сам будет занимать пост ректора Киево-Могилянской академии.

Окончив коллегиум, Орлик в 1695 году написал в адрес Мазепы изданный в Вильно на польском языке панегирик «Алкид Российский». В нем он уподоблял гетмана Гераклу, одним из имен которого было Алкид. Подводилась и апологетика русского царя. Общий смысл сочинения Орлика состоял в реализации давней мечты православных славян о низвержении турок

(«стамбульской горгоны») и освобождении храма святой Софии в Константинополе.

Латинская партия способствовала вовлечению России в войну с Турцией. Причина этого заключалась в нависшей над католическими странами в конце XVII века, прежде всего над Габсбургской империей, угроза новой турецкой экспансии. Россия нужна была Европе для сдерживания агрессии турок. И вдруг из прежде презираемых варваров русские в конце XVII века оказались в европейской памфлетике, включая традиционно враждебную к России польскую памфлетику, христианским воинством, которому надлежит разгромить агарян. Эту затею горячо поддержало правительство Софии, принявшее решение о вхождении в 1686 году в Священную лигу. Но Петр I, принявший поначалу также активное участие в ее деятельности, в дальнейшем к проекту организации христианского альянса против турок охладел.

Братья Лихуды и Славяно-греко-латинская академия

Принято считать, что открытие в Москве в 1687 году греками братьями Лихудами — Иоанникием и Сафронием — Славяно-греко-латинской академии являлось окончательной победой грекофильской партии над латинской. Однако это утверждение представляется сомнительным. Грекофилом был однозначно патриарх Никон. Отчасти к грекофилам можно было бы отнести и царя Алексея Михайловича. Но ни Федор Алексеевич, ни царевна Софья, ни ее фаворит Василий Васильевич Голицын грекофилами не являлись. Скорее можно было бы говорить об усилении при дворе симпатий к латинству. Греческая партия, имевшая сильные позиции в Москве в середине XVII века, утратила к последней четверти столетия свое былое влияние.

Но как же быть в таком случае с приглашением в Москву греков братьев Лихудов и созданием под них академии? Академия эта называлась первоначально Эллино-греческой. Славяно-греко-латинской она называться объективно не могла, так как, несмотря на католические симпатии в элите, латинство по-прежнему считалось в России ересью. Название Славяно-греко-латинская академия

войдет в употребление значительно позже, уже после петровских преобразований.

Действительно, братья Лихуды являлись греческими православными монахами, из византийского княжеского рода, находившегося в родстве с василевсами. Они наставили ряд сочинений, полемически направленных против католиков и лютеран. Критика латинской ереси приводилась в сочинениях братьев «Акос, или Врачевание, противоаолагаемое ядовитым ушрызениям змиевым», «Показание истины», «Мечец духовный». Диалоги, сиречь разглагольства грека учителя к некоему иезуиту», протестантизма — в сочинениях Иоанникия и Софрония обличение ересям Лютера и Кальвина», «Письмо к императору Петру I о ересях Кальвина и Лютера». Выступали братья и разоблачителями раскольников, что, к примеру, нашло отражение в сочинении «Коллурий от лютой страсти очеболения Капитоновского».

Полемика с католиками и протестантами со стороны Академии действительно велась, но идейная альтернатива европеизации сформулирована так и не была. Греческая ученость к тому времени сама все в большей степени европеизировалась. Часто ученые греки оказывались сами проводниками латинских идей. Протестантизм среди них, правда, не получил распространения, но католические заимствования были существенными.

Сами номинальные лидеры греческой партии в России братья Лихуды представляли некий симбиоз эллинской и латинской учености. Образование они получили в католической Италии — первоначально в Венеции, а потом в Падуанском университете. Не единожды братья обвинялись в еретичестве. Причем речь шла именно о приверженности их латинству. Обвинение братьев в отступлении от православного богословия, увлечении европейской философией и латинским языком представил в 1693 году в письме, направленном в Москву, иерусалимский патриарх Досифей II. Лихуды были на время отстранены от преподавательской деятельности в Академии и переведены для работы в Московскую типографию.

В 1698 году, после скандала перехода в католичество ученика братьев П. Артемьева во время патриаршего посольства в Венеции, их обвинили в пропаганде латинства и поместили в московский Новоспасский монастырь. В 1704 году на основании доноса

о предоставлении информации о состоянии дел в России в Константинополь братья были переведены в костромской Ипатьевский монастырь.

Как Лихуды, так и последующее руководство Академии, враждебно относилось к главному петровскому идеологу Феофану Прокоповичу, подозреваемому в неправославии. Академия в этом смысле стояла на пути усиливающегося и связываемого с фигурой Феофана протестантского влияния. Вместе с тем к латинским привнесениям отношение было менее критичным. Более того, имелись прецеденты получения ректорами Академии образования в католических образовательных учреждениях. Так, Палладий (Роговский) проходил обучение в иезуитских школах Вильно и Ольмюца, греко-униатском училище в Риме, приняв в качестве условия прохождения учебы католичество. Сильвестр (Крайский) окончил Римскую духовную академию. Феофилакт (Лопатинский) прошел обучение в Римском коллегииуме святого Афанасия. Гедеон (Вишневский) учился у иезуитов в Вильно, Кракове и Львове, получив степень доктора философии. Делать ставку на интеллектуальную группировку Академии Петр I, таким образом, не мог.

Стефан Яворский: бывший униат — местоблюститель патриаршего престола

Во главе Русской Православной Церкви при Петре I оказался бывший униат. Более двадцати лет, с 1700 по 1721 год, Стефан Яворский занимал пост местоблюстителя патриаршего престола, а в 1721–1722 годы был президентом Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода). Родившись в Яворе, любимом городе польского короля Яна Собеского, находящемся в 50 километрах от Львова, Стефан впитал всю специфическую идейную атмосферу цивилизационного фронта.

Важное значение в его мировоззренческом становлении имело обучение в Киево-Могилянском коллегииуме, где преподавал в это время известный богослов Иоасаф Кроковский и где он получил покровительство со стороны ректора Варлаама Ясинского. Оба они — и Варлаам Ясинский, и Иоасаф Кроковский — будут зани-

мать в дальнейшем пост митрополита Киевского, Галицкого и всея Малья Руси.

Варлаам Ясинский причем являлся принципиальным противником присоединения Киевской митрополии к Московскому патриархату и поддерживал отношения с Константинополем. Не изменило позиции иерарха и предложение сделать его самого митрополитом Киевским в иерархии Московского патриархата. После его смерти в 1707 году при возведении в сан митрополита Иоасафа Кроковского Петр I дал особое предписание, запрещающее вступать в какие-либо связи с Константинопольским патриархатом, из чего следует, что они и по прошествии двадцати лет после перехода в юрисдикцию Русской Православной Церкви поддерживались. А между тем оставался всего лишь год до вторжения в Малороссию войск Карла XII и раскрытия измены Мазепы. Ориентация на Константинопольский патриархат Киевской митрополии могла в этих условиях оказаться стратегическим ударом по российским позициям на Украине.

Особая позиция Варлаама Ясинского в отношении перспектив перехода в Московский патриархат не стала сдерживающим обстоятельством написания Стефаном Яворским панегирика ректору Киево-Могилянского коллегиума. Панегирик был написан на латыне с включением в него стихов на польском языке. Стефан уподоблял Варлаама Ясинского Геркулесу, а его предшественника на ректорском посту Иннокентия Гизеля, перешедшего в свое время в православие из социнианской церкви, сравнивал с Атлантом.

Окончив Киево-Могилянский коллегиум, Стефан Яворский решает продолжить обучение в Европе. Условием для поступления в католические школы было отступление от православия, и Стефан принимает унию. Его новым именем становится Станислав Симон. Обычно биографы Яворского рассматривают этот шаг как формальный, но легкость в смене веры показывает как минимум отсутствие глубоких православных убеждений. Отступить от веры означало погубить душу. Но Стефан идет на этот шаг. В Европе он обучался в высших католических школах Львова, Люблина, Познани, Вильно, вынеся из них характерное острое неприятие протестантизма. Это сделало Стефана в дальнейшем противником склонявшегося к протестантскому учению Феофана Прокоповича. Но, будучи врагом

протестантов, не мог Яворский и являться союзником Петра I, служа тому более по конъюнктурным соображениям.

Существует распространенное мнение, что в период своего обучения в Европе Стефан вступил в Орден иезуитов. Если утверждение о его тайном иезуитстве верно, то получается, что во главе Русской Православной Церкви в течение более чем двадцати лет стоял католик-иезуит. Яворский в этой версии оказывался наблюдателем и контролером со стороны Ордена за происходящим на властном уровне в России.

Сколь легко Стефан перешел в унию, столь легко и покался в своем отступничестве. Вернувшись в Киев, он был прощен, восстановлен тут же в православии и, более того, допущен к преподаванию в Киево-Могилянском коллегиуме. Есть основание считать, что курс Стефана в коллегиуме опирался на католическое учение. В этом его обвинял, в частности, в письмах, направленных в Москву, иерусалимский патриарх Досифей II.

Возвышение Яворского происходит по случайному стечению обстоятельств: Петр I услышал его проповедь на смерть генералиссимуса А. С. Шеина и приказал оставить проповедника «не в дальнем расстоянии от Москвы». Сообразно с царским повелением Стефан становится митрополитом Рязанским и Муромским, а после скорой смерти патриарха Адриана назначается местоблюстителем патриаршего престола.

Яворский был блестящим петровским панегиристом, апологетом военных побед Петра I. По принципиальным вопросам петровской церковной политики его мнение шло вразрез с позицией государя. Так, он выступил, в частности, с критикой введения в церковные суды фискалов от гражданской власти. Был Стефан и против создания Духовной коллегии. Являясь президентом Синода, он на его заседаниях фактически не бывал и синодальных решений не подписывал. Удивительно, что скорый на расправу Петр столь долго терпел подле себя оппозиционно настроенного иерарха. Вероятно, в расчет им брались действительно имеющиеся у Яворского таланты, а также его европейские знания, отсутствовавшие у большинства представителей русского духовенства.

Наиболее критическим моментом для Стефана Яворского стало обнаружение его связей с царевичем Алексеем в связи с раскры-

шимся заговором. Нити заговора вели и в Киевскую митрополию. Царевич под пытками дал показание на митрополита Иоасафа Кроковского, который будто бы готовил восстание на Украине против Петра I. Иерарх даже вызывался в Петербург на дознание.

Сам Стефан еще до разоблачения заговора публично называл Алексея единственной надеждой России. Яворский просил Петра помиловать царевича, а после казни исполнил надлежащие обряды над покойным. Петр I, по-видимому, не дал ход делу о церковном заговоре, но с того времени держал Стефана в Петербурге, не отпуская даже в возглавляемую им митрополию.

Стефан Яворский являлся главным в петровской России обличителем протестантизма. Его изобличения были непосредственно по Феофану Прокоповичу, а опосредованно — и по Петру I. Антипротестантские выступления Яворского получили международный резонанс, в полемику включились европейские теологи — католики и протестанты.

Особенно резонансным и системным сочинением Стефана Яворского против протестантов стал трактат «Камень веры» (полное название — «Камень веры: православным церкви святой сынам — на утверждение и духовное созидание; спотыкающимся же о камень преткновения и соблазна — на вставание и исправление»). Поводом для его написания местоблюститель патриаршего престола объявлял распространение ереси Димитрия Евдокимова, который под влиянием кальвинистских идей отрицал почитание икон, мощей святых, Креста.

Книга Яворского адресовалась православным, склонявшимся под влиянием внешней пропаганды в протестантство. Основными источниками, на которые опирался при создании своего труда Стефан, являлись сочинения великого инквизитора Католической церкви, известного осуждением Джордано Бруно Роберта Беллармина и духовника императора Фердинанда II нидерландского богослова Мартина Бекана. Оба католических философа являлись видными фигурами Ордена иезуитов.

Деятельность протестантов-«нововерцев» противопоставляется в «Камне веры» деяниям апостолов. Если апостолы превращали козлов в овец, то протестанты совершают прямо обратное. Лидера Реформации Мартина Лютера Яворский изобличал как

«нового Голиафа» и «архираввина». Определение его главным раввином выводило на тезис о произошедшей в рамках протестантизма тайной подмене христианства иудаизмом. В деятельности Лютера и его последователей Стефан видел не только борьбу с католиками, но и в целом со Святой Церковью.

Критике со стороны автора «Камня веры» подвергаются и другие протестантские лидеры — Кальвин, Уиклиф, Цвингли. Хотя в сочинении Яворского и отрицались отдельные католические догматы, как, например, идея «чистилища», другие, как положение о «сверхдолжных заслугах», служившее основанием практики индульгенций, нашли в книге широкое отражение. Начиная Стефан свои изобличения протестантов с отрицания ими святых икон, знамения честного креста, святых мощей, и эти его возмущения должны были найти отклик у православных, расположить их в пользу автора.

В издании «Камня веры» Стефану Яворскому было отказано. «Конечно, — писал историк Церкви А. В. Карташев, — Стефану вовремя было сказано, что такое сочинение, вредное для государства, нуждавшегося в привлечении иностранцев, не будет напечатано». Но после смерти Петра I ситуация изменится. Последователи Стефана Яворского, умершего в 1722 году, начали брать верх. В 1728 году Феофилакт Лопатинский — другой малоросс с Волини, выпускник Киево-Могилянского коллегиума — с разрешения Верховного Тайного Совета издает сочинение Яворского.

В поддержку книги как орудия против протестантов в Европе выступили иезуиты. Из парижской Сорбонны в Россию был направлен аббат Жюбе, перед которым была поставлена задача завязать отношения с русским духовенством на предмет соединения Церквей. Аббат приехал в Россию под предлогом обучения детей княгини Ирины Долгорукой, принявшей за границу католицизм. К задаче склонить русских к унии был также подключен и доминиканец Бернад Рибейра, находившийся при испанском посольстве в России. Проект католиков имел сочувствие среди части представителей Верховного Тайного Совета.

В этой ситуации протестанты предприняли ответные действия. С критикой «Камня веры» выступил известный немецкий лютеранский теолог Иоганн Франц Буддей, написавший трактат «Апологетическое письмо в защиту лютеранской церкви». Рибейра на-

писал опровержение на книгу лютеранина — «Антиапологетический ответ католической церкви». В защиту позиции Яворского выступил и архиепископ Феофилакт (Лопатинский), написавший трактат «Апокрисис».

Оба антипротестантских сочинения должны были быть вместе с «Камнем веры» преподнесены императрице Анне Иоанновне. Однако и «Антиапологетический ответ», и «Апокрисис» были запрещены и приобщены к делу о латинской пропаганде в России. В отношении авторов выдвигались обвинения о провоцировании конфликта с немцами. Феофилакт будет арестован и осужден. Ранее был лишен сана и подвергнут заточению архиепископ Киевский и Галицкий Варлаам (Вонатович), повторно издавший у себя в Киеве «Камень веры» и поддерживавший обвинения Феофана Прокоповича в еретичестве. Латинская партия была разгромлена, и Феофан Прокопович торжествовал.

Широкое хождение получил анонимный памфлет «Молоток на «Камень веры»», близкий к жанру политического доноса. Высказывается предположение, что автором памфлета являлся поэт и дипломат Антиох Кантемир. Стефан Яворский был представлен в нем как агент папы, противник политики царя, вынашивавший планы стать патриархом. Местоблюститель обвинялся не только в саботаже царских распоряжений, но и в нравственных грехах — стяжательстве, симонии, страсти к роскоши. Ему вменялась в вину поддержка заговоров Мазепы и царевича Алексея. Итогом этой кампании стал запрет «Камня веры» в 1732 году указом Анны Иоанновны. Книга вновь была напечатана уже в 1749 году в правление Елизаветы Петровны.

Димитрий Ростовский и малоросская партия

Ведутся активные споры о латинизме другого уроженца Малороссии (местечка Макаров Киевского полка Войска Запорожского) и выпускника Киево-Могилянского коллегиума, митрополита Ростовского и Ярославского Димитрия Ростовского (в миру Туптало Данилы Саввича). Митрополит Димитрий являлся главой Ростовской архиерейской кафедры с 1702 по 1709 год.

Специальный разбор взглядов и аргументов в связи с возможным латинством иерарха проводится в диссертации А. О. Крылова «Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII — начала XVIII в.» Вывод, к которому пришел автор исследования, заключался в следующем: «В богословском плане митр. Димитрия никак нельзя назвать «следующим» за кем-то, будь то иезуитские теологи или могилянские авторы. «Умный покой и созерцательность схоластики» для владыки были не откровением о величии Римской церкви, но путём постижения той гуманитарной учёности, которая расцветала в его время на Западе. Поэтому полученное митр. Димитрием образование не сделало его «латинствующим», дав набор готовых ответов, заимствованных у католических авторитетов, но снабдило его прежде всего совокупностью методов для решения богословских проблем, актуальных для Русской церкви на рубеже XVII–XVIII вв., в духе православного вероучения».

Митрополит Димитрий являлся выдающимся деятелем Русской Православной Церкви последней четверти XVII — начала XVIII века. Он был известен как пастырь и проповедник, летописец и агиограф, историк и богослов, драматург и духовный писатель. Димитрий изумительно владел даром слова, его называли «российским Златоустом». Произнесенные им проповеди и созданные духовно-нравственные произведения имели широчайшую известность.

Димитрий Ростовский стал одним из самых известных духовных писателей в Российской империи XVIII–XIX веков. И. С. Тургенев в 1836 году в рецензии на книгу Андрея Николаевича Муравьёва «Путешествие по святым местам русским» отметил: «Кому в России не известны его великие заслуги Церкви, прославленные и по смерти даром чудотворения? Кто из нас не читал его творений и не умилялся теплым чувством, с которыми они написаны?»

Главным делом его жизни стало создание книги «Житие святых, или Четьи-Минеи» на 12 месяцев. Жития святых в изложении Димитрия Ростовского многократно переиздавались в XVIII–XIX веках. Будучи любимым и популярным чтением в среде грамотного населения, они формировали духовно-нравственные устои многих поколений русских православных людей.

21 апреля 1757 года, в первый день Пасхи, Святейший Синод прославил святителя Димитрия Ростовского в лике святых. День его кончины — 28 октября, так же как и день обретения мощей — 21 сентября, назначались днями празднования его памяти.

Значение этого события для Русской Православной Церкви трудно переоценить. Прославление святителя Димитрия Ростовского оказалось единственной общерусской канонизацией на протяжении всего XVIII века. Он явился первым святым, канонизированным в Синодальный период, он стал первым святым Российской империи.

Безусловно, Димитрий Ростовский был человеком латинской учености. Но обретенные знания не привели его, в отличие от ряда других церковных деятелей, к отступлению от православия. Напротив, приобретенные им навыки он использовал в полемике против еретиков. Особое значение имели они в дискуссиях со старообрядцами.

Но то, что Димитрий Ростовский оставался на позициях православия, не отменяет тенденцию сближения с латинством священников Киевской митрополии. Были в ней и те, кто, подобно Димитрию Ростовскому, сохранял верность православию, а были и фактические приверженцы сближения с католиками или протестантами.

Феофан Прокопович и латентный протестантизм

Писатель-славянофил Ю. Ф. Самарин говорил о двух сложившихся в период правления Петра в России богословских системах: «Первая из них заимствована у католиков, вторая — у протестантов. Первая была односторонним противодействием влиянию реформации; вторая таким же односторонним противодействием иезуитской школе. Церковь терпит ту и другую, признавая в них эту отрицательную сторону. Но ни той, ни другой церковь не возвела на степень своей системы, и ни той, ни другой не осудила; след., лежащее в основании обеих понятие о церковной системе церковь исключила из своей сферы, признала себе чуждым. Мы вправе сказать, что православная церковь не имеет системы и не должна иметь её».

Первая богословская система была связана прежде всего с именем Стефана Яворского, вторая — Феофана Прокоповича. И Самарин был прав в том, что, к сожалению, способной к полемическим победам над католиками и протестантами системы в России на начало XVIII века не существовало. Русское духовенство было вынуждено опираться на приемы и аргументы, почерпнутые либо у католиков, либо у протестантов. А заодно с методиками и аргументами заимствовались и идеи.

Начальные этапы биографии Стефана Яворского и Феофана Прокоповича фактически совпадали. Как и Стефан, Феофан начал свой путь в науках, окончив Киево-Могилянский коллегиум. Далее он обучался во Львове, находившемся в составе Речи Посполитой и являвшемся центром униатства. Мнение, что до Петра российские подданные не обучались в европейских образовательных учреждениях, не соответствует действительности. Среди элиты Малороссии получение образования в Европе было распространенным явлением. Но образование к концу XVII столетия еще было достаточно сильно сопряжено с религией. Для получения образования в католических странах, как правило, требовалось быть католиком или как минимум униатом. И Стефан Яворский, и Феофан Прокопович для обучения в Европе переходят из православия в униатство, фактически став изменниками веры.

В свете такого рода переходов становится понятным, почему Петр предпочитал направлять дворянских детей для прохождения обучения в протестантские страны. Образование там было в большей степени отделено от религии, и поступление в тот или иной университет принятия соответствующей веры или отречения от веры не предусматривало.

Феофан обошел пешком едва ли не всю Европу, им посещались, в частности, германские университеты Лейпцига, Галле, Йены, где, по-видимому, впервые ознакомился с азами лютеранской теологии и современных обществоведческих учений. Особого внимания заслуживает его поступление в 1701 году в Папскую коллегию святого Афанасия, созданную специально для греческой и славянской молодежи и управляемую иезуитами. Коллегия целевым образом готовила кадры для пропаганды унии. Ее окончили до Прокоповича и после него многие иерархи униатской церкви. Среди извест-

ных выпускников Коллегии в прошлом значился, к примеру, известный хорватский просветитель Юрий Крижанич.

Успехи Феофана в Коллегии были столь выдающимися, что он даже привлек внимание папы Климента XI. Однако в Риме Прокопович оставаться не пожелал и в 1704 году вернулся в Киев. Там он так же легко, как прежде Стефан Яворский, восстановился в православии и был допущен к преподаванию в Киево-Могилянском коллегиуме по широкому спектру дисциплин. Но опыт обучения Стефана и Феофана в Европе оказался различным. Если Яворский вынес из него католические догмы, то Феофан их протестантскую критику.

По-видимому, своему возвышению Феофан Прокопович был обязан событиям Северной войны на Украине. Гетман Иван Мазепа, поддерживавший Киево-Могилянский коллегиум, имел определенную поддержку в церковных и ученых кругах Малороссии. Феофан же, выступивший с панегирической проповедью в связи с Полтавской победой, четко обозначил свою пророссийскую позицию. Во время Прутского похода Прокопович приглашался государем в царский лагерь. Результатом этих контактов стало назначение его ректором Киево-Могилянского коллегиума. Вероятно, перед ним стояла задача подавления там сепаратистских настроений. Будучи противником латинства, Прокопович пять лет возглавлял ключевой центр распространения латинских идей в России, подвергая их по мере сил искоренению.

В 1716 году Феофан Прокопович переехал в Петербург, будучи возведен через два года в сан епископа Псковского и Нарвского, он, оказавшись подле Петра I, стал фактически главным идеологом его правления. Безусловно, как и Яворский, Прокопович был гибким политиком, но в отличие от него действительно разделял идеи Петра, служил ему не за страх, а за совесть.

Главная заслуга Феофана Прокоповича состояла в обосновании целесообразности абсолютной власти государя. Утверждению идеи неограниченной монархии были посвящены, в частности, его сочинения «Слово о власти и чести царской» и «Правда воли монаршей». В отличие от прежней, уходящей ко временам Ивана Грозного традиции изложения основ самодержавия Феофан делал это путем сочетания прежнего религиозного подхода с современ-

ными обществоведческими концепциями — естественного права, общественного договора, всеобщего блага, национального суверенитета и др. Зная эти учения и разбираясь в их тонкостях, он полностью не разрывал и с идеей раскрытия царской власти через проявление Божьей благодати.

Феофан Прокопович, с одной стороны, выводил право, общественные и государственные устроения из человеческого естества, но в то же время не отрицал и Откровения. Такое сочетание представляло собой особый синтез идей, характерный для раннего Нового времени, сохранявшего еще значительные компоненты, унаследованные от Средневековья.

С одной стороны, Феофан рассматривал Бога как основу всего тварного мира. Но с другой — он придерживался представлений об извечности материи, которую «нельзя никогда ни создать, ни разрушить, ни уменьшить, ни увеличить». Придерживаясь Божественного провиденциализма, он в то же время полагал, что материальный мир развивается на основе своих особых законов. Нечто, солидаризировался иерарх с европейскими философами, не может возникнуть из ничего. Он утверждал материальное единство мира, различаемого лишь в формах. Материя же существует в движении, и, соответственного, чего-то статичного, неподвижного, неизменчивого быть в принципе не может. Фактически такой подход подводил в общественной жизни под неизбежность преобразований. Прежние метафоры Тишайшего царя, адресуемые Алексею Михайловичу, заменялись метафорами царя-преобразователя.

Феофан не любил Платона и склонялся к линии Аристотеля. Платоновские чистые идеи он характеризовал как «сказки» и «пустой бред». Прокопович являлся в целом противником религиозного мистицизма и отстаивал рационализм, отказываясь понимать, что без мистической компоненты религия невозможна. Отрицание Платона, соотносимого традиционно с византийской моделью легитимации власти, объективно подрывало прежнюю теократическую систему. Фактически учение Феофана Прокоповича имело переходное значение между теориями теократизма (власть монарха, устанавливаемая от Бога) и абсолютизма (власть монарха, устанавливаемая в силу общественной и природной целесообразности).

Часто учение Феофана Прокоповича характеризуется как цезерепапистское. Такое определение является по меньшей мере некорректным и искажает суть выстраиваемой им модели. Цезерепапизм, как известно, подразумевал приоритет светской императорской власти над властью духовной. Папацезаризм, напротив, утверждал приоритетность духовной власти над властью светской. Цезерепаписты и папацезаристы, они же гибеллины и гвельфы, являлись противоборствующими группировками Средневековой Европы, отражая реальную борьбу императоров Священной Римской империи и римских пап. Предполагалось в обеих моделях, что наличествуют две институции — светская власть и духовная, император (или царь) и папа (или патриарх). Но в том то и дело, что согласно с идеями Феофана фигура патриарха вообще не предусматривалась. Во главе Церкви, в соответствии с разработанным им Духовным регламентом, стоял сам государь. Государь в одном лице оказывался носителем и светской, и духовной власти.

Протестантское учение с его идеей всеобщего священства давало Прокоповичу основания десакрализовать роль Церкви в ее легитимизации царской власти. Церковь лишалась Прокоповичем прерогативы быть транслятором благодати от Бога к монарху. Логично было бы вслед за тем сказать, что монаршая власть легитимизируется волеизъявлением народа. Но на столь радикальный пересмотр прежней традиции даже Феофан Прокопович не был готов.

Характеризуя новую секулярную модель организации государственности, историк Церкви А. В. Карташев писал: «Как и для Европы, для московских передовых кругов кончилось средневековое мироощущение. Теократию сменил гуманизм, лаицизм. Государство перестало быть органом церкви, ведущей людей здесь на земле к потустороннему загробному спасению душ. Последним критерием, высшей целью (*summum bonum*) явилось не царство небесное, а прогрессирующее улучшение земного благоденствия, так называемое «общее благо» (*bonum commune*). Это и есть формулировка правовой догмы: воцарившейся в государственном праве теории так называемого «естественного права» (*jus naturale*)».

Феофан Прокопович высказал идею о разделении русских и малороссов. Первоначально это разделение мыслилось в рамках единого народа. Еще в XVI столетии существовал только единый на-

род — русские. Идею о триедином русском народе, включавшем великороссов, малороссов и белорусов, выдвинул ректор Киево-Могилянского коллегиума Иннокентий Гизель. Феофан Прокопович принял ее трактовку и сделал предметом широкого достояния в России. Пройдет время, и от триединого народа будет осуществлен переход к концепту трех различных восточнославянских народов. Затем уже говорилось о народах, не имеющих какого-либо корневого единства. И наконец, вначале польские, а затем и украинские националисты заговорили о русских и украинцах как разных нациях. Феофану Прокоповичу в генезисе этих представлений принадлежало значимое место.

Петр Великий в своем отношении к Феофану Прокоповичу видел в нем своеобразный противовес Стефану Яворскому в среде высших иерархов Русской Православной Церкви. И тот и другой возвысились при Петре, но Феофан Прокопович несколько позже, когда отношение царя к местоблюстителю патриаршего престола стало более прохладным. В ее руководстве Петр I создал своеобразную систему сдержек и противовесов для поддержания стабильности всей церковной организации, а следовательно, и устойчивого развития Русского государства.

В конце XVII — начале XVIII века в России еще только формировалась отечественная богословская школа. Московский патриархат не имел к концу XVII века четкой догматической позиции и она только формировалась в дискуссиях с латинянами и еретиками, такими как Сильвестр Медведев. На этом сложном пути были свои проблемы, одна из которых состояла в нехватке образованных кадров священнослужителей. Для ее решения Петр I и использовал выходцев из малороссийского духовенства.

Гавриил Бужинский — иерарх с протестантскими симпатиями

Одним из священников-выходцев из Малороссии являлся уроженец Изюма Гавриил Федорович Бужинский. Это именно он по заказу Петра I переводил на русский язык сочинения С. Пуфендорфа. Биографию Бужинского можно считать типичной для малорос-

ских священников. Гавриил прошел, как и многие из них, обучение в Киево-Могилянской коллегии. В Москву Бужинский был переведен по распоряжению местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского и направлен на преподавание в Славяно-греко-латинскую академию. Далее он был замечен Петром I и переведен на службу в Александро-Невскую лавру. Гавриилу доверил государь стать в 1718 году обер-иеромонахом русского флота. Бужинский писал панегирики в адрес Петра I, наибольшую известность из которых приобрело сочинение «В похвалу Санкт-Петербурга и его основателя, государя императора Петра Великого».

Но более интересно в контексте рассматриваемой нами проблематики издание им в 1724 году книги «Феатрон, или позор исторический, изъявляющий повсюдную историю... от начала мира до лета 1680». В Европе издание было известно как «Лютеранский хронограф», перевод которого и сделал Гавриил на русский язык. Автор хронографа Вильгельм Стратеман являлся протестантским богословом и излагал всемирную историю сообразно своим религиозным воззрениям. Бужинский различия в православных и лютеранских воззрениях не видел или не хотел замечать. Между тем лютеранская составляющая книги была столь очевидна, что в 1749 году указом Елизаветы Петровны она была подвергнута запрету и изъятию как протестантская религиозная пропаганда. В 1720 году Бужинский стал префектом Славяно-греко-латинской академии, в 1721 году — протектором школ и типографий при созданном тогда же Святейшем Правительствующем Синоде, а в 1722 году — настоятелем Троице-Сергиевой лавры. Иерарх с протестантскими симпатиями, изобличаемыми даже на высшем властном уровне, встал во главе сакральной для России Сергиевской духовной обители! Он был снят с руководства ей уже после смерти Петра I в 1726 году и направлен епископом в Рязань.

Национальная группировка в Церкви

Существовала внутри Церкви и условно «национальная» группировка, недовольная латинскими и протестантскими проникновениями в религиозную и церковную жизнь. Правда ее возможности

при отсутствии поддержки на уровне высшей светской власти были невелики. Не была сформулирована и альтернативная курсу европеизации идеология. Не произошло переосмысление идеологий прежних царствований — «Москва — Третий Рим», «Новый Иерусалим», «Святая Русь». Не позволяло встать на национальную платформу и размежевание со старообрядцами. Именно старообрядчество, отвергая новации, поднимало тогда знамя национального сопротивления. Солидаризироваться с этим отрицанием означало пойти на соединение с раскольниками. Решимости для осуществления такого шага тоже не было. Да и старообрядцы, утратив духовное единство, эволюционировали в сторону сектантства.

Фактически оппозиция внутри Церкви свелась к вопросу о восстановлении патриаршества. Одной из центральных фигур этого круга являлся митрополит Коломенский и Крутицкий, а ранее епископ Суздальский и Юрьевский Игнатий (Смола). Однако в 1721 году он попал в опалу ввиду выявления оказания им почестей находящейся в заточении в Покровском монастыре в Суздале бывшей царице, супруге Петра Алексеевича Евдокии Лопухиной (в монашестве Елене).

Противником Феофана Прокоповича в высших церковных кругах являлся архиепископ Ростовский и Ярославский Георгий (Дашков), происходивший из древнего дворянского рода Дашковых. Георгий непосредственно направлял Феофану официальный запрос о возможности восстановления в России патриарха. В 1726 году, уже после смерти Петра I Дашков становится вице-президентом Синода, и их конфликт с Прокоповичем достиг апогея.

Провоцирование конфликта со старообрядцами. «Соборное деяние на еретика Мартина» и «Поморские ответы»

В борьбе против раскольников особенно активной была малороссийская группировка. Царь стремился погасить конфликт, снизить идейный пафос противостояния. Но малороссийское духовенство требовало не ослаблять давления против еретиков. Боролись они в данном случае не столько против раскола, сколько за свое поло-

жение во главе иерархии Русской Православной Церкви. Обличение старообрядства в качестве ереси означало, что русские в отличие от малороссов (Киевской митрополии) утратили подлинную веру. Соответственно, в этой логике законоучителями в объединенной Русской Православной Церкви должны стать именно малороссы, в ересь не впадавшие.

Но надо было еще доказать, что исходно при принятии крещения в Киеве существовал на Руси правильный канонический обряд, и только уже при своем изолированном развитии владимирцы и москвиты впали в ересь. И вот обнаруживается источник для этого доказательства — «Соборное деяние на еретика Арменина, на мниха (монаха) Мартина». Суть сюжета, вокруг которого выстраивалось повествование, сводилась к следующему: в 1149 году в Киев из Константинополя прибыл армянин Мартин, выдававший себя за грека, родственника константинопольского патриарха Луки ХризOVERга.

В Киеве он начал проповедовать ересь, представляющую собой сочетание армянства и латинства. Мартин учил тому, что будут впоследствии отстаивать старообрядцы: двоеперстное крещение вместо троеперстного; произнесение Исус, а не Иисус; хождение посолонь, а не навстречу Солнцу; произнесение аллилуйи дважды, а не трижды; отрицание двоечастного креста. В Киеве будто бы при великом князе Ростиславе Мстиславовиче и митрополите киевском Константине был собран в 1160 году Собор, осудивший Мартинову ересь. В 1161 году Собор состоялся уже в Константинополе при патриархе Луке ХризOVERге и по его приговору Мартин был казнен. Ересь была представлена как армянская по происхождению на том основании, что армяне будто бы когда-то крестились так же, как старообрядцы. Явно не армянское имя Мартин было выдано за имя армянина. Отсутствовало какое-либо подтверждение описываемых событий в византийских и иных русских источниках. Имелись явные ошибки в датировке. Так, в 1160 году митрополит Константин уже скончался.

Это был подлог. Хотя фальсификат наиболее активно применял в полемике русский архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим, сам выходец из старообрядцев, за обнаружением источника и его легитимацией стояло малоросское духовенство.

Питирим сообщал, что копию Соборного деяния ему передал выпускник Киево-Могилянского коллегиума Димитрий Ростовский. Сам Димитрий ссылался на решение Собора в Киеве, осудившего будто бы двуперстие в вышедшей в 1709 году книге «Зерцало православного исповедания». Но это было недостаточно, нужен был подлинник. Инициировал его поиски в Киеве местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский — другой выпускник Киево-Могилянского коллегиума. В самом Киеве поиск по всем библиотекам велся по приказу и под контролем третьего выпускника коллегиума — митрополита Киевского Иоасафа Кроковского. Под обнаруженной в 1717 году в Пустынно-Николаевском монастыре рукописью для авторитетности были поставлены подписи: Иоасафа (Кроковского); архимандрита Межигорского монастыря Иродиона (Жураковского), игумена Киевского Михайловского Златоверхого монастыря Варлаама (Леницкого), архимандрита Киево-Печерской лавры Иоанникия (Сенютовича); игумена Николаевского Пустынного монастыря Христофора Чарнуцкого. Все без исключения подписанты принадлежали к школе Киево-Могилянского коллегиума.

Это обнаружение стало катализатором нового наступления на раскол. Затухавший было благодаря примирительной деятельности Петра I конфликт вспыхнул с новой силой. В 1719 году вышел антираскольнический указ, который приказывалось зачитывать во всех церквях: «Книгу о соборном еретике Мартине на Утрени в воскресные дни вместо Пролога читать всем в слышание же. Дабы о прелестном его мудровании все сведомы и непокоряющиеся святые церкви слыша оное прелестное учение еретика Мартина ко святой матери нашей восточной и апостольской Церкви. А оному проклятому еретическому преданию не ревновали. Аще же кто по сему великого Государя указу и по вышеявленному соборному свидетельствованному изложению от того прелестного учения не отщепится и церкви святой не покорится, и такового оному же суду предается, якоже и учитель их проклятый еретик Мартин».

Раскольники вступили в полемику и представили квалифицированные аргументы, говорящие о факте подлога. Вначале как фальсификат Соборное деяние разоблачил Александр Дьякон, а потом в «Поморских ответах» и братья Денисовы. «Поморские ответы»

были направлены непосредственно царю. Братья в своем анализе использовали методiku палеографического анализа текста. Убежденные в своем ученом превосходстве выпускники Киево-Могилянского коллегиума ничего подобного не могли ожидать. Вмешался царь, повелением которого распространение найденной в Киеве рукописи запрещалось. Петр I выступает в данном случае стороной, стремящейся выйти из конфликта, но малоросское духовенство, оказавшееся во главе церковного управления, и такие фигуры, как архиепископ Питирим, имевший обстоятельства личной вражды с раскольниками, продолжали провоцировать конфликт.

Показательно, что новая атака на старообрядцев началась сразу же после того, как в 1716 году было отменено действие антираскольничьих «Двенадцати статей» царевны Софьи. Положение старообрядцев становилось легальным, хотя они и обладавались двойным налогом. Однако после публикации фальшивки Соборного деяния в 1719 году старообрядчество вновь оказалось криминализировано. «Поморские ответы» и последовавшее затем изъятие киевской рукописи опять восстанавливает старообрядцев в легальном статусе.

Однако в 1722 году Святейший Синод издает закон «О распоряжениях по обращению раскольников к православной церкви», предписывающий: перекрещивать старообрядцев, запретить обучению детей раскольническим учениям и обрядам, считать двуперсников раскольниками. Указывалось, что свидетельства раскольников, приравняемых к еретикам, как в судах церковных, так и гражданских не следовало принимать. Фактически указ подразумевал насильственный перевод старообрядцев в официальную Церковь. Однако его реализация сдерживалась властями, и насильственных обращений не проводилось.

Можно фиксировать, таким образом, странные колебания государственной политики петровского времени в отношении раскола. На основании фиксации этих колебаний следует предположить наличие, как бы сказали сегодня, «двух башен» в выстраивании политической линии. Одной из таких «башен» выступал царь, другой — малоросская группировка в церкви во главе со Стефаном Яворским, ярким противником раскола. Царь старался смягчить противоречия, снять или минимизировать конфликт, казавшийся

ему нерациональным. Малоросская партия, напротив, раздувала конфронтацию, призывала к радикальному наступлению на раскольников-еретиков, так как это позволяло закрепить их собственное положение в церковной иерархии. Вместе с тем у старообрядцев формировалась иллюзия, что источником их бед выступает именно царь. Можно сказать, что недовольство канализировалось в сторону царя искусственно и антицарские настроения разогрелись целевым образом.

Не надо думать так, что носителем духа вражды в конфликте со старообрядчеством являлась только официальная церковь. Старообрядцы были радикальны, не шли на компромиссы, грозили и проклинали, фактически раздували раскол. В старообрядческой среде распространялись карикатуры на царя и высших церковных иерархов, сопровождаемые бранью и матерщиной. Радикализм, экзальтация и язык вражды дают основания полагать, что при сценарии старообрядческого реванша жесткость преследования с их стороны противников была бы по меньшей мере не ниже.

Петр I суть есть антихрист: старообрядческий хилиазм

Отношение к Петру I, сложившиеся вокруг его образа стереотипы не будут поняты без анализа хилиастического направления русской мысли. Раскол был воспринят значительной частью русского общества как непосредственное вступление во времена Апокалипсиса. Восторжествовало мнение, что антихрист уже явился в мир. Его приход датировался часто 1666 годом. Но он явился как дух, а не в облики человека.

Между тем, как доказывал дьякон Федор, Писание говорит о его чувственном приходе, которому еще только предстоит осуществиться. Иные (как инок Авраамий) усмотрели в христианских расчетах старообрядцев ошибку, заключающуюся в ведении отсчета от Рождества Христова. Сатана был скован на тысячу лет в день Христова Воскресенья, следовательно, пришествию антихриста предначертано состояться 33 годами позже, что соответствовало не 1666-му, а 1699 году. Апокалипсические ожидания оказались не напрасны.

За неделю до наступления нового, 1699 года, отмечаемого тогда еще 1 сентября, из-за границы явился Петр I. Великое посольство было первым в истории отбытием православного государя за границу. По приезде в столицу царь вопреки древнему обычаю отправился напрямик в Немецкую слободу. Таким образом, чувственное пришествие антихриста было вне всякого сомнения. Брэдобритие (проклятое в очередной раз незадолго до того патриархом Адрианом и грозившее отлучением от церкви), пропаганда курения табака («безовского зелья»), выдача паспортов («антихристовой печати»), пародия церковной обрядовости («всешутейший, всепьянейший собор»), изменения календаря, системы летоисчисления и т. п. лишь укрепляли народ в уверенности об антихристовой сущности царя.

Ассоциации с антихристовой печатью вызвали рекрутские знаки. В письме к Якову Долгорукому от 1712 г. Петр I изобразил крестообразный знак, который надлежало накалывать солдатам на левой руке и натирать порохом. Об этих знаках, вводимых в целях облегчения поимки беглых рекрутов, упоминалось и в указе Сената 1718 г. Старообрядцев не смущало то обстоятельство, что рекрутский знак в отличие от антихристовой печати накладывался не на правую руку, как сообщается в Откровении Иоанна Богослова, на левую.

Титул императора интерпретировался как сокрытие Петром I своей антихристовой природы за буквой «М», поскольку за ее вычитом цифровая сумма данного слова будет равняться 666 — числу апокалипсического зверя. Керженский проповедник Козьма Андреев, обличая Петра Великого, писал: «В самой плоти его, на лице, и на челе, и на всех удех его, даже до ногу его, образ и начертание мерзости запустения, латынства, якож брэдобритие богомерзкое, и чело оголение, и покровение на главе, по обычаю поганных немцев и люторцов, и прочая вся одежда его латынская, паче же бесовская. Еже есть сатана и преисподней бес сиречь дух лукавый, латынский и римский». Царству Антихриста предсказано просуществовать три с половиной года (3,5 года равняется 42 месяцам, т. е. числу, прописное написание которого латинским шрифтом при его цифровом выражении равняется 666).

По истечении указанного времени в 1703 г. Петром I закладывается новая столица — Санкт-Петербург. Не случайно в русской

литературе Петербург зачастую изображается как город демонический, враждебный русскому национальному духу. Но как мог Антихрист явиться из рода православных царей русских, помазанников божьих? Данное затруднение разрешалось посредством апробации легенды о подмене истинного царя ни то при самом рождении сыном Лефорта, ни то во время заграничного путешествия неким немцем.

Потребовалось, чтобы Стефан Яворский написал сочинение, доказывающее на основании библейских текстов, что антихристовы приметы не соответствуют образу Петра. Антихрист должен быть выходцем из еврейского рода, и иудеи поклоняться ему, по внешнему облику он напоминает Христа, царствовать будет лишь 3,5 года и т. п. Впрочем, на Руси имело хождение и иное летоисчисление, согласно которому рождество Христово произошло восемью годами прежде, и потому эсхатологические ожидания, сопровождаемые гробоположениями и старообрядческими гарями, приходились также и на 1658 год, и на 1691 год.

Непосредственным поводом написания книги Стефана Яворского, «Знамения пришествия антихристового и кончины мира» явилось дело Григория Талицкого, прославившегося антипетровскими филиппиками. Г. Талицкий был заточен в Петропавловскую крепость, подвергнут пытке, сопровождающейся диспутом с истязателями об антихристовом пришествии.

Репрессии властей не заставили старообрядцев отказаться от изобличения Петра I как антихриста. С ответным памфлетом «Об антихристе» выступил с их стороны Андрей Денисов.

Один из исследователей русской эсхатологии К. Г. Исупов пишет: «Коль скоро внешние враги нации принимают обличье Антихриста, носители внутренней угрозы также воспринимаются в аспекте чужого. Обыватель думал: Петр наводнил Россию иностранцами; упразднил исконные обычаи, одежду, домашний быт; выстроил иноземный град на опасном краю отечества; говорит не по-нашему; унижил веру и якшается с басурманами; по всей державе снуют шпионы; святая Русь, видевшая в своих землях Андрея Первозванного, край святых подвижников и предстоятелей, из твердыни отчей веры обращена в застенок православия. Социальная практика Антихриста есть прежде всего переименование

и торжество чужих имен над традиционной знаковой реальностью. Поэтому царь-Антихрист-лжеименной царь. Феномен самозванства, составивший в отечественной истории самостоятельный сюжет, органично вплетен в ее эсхатологические перспективы. Из какого бы пространства ни приходили самозванцы на царствие, из «латынской» Польши или с Урала, они опознаются по признаку чуждости».

Типичное житие монаха-старообрядца, отражающее эсхатологические умонастроения периода петровского правления, представил С. М. Соловьев в биографическом очерке, посвященном Самуилу (тамбовскому дьячку Осипу Вылкоркову). Соловьев обратил внимание, что на фигуру Петра были перенесены доводы, приводимые прежде при обличении как антихриста римского папу. Историк привел несколько старообрядческих версий о подмене православного царя антихристом. Согласно одной из них, царевич Петр был подменен при самом рождении сыном Лефорта. Некий тамбовский монах Феларет сообщал, что Алексей Михайлович желал рождения сына и царица, родившая дочь, боясь гнева супруга, подменила ее отпрыском Лефорта. По другой легенде, царя подменили уже в зрелом возрасте во время пребывания за границей, а в Россию вернулся имевший с ним внешнее сходство немец. Третьи объявляли, что настоящий царь был арестован в Стокгольме, где и пребывает в заточении.

Распространялись слухи, что находящаяся в Суздальском монастыре бывшая царица Авдотья Федоровна не признавала в прибывшем из-за границы государе своего мужа. Иные полагали, что если Петр не антихрист, то, по крайней мере, его предтеча. Среди нижегородских старообрядцев популярностью пользовался взгляд, что антихристом является епископ Питирим, особо прославившийся на ниве преследования приверженцев старой веры. Соловьев не видел в старообрядческой оппозиции Петру ничего иного, кроме церковного обскурантизма. Согласно его интерпретации, Самуил имел негативное отношение к государю в силу ленности к усвоению наук, навязываемых им.

Память о царь-антихристе оставила в народном сознании столь глубокий след, что даже четверть века спустя после его смерти Елизавету Петровну называли антихристовой дочкой.

Поэтическая демонизация Петербурга

Петербург около двухсот лет будет являться столицей России, и его образ часто противопоставлялся в литературе образу Москвы. Ввиду того что Москва позиционировалась в качестве сакрального центра православия, Петербург, перенявший у нее статус столицы, наделялся inferнальными чертами. «Четвертому Риму не бывать», и, следовательно, Петербург есть не Рим, а анти-Рим, новый Вавилон, город антихриста.

В поэтической традиции отмечалась гнетущая сумрачная природа и болотистая местность, среди которой была построена Северная столица. А на болотах, согласно народным представлениям, обитала нечисть. Одновременно подчеркивалась имперская мощь города на Неве. Олицетворением имперской мощи выступал «медный всадник». Семантически медный всадник противопоставлялся человеку, оказывался его гонителем. Слово «гранит» также являлось устойчивым элементом петербургской поэтической репрезентации. Болота в сочетании с медью и гранитом формировали особый тип обездушенного inferнального пространства.

Ненавидела Петербург и слала в его адрес проклятия Зинаида Гиппиус. Ее посвященное Северной столице стихотворение завершается словами обличения города:

«Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг,
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк».

Гиппиус пишет о «жестком облике» города, «береговых громадах» петербургских строений. Она обращается к образу болотного червя, который изъедает «каменный костяк». И главное в петербургской характеристике у Гиппиус — город Петра есть Божий враг, то есть столица империи антихриста, новый Вавилон.

Владимир Набоков связал петербургскую inferнальность с темой революции. Природная стихия трансформировалась в стихию социальную. Набоковым вводится в стихотворение о Петербурге

персонаж «болотного беса», бросившего вызов медному всаднику. Торжеством победившей стихии и завершается набоковское стихотворение:

«И пошатнулся всадник медный,
И помрачился свод небес,
И раздавался крик победный:
“Да здравствует болотный бес”».

Революция, по В. Набокову, оказывается торжеством беса, победой инфернального начала.

«Царь» или «император»?

Титулы правителей имели в прошлом огромное значение в идеологической репрезентации государств. Из-за титулов и их непризнания вооруженные конфликты. В этой связи заслуживает особого внимания Петром I в 1721 году титула «император». Впрочем, прецеденты обращения к русским государям с титуляцией «император» имели место и прежде. Имелись и прецеденты обращения с титулом «император» к самому Петру I до 1721 года. Так к нему обращались, в частности, англичане. Вероятно, это делалось ими в пику Священной Римской империи, правитель которой единственный на тот момент официально титуловался императором. Но все эти обращения не имели ни системного, ни официального характера. Вопрос о получении Петром I новой титуляции связывался с решением двух вопросов — отношения к титулу «царь» и отношения к статусу императора Священной Римской империи. Коллизии получения нового титула Петром отражали две тенденции его правления — секуляризацию и европеизацию.

При подготовке процедуры принятия Петром I титула «император» столкнулись два оппонирующих подхода. Первый вариант, подготавливаемый Феодосием Яновским, архиепископом Новгородским и Великолуцким, можно условно определить как архиерейский, второй, прорабатываемый государственным канцлером Гавриилом Головкиным, — светским. Победила светская версия. То, что пред-

почли ее, отражало проявлявшуюся, не утвердившуюся еще окончательно тенденцию секулярного переосмысления монаршей власти. В обращении в связи с присвоением титула «император» Головкина содержались следующие заслуживающие внимания фрагменты.

«Токмо единые вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены».

«Из которых, титул Императорский Вашего Величества, достохвальным Антицессорам (предшественникам) от славнейшего Императора Римского Максимилиана, от нескольких сот лет уже приложен, и ныне от многих Потентатов (властителей) дается».

«Виват, виват, виват Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский».

В словах государственного канцлера — удивительное национальное самоунижение. Головкин заявляет, что до Петра Россия находилась в небытие, а русские не принадлежали даже к сообществу политических народов. Только при Петре в результате его деятельности они к этому сообществу были «присовокуплены».

Государственный канцлер не обращается ни к авторитету византийских и римских императоров. Он апеллирует к императору Священной Римской империи Максимилиану I, признавая его власть наивысшей.

Троекратное «виват» в завершении речи Головкина совершенно отбрасывало какой-либо сакральный контекст церемонии. Да и сам выбор для торжественной речи фигуры светской — государственного канцлера десакрализовал весь замысел. Но это был выбор сознательный, сделанный после долгой дискуссии.

Принято считать, что принятие титула «император» являлось повышением в статусе. Повысилась сообразно с этим мнением и Россия, став Империей. Но так ли это? Анализ семантики титулов «император» и «царь», названий государств — Империя и Царство — заставляет в этом как минимум усомниться.

В Древнем Риме у правителей государства было несколько титулов. Привычное использование по отношению к древнеримской истории титула главы государства император, равно как и названия самого государства — империя, не очевидно. Среди многочис-

ленных титуляций правителей три были наиболее употребимы — *princeps*, *imperator* и *Caesar*. Чтобы посмотреть, какой из них использовался чаще других, обратимся к древнеримским авторам. Показатели использования фиксируются следующие: у Тацита *princeps* — 315 раз, *imperator* — 107 раз, *Caesar* — 223 раза; у Светония *princeps* — 48 раз, *imperator* — 29 раз, *Caesar* — 52 раза; у Аврелия Виктора *princeps* — 48 раз, *imperator* — 29 раз, *Caesar* — 42 раза. Таким образом, титул «император» в перечне наиболее важных титулов древнеримского правителя был наименее употребляемый. Уступал он, в частности, титулу «Цезарь», производным от которого будет титул «царь». Титулы имели разное значение: *princeps* — означал председательство в высших коллегиальных органах, *imperator* — военную власть, *Caesar* — сакральную власть. Военная власть и власть сакральная являлись различными властными аспектами. Они не были выше или ниже по отношению друг к другу, так как исходили из разных критериев. Если имелась в виду военная иерархия, речь шла об императоре, если же религиозное измерение, то о царе. Для Московского государства, являвшегося теократической системой, правитель должен был быть только царем, но никак не императором.

Показательно, что в Библии слова «империя» и «император» не встречаются. Там используются именно понятия «Царство» и «царь». Четыре царства сменяются в мировой истории (Ассиро-Вавилонское, Мидо-Парфянское, Греко-Македонское и Римское). Именно царства, а не империи. Пятым будет Царство Божие. «Эти большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли. Потом примут царство святые Всевышнего и будет царством вовек и вовеки веков», — говорится в Книге пророка Даниила. «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу», — говорит Иисус фарисеям. И в Новом Завете используется таким образом титул «кесарь — царь», но не император.

В Московском царстве исходили из понимания, что Империя есть один из аспектов Царства, а император — один из аспектов власти царя. Они понимали также, что царь тождественен кесарю. Стремления удостоить московского государя титулом «император» как более низким по отношению к царю в системе религиозных координат не возникало.

Такой запрос возникнет уже в начале XVIII века в контексте осуществляемой Петром I европеизации. Как и в 90-х годах XX века приоритетом для России являлись вхождение в единую Европу и принятие международного права. На высшей ступени иерархической лестницы, согласно европейскому континентальному праву, находился император Священной Римской империи германской нации. Ниже находились короли, потом — князья, бароны и т. д. Взойти на высшую ступеньку этой иерархии для российского монарха выдилось в получении титула «император». Встать вровень с императором Священной Римской империи! Это было патриотично и великодержавно. Но ошибка состояла в том, что бралась европейская иерархия, основанная на идентичных Европе ценностях и смыслах.

Принятие Петром I императорского титула наряду со стремлением встать вровень со Священной Римской империей германской нации содержало еще одно направление идеологического дискурса — турецкое. Дело в том, что титул «император» также входил в титуляцию османского султана.

Полный титул правителей Османской империи был выработан к середине XVII века и произносился следующим образом: «Султан (имя) хан, властитель Дома Османа, султан султанов, хан ханов, повелитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной, защитник святых городов Мекки, Медины и Иерусалима, император Константинополя, Адрианополя и Бурсы, городов Дамаска и Каира, всего Азербайджана, Магриба, Барки, Кайруана, Алеппо, Ирака Арабского и Аджема, Басры, Эль-Хасы, Дилена, Ракки, Мосула, Парфии, Диярбакыра, Киликии, вилайетов Эрзрума, Сиваса, Аданы, Карамана, Вана, Берберии, Абиссинии, Туниса, Триполи, Дамаска, Кипр, Родоса, Кандии, вилайета Мореи, Мраморного моря, Чёрного моря и его берегов, Анатолии, Румелии, Багдада, Курдистана, Греции, Туркестана, Татарии, Черкесии и двух областей Кабарды, Грузии, кипчакской равнины и всего государства татаров, Каффы и соседних стран, Боснии и её зависимых стран, города и крепости Белград, вилайета Сербии со всеми замками, крепостями и городами, всей Албании, всего Ифлака и Богдании со всеми зависимыми странами и границами, и многих других стран и городов».

Среди многочисленных регалий султан титуловался и как император Константинополя. Такая репрезентация позволяла легити-

мизировать власть над бывшими территориями Византийской империи. Получалось, что султан являлся преемником императоров Восточно-Римской империи. Это крайне напряженно воспринималось в России. Сообразно с концепцией Третьего Рима Россия сама позиционировалась в качестве такого преемника. И соответственно, императором Восточно-Римской империи должен был заявляться не турецкий, а российский правитель.

В этом смысле титул «император Всероссийский» подразумевал, что в противовес ложной Восточно-Римской империи — Османского султаната есть подлинная Восточно-Римская империя — Россия. Подлинность Турции в качестве Восточно-Римской империи отрицалась и разоблачалась ввиду нехристианского характера турецкой государственности. Складывалась в соответствии с этим замыслом модель двух христианских империй: западной — Священной Римской и восточной — Российской.

Однако новый титул Петра I признавать в остальном мире не торопились. Из всех политически значимых держав сразу его признали только Пруссия и Голландия. Через два года к ним присоединилась поверженная Швеция, с которой готовилось заключение оборонительного союза. И это все. Нигде больше в мире Петра I в качестве императора не признавали. Так оправдала ли себя ставка на интеграцию в европейский мир?

Признание России империей со стороны остальных ведущих держав произойдет позже. Со стороны Турции такое признание будет получено в 1739 году по итогам Русско-турецкой войны. В 1742 году состоится признание со стороны Священной Римской империи и Великобритании и 1745-м — Франции, 1759-м — Испании. Только в 1764 году на такое признание согласится Речь Посполитая. К тому времени с момента принятия титула «император» Петром I пройдет 43 года.

Римская империя в нарративе петровского царствования

Концепция «Москва — Третий Рим» традиционно рассматривается в качестве одного из исторических воплощений государ-

ственной идеологии в русской истории. Отстоящее от него далеко время Петра I, как правило, даже не пытаются соотнести с третьеримской идеологией. Между тем, еще в XVII столетии концепция «Москва — Третий Рим» в ее новых модификациях продолжала являться мейнстримом российского идеологического дискурса. При внимательном обращении к развитию идеологии в историю петровского правления тема Рима обнаруживается в ней с достаточной очевидностью. Первоначально в 90-х годах XVII века Петр следует классической версии идеологии Третьего Рима. Он ведет борьбу с супостатом христианского мира — турецким султаном. Проводятся параллели между ним, Августом и Константином Великим. С его правлением связывается миссия освобождения христиан, находящихся под гнетом Турции.

Вступление в Северную войну и строительство Санкт-Петербурга, казалось бы, все меняет. Но, по-видимому, рефлексия вокруг темы Третьего Рима еще какое-то время продолжается. «Четвертому Риму не бывать», — говорил инок Филофей. Не бывать, потому что у Третьего Рима нет восприемника. А если такой восприемник появится? Санкт-Петербург в этом смысле мог мыслиться как Четвертый Рим. Он является отрицанием утратившей свою миссию Москвы, также как Москва наследовала в свое время Константинополю. Видение истории в логике квадратуры — с четырьмя царствами, соотносилось с концептом Четвертого Рима.

В семантике петровского правления обнаруживается множество образов, структурируемых вокруг темы Римской империи. Российская империя аллегорически уподобляется Римской империи. На эту ассоциацию работает архитектура и скульптура новой столицы. Риму как городу апостола Петра противопоставляется Петербург — новый город Петра. Популярностью пользуется образ двух апостолов — Петра и Павла. Эмблема новой Российской столицы оказывается перефразом герба Ватикана. Ключи в гербе Ватикана замещаются в гербе Санкт-Петербурга. Спор ведется между образной линией Нового Амстердама и Нового Рима. С другой стороны, Петербург спорит с Москвой. Шпиль Петропавловского собора должен был непременно превышать колокольню Ивана Великого.

Подмена в апелляции к Риму состояла в том, что речь шла о Риме христианском (вернее, не только о Риме христианском

апостола Петра), но о могущественной в военном отношении Римской империи. Акцент делался на воинской силе и триумфах. Фактически это был античный языческий империализм. На это противоречие в репрезентации Петербурга будут потом обращать внимание славянофилы и их последователи.

Титуляция Петра I должна была напоминать Римскую империю. Помимо титула «император», присвоение Петру звание «отец Отечества», которым удостаивались правители Рима, должно было вызвать соответствующие ассоциации. Изображение самого государя в римских одеяниях завершало образ властителя Нового Рима.

Апелляции к Римской империи и Цезарю имели место и в связи с Полтавским сражением. Совершенно не случайно в написанной по велению Петра I бароном Г. фон Гюйссеном истории его правления упоминается, что накануне баталии некоторые российские офицеры вспоминали решающую для Юлия Цезаря битву при Фарсале (48 г. до н. э.). Там сказано: «Офицеры... говорили... что некто... говорил Юлию Цезарю в полях Фарсальских прежде побития Помпеуса: “Так буду делать, что похвалиши меня; сего дня жив или убиен буду”».

В истории Г. фон Гюйсена сказано о событиях 25 и 26 июня 1709 г. следующее: «Все солдаты оказывали к Его Величеству, котораго они называли Отцом, особливую склонность и любовь...». Вскоре после победы Юлия Цезаря при Фарсале Сенат даровал ему титулы императора и Отца Отечества. Те же титулы (кроме того, титул Великий) Пётр I получил от Сената по завершении войны со Швецией в 1721 г.

Параллели между действиями Юлия Цезаря перед решающей для него битвой на Фарсальских полях и Петра I перед генеральной баталией у Полтавы обозначены в официальном труде чётко. Конечно, русские солдаты кричали царю-батюшке: «Отец наш!», «Батюшка!» — по древнему русскому обычаю. Однако Г. фон Гюйссен, высокообразованный литератор, придал этому факту в собственном изложении литературно-схематический, символический оттенок, усиливая сходство деяний двух великих правителей мировой истории. В его изображении получалось, что сам народ подносил Петру I титул «Отца Отечества», подобный да-

рованному Юлию Цезарю. Учёный иноземец на русской службе вполне понимал смысл сделанного ему историко-литературного заказа. С помощью пера и бумаги он призван был обеспечивать пропагандистскую сторону процесса превращения Московской Руси — Третьего Рима в Римскую империю.

Античная мифология. Неоязычество как имперский стиль

При Петре I для репрезентации режима активно и широко используются образы античной мифологии. Это было блестяще показано в книге американского исследователя Ричарда Уортмана «Сценарии власти». Образы античной мифологии, надо напомнить, были образами языческими. Представление обнаженных языческих богов не могло не эпатировать православное население, испытывавшее, по всей видимости, культурный шок.

Началось это в Европе в эпоху Ренессанса. Изображения языческих богов не было безобидной стилизацией. Имела место антихристианская эзотерика. Не могла пройти бесследно и соответствующая культурная экстраполяция неоязычества в России.

Уже во время триумфа в связи со взятием Азова в 1696 году ключевыми репрезентационными образами стали Марс и Геркулес. Они должны были символизировать воинскую силу. Античные персонажи вытесняли прежние образы благочестивых христианских правителей. Понятно, что Константин Великий был плохо сочтается с Марсом.

Новый, состоявшийся в 1703 году, триумф в связи с первыми победами в Северной войне сделал античную мифологию нормой царской репрезентации. Обыгрывался на этот раз сюжет о герое Персее, спасшем Андромеду от морского чудовища. Сопроводительный текст пояснял, что Персей есть Россия, Андромеда — освобождаемая им Ингерманландия, а морское чудовище — Швеция. Вновь использовался образ Геркулеса. Младенец Геркулес, удушивший змею, должен был означать молодого Петра, подавившего стрельцкий бунт.

После Полтавской битвы сравнение государя с античными богами и героями стало принятым. Сам Петр использовал эти обра-

зы как идеологические аллегории. Языческие персонажи удивительным образом смешивались с персонажами библейскими. Пример такого рода — Самсон, раздирающий пасть льва, означал Россию, побеждающую Швецию. Львы, как известно, были и остаются по сей день шведским геральдическим знаком.

После женитьбы Петра на Екатерине в систему властной репрезентации был привнесен и женский языческий образ — Минерва. С точки зрения Р. Уортмана, уподобление Екатерины Минерве подготавливало легитимизацию ее саму и ее детей в качестве законных претендентов на престол. Осуществить эту легитимизацию через христианскую традицию было проблематично, и тут потребовались античные аллегории.

Античная мифология доминировала даже при организации в 1725 году похорон императора. Казалось бы, человек отходит в мир иной, и в этот момент стоило сосредоточиться на христианских молитвах и образах. Но нет — в последний путь императора провожали бронзовые статуи тех же Марса и Геркулеса.

Но при всем этом Петр I оставался православным государем. Император балансировал на грани перехода в ересь. Но грани этой он не перешел.

Семейная жизнь Петра I

Семейная жизнь Петра I не всегда соответствовала нормам православного благочестия. Он изменял и Евдокии Лопухиной, а уже после венчания — и Екатерине. Среди его любовниц называют Анну Монс, Варвару Арсеньеву, Марию Гамильтон, Марию Кантемир, Авдотью Чернышеву (урожденную Ржевскую), Марию Строганову (урожденную Новосильцеву), Яганну и Устинью Петровых, Елизавету Сиявскую, Марию Румянцеву (урожденную Матвееву). Циркулировали слухи о многочисленных внебрачных детях царя, среди которых, к примеру, назывался знаменитый полководец Румянцев-Задунайский. Екатерина, впрочем, также не являлась образцом супружеской верности.

В январе 1689 года по всем церквям Московского царства был совершен молебен по поводу женитьбы царя Петра Алексеевича

на Евдокии Федоровне Лопухиной, о чем сохранились многочисленные свидетельства в ряде федеральных и областных государственных архивах России. Через некоторое время Петр I решил развестись со своей женой, однако, Церковь в таком разводе отказала. Патриарх Адриан был категорически против. Для развода требовались веские основания, как, например, бесплодие супруги. Тогда государь стал настаивать на пострижении Евдокии в монахини. Такое требование он выдвинул к ней еще до Великого посольства, а после возвращения настоял на своем.

Евдокия была пострижена как вопреки своей воле, так и без согласия патриарха. Она пережила Петра и вернулась из заточения уже в правление своего внука Петра II. После смерти Петра II она даже рассматривалась претенденткой на престол, но отказалась от власти в пользу Анны Иоанновны. Сохранилось обыгрываемое впоследствии в литературе известие о проклятии Евдокии Петербургу: «Месту сему быть пусты!».

Двадцать семь лет после пострига Евдокии Петр I жил, зная, что в монастырском заточении в Суздале находится его законная жена. И при этом в 1712 году он вступает вторично в брак, венчавшись в церкви Исаакия Далатского в Петербурге с Екатериной (Мартой Скавронской). Понимая, что этот новый брак не вполне легален, он женится не как царь, а как контр-адмирал. За год до своей смерти в 1724 году он короновал Екатерину как императрицу. Причем при коронации он сам возложил ей корону на голову, что, казалось бы, являлось прерогативой священнослужителей.

Брак Петра с Екатериной казался невозможным еще и в силу того обстоятельства, что крестным отцом сожительницы царя являлся царевич Алексей. Получалось, что Петр венчался со своей внучкой. Для православной традиции это было чем-то из ряда вон выходящим.

Осуждение на смерть в 1718 году сына царя царевича Алексея — фактически сыноубийство — также вносило свою лепту в копилку обвинений Петра как разрушителя семейных ценностей. Все это так, но и прежние русские цари — Василий III или Иван Грозный — тоже шли на нарушение представлений о нормах православного брака. Часто крупные государственные деятели, герои страны, оказывались несчастливы в браке. И в этом проявлялась определенная закономерность. Не находя себе соратника в борьбе, встречаясь

с непониманием своих грандиозных планов, государственные деятели типа Петра I шли на разрушение семьи во имя миссии служения Отечеству. А вот Николай II и Михаил Сергеевич Горбачев ладили со своими супругами и были, по-видимому, счастливы в браке...

Есть некая темная сторона в отношениях Петра с Лопухиной. Она, по всей видимости, никогда не будет выяснена. Но что-то, вероятно, неизвестное нам случилось в их отношениях, заставившее царя быть радикальным и идти даже на конфликт с патриархом. Петр изменял законной жене — бесспорно, но и Евдокия не отличалась особым христианским благочестием. Уже будучи в Суздале и являясь монахиней, она находилась, как показало следствие по заговору царевича Алексея, в длительной связи с подполковником Степаном Глебовым. В середине 10-х годов XVIII века епископ Ростовский и Ярославский Досифей предрек, что Евдокия скоро снова станет «государыней».

Досифей в связи с выявленными обстоятельствами расследования будет в марте 1718 года колесован на Красной площади. Согласно распространенной легенде, Петр будто бы даже во время казни хотел получить от него какие-то сведения, но тот в ответ плюнул в царя. Вероятно, некие укладывающиеся в представлении государя о «заговоре» отношения бывшей царицы и иерарха были установлены во время службы Досифея в 1709–1710 годах в Суздале. Именно в это время Евдокия вступила в связь со Степаном Глебовым, казненным в дальнейшем почти одновременно со священником. В миру Досифей также носил фамилию Глебов, что с высокой долей вероятности позволяет считать, что родственные связи имели в этой истории не последнее значение.

Сын Петра и Евдокии царевич Алексей не был, по-видимому, исключительно жертвой петровской подозрительности, войдя в заговор против отца. Нити заговора вели к крупным политическим и религиозным фигурам, включая ближний петровский круг, а также к участию в нем внешних сил. А это означало уже не просто неподчинение отцовской воле, а антигосударственный заговор. И вместо распространенной в историографии последних лет постановки вопроса о невинной жертве было бы более правильным ставить вопрос о том, что далеко не все виновные были публично названы и не все пострадали.

Отец против сына

Знаменитая картина художника Н. Ге запечатлела один из самых драматических эпизодов петровской эпохи. Личная семейная драма отца и сына, переросшая в трагедию российского масштаба, поистине точка бифуркации российской истории. Два совершенно противоположных взгляда на прошлое и будущее российского государства и между ними пропасть непонимания. Царевич Алексей, апологет русского православного царства, сторонник продолжения политики своего деда царя Алексея Михайловича, который бережно относился к православным традициям прошлого и пытался гармонично встроить в этот русский духовный космос процесс модернизационного развития государства. И Петр I, всецело увлечённый идеями европеизации, желавший любыми средствами (главным образом насильственными) сделать из России новую Голландию.

Между отцом и сыном компромисса быть не могло, и эта трагедия пришла к своему логическому концу. Смертная казнь родного сына и бескомпромиссный путь на русскую Голгофу привели к трагическому для России 1917 году. Таков исторический смысл и путь петровских преобразований. Предчувствовал ли художник Николай Ге эту будущую российскую драму? Может быть. Тем не менее в своей картине он, будучи художником-психологом, в нарочито будничной обстановке допроса-беседы отца и сына в кабинете царя показал непреклонные позиции обоих в деле будущего России.

В качестве квинтэссенции церковной старомосковской оппозиционности версию о «деле царевича Алексея» как воплощении церковного заговора разработал Н. Г. Устрялов. Теория боярско-поповского заговора с целью возведения на престол Алексея стала хрестоматийной в советской историографии. Среди советских историков была принята точка зрения о планах церковников по возведению Алексея на престол. Церковь должна была обосновать низложение Петра и обратиться в решающий момент с призывом к народу.

Профессор Йельского университета П. Бушкович подверг концепцию Н. Г. Устрялова критике, обвиняя автора в преднамеренном искажении источников. Фальсификация Устрялова заключалась в выборочной публикации материалов следствия, составивших лишь 5% от имеющихся. По своему мировоззрению Алексей был весьма

далек от православия. Цель его бегства в Вену заключалась в попытке найти помощь не в православной пастве, а у иноземных государей. Были установлены контакты со шведами, посредством армии которых Алексей намеревался отобрать престол у отца. Имел место не заговор сплоченных лиц, а атмосфера оппозиции, в т. ч. и среди примыкавших к знати церковных иерархов. Среди последних назывались Стефан Яворский и киевский митрополит Иоасаф.

В резюме своего исследования П. Бушкович отметил: «Подводя итоги, можно сказать, что борьба между Петром и его сыном велась не на традиционно понимаемых позициях Старой Руси и Европы. И Петр, и его сын были «европейцами», но разными европейцами. Сын склонялся к благочестию барокко, тогда как отец был ближе к Уильяму Пенну и любил моряков. Причины вражды состояли в том, что многочисленная аристократическая партия предпочитала Алексея отцу и разделяла его антипатию к Санкт-Петербургу и продолжающейся войне со Швецией. Именно эта аристократическая поддержка придавала делу опасный поворот. В условиях 1718 года, а не более позднего времени, это привело к конфликту».

«Дело царевича Алексея» по сей день представляется весьма запутанным. Не ясны его мотивы. Историки не пришли даже к единому мнению об обстоятельствах смерти царевича. Одни считают, что Алексей был умерщвлен по приказу отца. Другие — что он умер под пытками, не выдержав тяжелых физических мук. Третьи придерживаются мнения, что Алексей умер от сердечного приступа, вызванного паническим страхом близкой смерти.

Но образ, созданный Н. Ге, живет уже вне зависимости от исторических изысканий. Иван Грозный убивает своего сына, Петр I убивает своего сына... Оба убийства далеко не очевидны. Но их раскрутка превращается в особый миф об автократическом синдроме российской государственной власти.

«Всеиудейский собор» — антикатолическая пародия

Бесчинства «Всеиудейского, всепьянейшего и сумасброднейшего собора», безусловно, переходили грань кощунства и яв-

лялись позорнейшей страницей петровского правления. Это были пьяные оргии, проводимые в форме ритуала как пародия на церковную обрядовость. Осуществлять бесчинства, попирающие христианские таинства, на регулярной и системной основе в течение длительного времени, естественно, верующий человек не будет. Не будет действовать так и человек индифферентный в вере. То увлечение и последовательность, с какими Петр I в течение жизни организовывал Всешутейший собор, позволяют думать, что существовал некий проект. И здесь принципиально важно ответить на вопрос, какие конкретно фигуры, иерархия и обряды дискредитировались. С моральной точки зрения — это не важно, так как любые обценные действия в отношении веры недопустимы. Но для нахождения объяснений поведения царя это необходимо.

Существует две основные версии интерпретации деяний Всешутейшего собора: первая — его антицерковная, антиклерикальная направленность, вторая направленность конкретно антикатолическая. То, что удастся проследить в описании пьяных оргий петровского окружения, позволяет все-таки считать, что они представляли собой антилатинскую манифестацию. В регламенте Всешутейшего собора действия строились вокруг двух основных фигур — князя-папы и князя-кесаря. Роль первого играл Никита Зотов, второго — Федор Ромодановский. Образ князя-папы высмеивал главу Римской церкви, князя-кесаря — императора Священной Римской империи. Две пьяные группировки пародировали противоборство гвельфов и гибеллинов в Европе, вражду сторонников папы и императора. Пародия же должна была показать, что в сути и те и другие есть пьяницы, сквернословы и развратники. Обценные пародии на католическую церковь Петр мог наблюдать в протестантских странах Европы, и не исключено, что оттуда и заимствовал саму идею. Сам государь был враждебен к католицизму, и в этом отношении версия антикатолического подтекста деяний Всешутейшего собора непротиворечива.

Бесчинства Всешутейшего собора были близки к святотатству. Объясняет, хотя и не оправдывает, действия государя, пародирование им врага, каковым воспринималось папство.

Календарь как индикатор петровской идеологии

Особо индикативно в отражении выстраиваемой Петром I идеологии является официальный государственный календарь. Государь, как известно, уделял календарным праздникам всегда крайне большое значение. В петровском календаре обнаруживаются три компонента, которые он пытался объединить в едином символическом нарративе — церковные праздники, праздники дней царя и членов царской семьи, праздники воинских побед России. Новой была третья компонента, которую бы сегодня назвали «датами воинской славы».

Церковные праздники не отменялись и какого-либо покушения на них не предпринималось. К концу петровского правления отмечались следующие дни царя и членов царской семьи: день коронации Петра I, день рождения государя, день тезоименитства царя, день тезоименитства царицы, день царского бракосочетания, дни тезоименитства старших царевен, дни тезоименитства младшей царевны и внука. В качестве патриотических праздников отмечались: взятие крепости Шлиссельбург, победа в Полтавском сражении, победа в сражении у Гангута, победа в сражении у Гренгама, день кавалеров Ордена Андрея Первозванного, день заключения Ништадтского мира. Военно-патриотическая тематика, как видим, проводилась достаточно развернуто. Выпадал, правда, из семантики календаря Новый год, но общую семантику религиозного, монархического и патриотического синтеза он не нарушал.

Петр I как православный государь

Полностью от модели теократической государственности Петр I не отошел. О том, что концепция Божественного происхождения монаршей власти сохранялась, свидетельствует, в частности, положение «Духовного регламента»: «Император Всероссийский есть монарх самодержный и неограниченный. Повелеваться его верховной власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Не отказался Петр I и от титуляции в своих указах «Божиею милостию, царь и самодержец всероссийской».

Блокирование Петром I избрания нового патриарха и переход к синодальной модели управления Церковью могли быть связаны и с великодержавными установками петровской политики. На эту сторону церковной реформы не принято обращать внимания. Между тем в традиционной церковной иерархии православных церквей Московский патриархат занимал только пятую позицию. Над патриархом Московским и всея Руси стояли патриархи — константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский. Все они находились под властью Османской империи, но были по статусу выше предстоятеля Русской Церкви.

«Папа Римский? А сколько у него дивизий?» — задаст вопрос И. В. Сталин во время Второй мировой войны в ответ на предложение заручиться поддержкой папского престола. Примерно такой же вопрос мог задать Петр I в отношении роли любого из восточных патриархов. Создание Синода позволяло ему вывести Россию из униженной для нее иерархии, выстроить модель, отличающуюся от любой из восточных церквей. Там, на подвластных Турцией землях — патриархи, и только в России — император. Показательно, что Синод учреждается Петром I в тот же самый год, когда им принимается императорский титул. На эту связь также не принято было обращать внимание, но ее не могло не быть, учитывая то сакральное значение, которое еще придавали высшим государственным титулам.

«Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен. Кто забывает Бога и заповедей Его не хранит, тот при всей своей работе не будет иметь успеха и мало пользы получит», — это слова Петра I. Так мог сказать только человек верующий, причем придерживающийся традиционных религиозных взглядов.

Государь использовал в качестве девиза слова «За Бога и Отечество!». Он имел, по свидетельству очевидцев, обыкновение выпивать за «здоровье тех, кто любит Бога и Отечество». Считать, что эта формула, произносимая на застольях, не более чем дань традиции, нельзя, поскольку понятие «Отечество» получает распространение в России именно при Петре I. Государь соединял веру и служение Отечеству, что можно считать важным шагом в развитии идеи патриотизма в России. В день торжеств

в связи с заключением Ништадтского мира со Швецией Петр говорил собравшимся: «Благополучие Отечества есть благополучие мое, а затем, что Бог пошлет. На него уповаю я». Уповать на Бога не мог ни деист, ни пантеист, ни тем более атеист. Сами слова «На Бога уповаю» представляют собой фрагмент написанного царем Давидом псалма во время его бегства от Саула к филистимлянам. «На Бога уповаю, не боюсь; что сделает мне человек?» — так записаны эти слова в Псалтире. К ним и обращается Петр, указывая, что при Божьем заступничестве ему ничего не страшно.

Ряд деяний Петра I указывает на поддержку им Русской Православной Церкви. Вопреки распространенному взгляду на него как гонителя клерикализма — версия, которая поддерживалась в том числе советским фильмом 1937–1938 годов режиссера В. М. Петрова, царь немало сделал для развития Русского православия.

Петру I приписывают нелюбовь к монастырям и монахам. Говорят даже о его желании упразднить монастыри в соответствии с протестантской моделью церковного строительства. Вероятно, протестантское влияние в его отношении к монашеству действительно существовало. Но непосредственные высказывания Петра I говорят скорее о желании искоренить пороки из монастырей, нежели их ликвидировать: «Монастырския с деревень доходы употреблять надлежит на богоугодныя дела и в пользу государства, а не для тунеядцев. Старцу потребно пропитание и одежда, а архиерею довольное содержание, чтоб сану его было прилично. Наши монахи зажирели. Врата к небеси — вера, пост и молитва. Я очищу к раю путь им хлебом и водою, а не стерледами и вином».

В период петровского правления был учрежден ряд православных монастырей: Александро-Невская лавра, Кизичевский Введенский монастырь, Свято-Успенская Саровская пустынь, Никольский монастырь (Переславль-Залесский), Покрово-Болдинский монастырь (Астрахань), Борисовский Тихвинский монастырь (Белгородчина), Белобережская пустынь (Брянщина), Благовещенский монастырь (Сураж), Печеницкий Успенский монастырь, Полбинская Предтечева пустынь, Спасово-Поликарпов монастырь, Успенский монастырь (Рябцево), Введенский

Островной монастырь, Свято-Вознесенский Кременский монастырь, Заозерская Введенская пустынь, Кубенская Преображенская пустынь, Спасогорский Троицкий монастырь, Троицкий Битюцкий монастырь, Знаменский монастырь (Иркутск), Лальский Михаило-Архангельский монастырь, Раифская Богоявленская пустынь, Спасо-Орловский монастырь, Успенская Княжая пустынь, Раненбургская Петропавловская пустынь, Распятский монастырь, Свято-Успенская Саровская пустынь, Высокогорский Вознесенский монастырь (Арзамас), Монастырь Живоносного Источника (Нижний Новгород), Свято-Троицкий Белбажский монастырь, Успенский Кержебельмашский монастырь, Мценский Петропавловский монастырь, Вьясский Владимирско-Богородицкий монастырь, Спасо-Преображенский монастырь (Пенза), Троицкий монастырь (Пенза), Кашпирский монастырь, Богородицкий монастырь (Сызрань), Вознесенский монастырь (Тамбов), Житенный монастырь, Николаевская Пустоподлеская пустынь, Новосоловецкая пустынь, Богородице-Казанский Жадовский монастырь, Покровский монастырь (Симбирск), Выговская пустынь (Данилово), Успенская Рябкинская пустынь, Успенский монастырь (Спасск), Сретенский монастырь (Чебоксары), Свято-Преображенский монастырь (Чебоксары), Ильинская пустынь. И этот список далеко не полный! Явно гонителем монастырей Петр I не являлся.

При Петре I главным русским святым становится Александр Невский. Его мощи торжественно перевозятся в Петербург. Строится Александро-Невская лавра. В ней в 1720 году начинается обучение детей священнослужителей.

Не оскудела в правление Петра I русская земля святыми. Современниками царя являлись канонизированные в дальнейшем Русской Православной Церковью святые: Корнилий Переяславский, Феодосий Черниговский, Далмат Исетский, Питирим Тамбовский, Митрофан Воронежский, Димитрий Ростовский, Иов Анзерский, Иннокентий Иркутский. Никто из них не подвергался гонениям со стороны властей, не протестовал против петровской политики. Напротив, некоторые из них имели общение с царем, как, например, Митрофан Воронежский или Димитрий Ростовский.

Государь проявлял заботу о соблюдении благочестия в духовенстве, стремился поддержать порядок организации службы. Отражением таких стремлений являлся, например, указ 1723 года, предписывавший соблюдение тишины («безмолвия») со стороны присутствовавших в храмах во время богослужения. Нарушители должны были платить штрафы.

При Петре I, согласно Духовному регламенту 1721 года, во всех епархиях открываются архиерейские школы — будущие семинарии. Программа обучения была рассчитана на 8 лет и включала следующие дисциплины: грамматика, арифметика и геометрия, логика и диалектика, пиитика и риторика, физика и краткая метафизика, политика, богословие. Обучение латинскому языку имело рекомендательный характер. Создание архиерейских училищ должно было повысить образованность русского православного духовенства, что позволило бы в перспективе не опираться более исключительно на малоросские кадры.

Петр I использовал Церковь в том, что сегодня было бы названо военно-патриотическим воспитанием. Именно при нем с 1716 года в армии вводится институт священников.

Воинский регламент — детально проработанный документ военной службы, но и в нем содержится положение о религиозной жизни армии. Предписывается следить, чтобы солдаты трижды в день читали молитвы. По-видимому, Петр это считал важным.

Изгнание иезуитов — историческая заслуга Петра I

Одной из исторических заслуг Петра I являлось изгнание из России Ордена иезуитов. Иезуиты проникают в Москву в конце XVI века в целях пропаганды идей унии. Важная роль принадлежала Ордену в заключении в 1596 году Брестской унии, которая должна стать основой последующего продвижения на восток. Активная роль принадлежала иезуитам в возведении на русский царский престол Алексея Михайловича. В 1604 году представителями Ордена было принято отречение того от православия и инициировано послание к римскому папе Клименту VIII, в котором давались заверения о переходе России в католичество. Но освободительная борь-

ба русского народа перечеркнула эти планы. Вместе с польско-литовскими интервентами иезуиты были тогда изгнаны из России.

Повторная попытка их проникновения в Московское царство предпринимается через семьдесят лет. Летом 1684 года в Москву ко двору регентши Софьи было направлено посольство императора Священной Римской империи для увещевания вступления России в «Священную лигу» для борьбы с Турцией. В состав посольской группы входил представитель Ордена К. М. Вота, перед которым ставилась задача организации в Москве иезуитской миссии. Правительство Софьи благосклонно отнеслось к этим намерениям. Покровительство миссии оказывалось фаворитом царевны князем В. В. Голицыным. Иезуитская миссия просуществовала с 1684 по 1689 год.

Сразу же после вступления в 1689 году Петра I на престол, вероятно, под влиянием патриарха Иоакима иезуиты были повторно изгнаны из России. Изгнание иезуитов молодым царем было резким демонстративным шагом, ясно обозначающим отрицание им возможностей униатской перспективы.

Однако в дальнейшем происходят некоторые послабления, и с конца XVII века иезуитам вновь разрешается селиться в столице. Более того, ими создается в Москве школа. Ее посетителями оказываются дети видных дворянских фамилий — Апраксины, Голицыны, Головкины, Долгорукие, Куракины, Нарышкины, Мусины-Пушкины. Элиту привлекала возможность получения детьми качественного образования. Возникла, таким образом, реальная перспектива латинизации будущих поколений властной российской элиты. Однако в 1719 году иезуитам было вновь предписано покинуть Россию. Основанием для их изгнания послужило дело царевича Алексея. Обнаружилась связь опального царевича с австрийской миссией иезуитов. Точные подробности иезуитской интриги неизвестны, но можно предположить, что Орден затеял игру в пользу царевича против Петра I. Если связь царевича с Орденом была реальностью, то, имея понимание о целевых ориентирах деятельности иезуитов в России, можно говорить о факте измены Алексея Петровича не только делу отца, но и православию. Имеющая место в последние десятилетия тенденция реабилитации царевича Алексея как невинной жертвы должна быть, веро-

ятно, в связи с обнаружением факта сношения его с австрийской миссией иезуитов пересмотрена. Без веских оснований Петр I вряд ли мог изгнать Орден без дипломатического скандала.

Орден иезуитов вновь проникает в Россию уже во времена правления Екатерины II в связи с присоединением земель, входящих в состав Речи Посполитой. Иезуиты на рубеже XVIII и XIX веков достигли существенного влияния на властные круги Российской империи. Со временем понимание враждебности деятельности Ордена восстанавливается. После перехода в католичество ряда видных представителей российской элиты в 1815 и 1820 годах при Александре I иезуиты в очередной раз были изгнаны из России.

* * *

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Петр I представлял только одно из направлений русского западничества. В повестке идеологического выбора элиты ему противостояли также западники, и вопрос противоборства с ними состоял в выборе модели западничества. Если Петр I ориентировался преимущественно в реализуемом им курсе европеизации на протестантскую Европу, то его противники — явные и латентные — на Европу католическую. Есть основания считать императора принципиальным противником католицизма, и эта его антилатинская позиция сыграла позитивную роль в блокировании попыток распространения унии в России.

Менее однозначным является вопрос об отношении Петра I к православию. Рассмотренные аргументы в пользу православности и неправославности царя не позволяют сделать однозначный вывод. Вместе с тем можно констатировать, что разрыва с православными основаниями в идеологии России при Петре I не произошло.

Многие заблуждения в отношении воззрений императора являются пропагандистским мифом. Такого рода мифы продуцировались за рубежом — противниками России, в элите — противниками Петра I в борьбе за власть, в народе — противниками Русской Православной Церкви преимущественно из старообрядческой среды.

ГЛАВА 4.

ИДЕОЛОГИЯ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ

Модель государственности является проекцией принимаемой государством идеологии. Создается некий ценностно-смысловой образ государства, и в соответствии с поставленной целью его достижения выстраивается государственная политика, проводятся реформы.

Успешной является деятельность главы государства и политической команды, приближающей к достижению поставленной цели. Однако часто бывает и так, что цели оказываются недостижимы, обнаруживается либо нефункциональность самой идеологии, либо нефункциональность кадров, либо нефункциональность средств. Реализация одних идеологий ведет к повышению жизнеспособности страны, других — к минимизации ее жизненных потенциалов. Идеология может опираться на национальную идею, продуцируемую всем прежним историческим опытом и условиями месторазвития соответствующего общества, а может находиться в противоречии с ней.

В этом отношении принципиально важно выяснить, как соотносились воззрения Петра I с петровской моделью функционирования страны. Необходимо ответить на самый главный вопрос — укрепляла петровская политика жизненные потенциалы России в перспективах будущего или подрывала их? И из ответа на этот вопрос будет следовать вывод — героем или антигероем российской истории надлежит считать Петра I.

«Великодержавие» и «политический реализм»

Что собой представляла идеология Петра I? О системной петровской идеологии говорить вряд ли возможно. Существовал ряд компонентов, входивших в петровский дискурс. Но тем не менее основу дискурсивной повестки Петра I выделить все же возможно. Суть ее можно определить понятием «великодержавие». Петр I стремился к тому, чтобы возглавляемое им государство было государством великим. А для достижения этого величия требуется победить в конкурентной борьбе государства-соперники. Межгосударственное соперничество ведется в разных сферах: экономике, торговле, науке, образовании. Но более всего — в военном деле. Победа в войне над неприятелем — главное измерение величия. И на укрепление армии и военного флота должно работать все. На эту целевую установку должны быть ориентированы в конечном счете все реформы. Само заимствованное в XVIII веке из французского языка слово «реформа» относилось первоначально исключительно к военной сфере. Все это не означало стремление к войне или завоеваниям. Петр не раз говорил, что мир лучше войны. Но он понимал в то же время, что слабое в военном отношении государство непременно станет жертвой внешней агрессии.

Сегодня бы Петра I могли назвать сторонником теории политического реализма. К основоположникам политического реализма в международных отношениях принято относить Томаса Гоббса, и близкие идеи широко циркулировали в дискурсивном пространстве петровской эпохи. Сторонником политического реализма в настоящее время эксперты называют Президента Российской Федерации В. В. Путина. Петр I и Путин оказываются в этом отношении в единой идеологической парадигме.

Суть теории политического реализма состоит в объективной предопределенности конкуренции государств и наций. Каждое государство озабочено самосохранением, а потому стремится максимизировать свою мощь. У каждого государства есть свои интересы, которые могут вступать в противоречия с интересами других государств. Базовой ценностью для политических реалистов выступает государственный суверенитет. Умаление сувере-

нитета государства, с точки зрения политических реалистов, недопустимо.

Политический реализм Петра I сочетался с западничеством. Но западничество царя не являлось приверженностью западных ценностей как таковых, что, к примеру, будет характерно для русских либералов. Для Петра западничество есть не ценность, а инструмент, метод. С помощью этого метода, как полагал он, можно достигнуть государственной мощи. К такому же типу западников относится и президент России В. В. Путин. Установка следующая: применить западные технологии для сохранения российского суверенитета, российских ценностей. Главный вопрос состоит в том, насколько это возможно. Насколько возможно с помощью инокультурных методов сохранить культурную идентичность?

Казалось бы, опыт Петра I говорил: да, возможно. Опираясь на западные науки и технологии, Россия осуществляет исторический прорыв, теснит сам Запад. Петру I приписывают слова, записанные А. И. Остерманом: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Не важно, говорил ли это царь, но мог, очевидно, так думать. Но прошло несколько десятков лет, а разворота к Европе задом не происходило. Европеизация создавала определенную колею, выйти из которой было бы проблематично.

Со временем стали проявляться негативные последствия европеизации. Одни из них — уже в правление Петра I, другие — в последующих царствованиях, третьи — к концу имперского периода истории.

Во-первых, были девальвированы на уровне образованного класса традиционные российские ценности.

Во-вторых, оказалась подорвана россиецентричная идеология, каковой являлась идеология Третьего Рима, и Россия получила статус европеизируемой варварской периферии.

В-третьих, в процессе секуляризации были подорваны позиции Русской Православной Церкви, выполнявшей огромную роль в нравственном развитии страны и являвшейся «молебной силой России».

В-четвертых, произошла утрата цивилизационной идентичности российской элитой.

В-пятых, произошел ценностно-смысловой раскол между элитой и народом.

В-шестых, был установлен взгляд культурной вторичности России, интеллектуального превосходства Запада и низкопоклонства перед иностранцами.

В-седьмых, войдя в западнцентричный мир, Россия оказывалась в зависимости от него экономически и технологически.

Опыт петровского правления должен был в этом отношении стать назиданием для всех будущих правителей России. Это назидание может быть сведено к нескольким положениям.

Во-первых, инструменты и технологии связаны с ценностями и смыслами, и использование инструментов и технологий противника может привести к ценностно-смысловой подмене.

Во-вторых, нельзя обеспечить суверенитет, не имея суверенной системы ценности.

В-третьих, нельзя идти вперед, не имея перед собой ценностной цели и, не обладая, соответственно, артикулированной национальной идеей.

В-четвертых, нельзя победить врага, опираясь на ценности и смысл врага, признавая идейный приоритет противника.

В-пятых, нельзя победить врага, являясь частью системы врага, завися от него и действуя по правилам.

В-шестых, нельзя бороться с противником, опираясь на подготовленные противником кадры.

В-седьмых, нельзя опередить ушедшего вперед, двигаясь в том же направлении, что и лидер, применяя те же алгоритмы движения, подражая лидеру.

Создатель мобилизационной модели

Петр I явился создателем российской мобилизационной модели. Инструмент ее в виде репрессивного аппарата опричнины пытался привнести еще Иван Грозный. Но собственно модель мобилизационного государства создается только при Петре Великом. В последующие правления от нее шаг за шагом отступают. Важнейшими вехами ее свертывания явились освобождение дво-

рян от воинской службы и либеральные реформы Александра II. Новую мобилизационную систему после Петра I построили уже большевики. В этом смысле тезис о связи образов Петра I и Сталина не лишен определенных оснований.

Мобилизационная модель, и только она, позволяла форсированно ликвидировать отставание от конкурентов. Понятно, что мобилизация требует больших волевых усилий, напряжения всех сил, выхода из состояния комфорта и мало привлекательна для обывателя. Противники мобилизации были и во времена Петра I, будучи представлены как на уровне элиты, так и народа. Говорилось, что народ устал, казна не выдерживает. Многие связывали эти лишения с персональными качествами Петра и ждали смены властителя. Метафора А. С. Пушкина об «узде железной» как раз и являлась выражением политическим языком мобилизационной модели.

Для решения задач модернизации требовалась соответствующая мобилизация финансовых ресурсов. Модернизация системы налогов была одним из главных вызовов петровского правления. На достигнутые в этом направлении успехи указывают данные по росту объемов государственных доходов. За петровское правление они возросли в 5,8 раза.

Фантастические показатели сглаживаются, правда, фактом снижения веса монеты. При Петре I серебряное содержание рубля сократилось с 42,43 до 20,59 г, или в 2,1 раза. Но и при этой поправке высокая динамика роста государственных доходов очевидна. К тому же наиболее заметное снижение веса монеты фиксируется в конце XVII века в начальной стадии петровского царствования. А наиболее стремительный рост доходности бюджета приходится уже на более позднее время, главным образом, конец правления Петра I.

Увеличение финансовых ресурсов было необходимо для создания мощной армии. И здесь успех Петра I тоже очевиден. Многие авторы выражают сомнения, насколько новые петровские полки были боеспособнее стрелецких. Обратимся к чисто количественному показателю — контингенту вооруженных сил. С начала Северной войны и до конца петровского правления он увеличился в 5,3 раза. Это фактически пропорциональный динамике бюджетных доходов рост. Вот на что шли основные ресурсы!

Обрушившееся на плечи народа новое тягловое бремя было ориентировано прежде всего на обеспечение военного потенциала России как необходимое условие сохранения ею национальной суверенности.

При преемниках Петра вновь актуализируется проект «шляхетской монархии». Он едва не привел к успеху в 1730 году при принуждении Анны Иоанновны к подписанию Кондиций. Идеи шляхетского аристократического правления также вступали в очевидное противоречие с петровским самодержавным монархизмом.

Табель о рангах и рекрутская система. Все ли в реформаторских идеях Петра I было заимствовано с Запада?

Петр I в своем реформировании, безусловно, многое заимствовал из западного опыта. Однако в его реформаторской деятельности были и собственные идеи. Более того, важнейшие из петровских реформ, создавшие специфическую модель Российской империи, были изобретениями самого Петра I. Здесь прежде всего следует назвать введение системы рекрутства и введение Табеля о рангах. Ни того ни другого в европейских странах не существовало. Петр I не мог это где-либо подсмотреть, скопировать.

Рекрутская система, несмотря на всю ее кажущуюся несправедливость, позволяла создавать солдата-профессионала. Очевидно что за двадцать лет службы солдат в военном деле доходил до вершин совершенства. И за время существования рекрутской системы русские солдаты, чудо-богатыри, не знали себе равных в мире. После отмены рекрутчины в ходе либеральных реформ Александра II русская армия утратит прежнюю боеспособность, о чем будут свидетельствовать Русско-японская и Первая мировая войны.

Табель о рангах создавал единую систему государственного управления России. Она функционировала по аналогии с военной иерархией и приравнивалась к ней. При этой системе минимизировалась возможность назначения на высшие управленческие посты случайных людей, так как требовалось пройти необходимые ступени службы. Ранговая модель была ориентирована на функ-

ционирование в чрезвычайных условиях военного времени. Этическим основанием введения Табеля являлась идея служения Отечеству — государственного штатского и военного.

1 февраля 1721 г. царь подписал «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины», а 24 января 1722 г. закон о Табели был принят Сенатом. Принцип родовитости при назначении на государственную службу был окончательно заменён принципом выслуги. За отказ от службы дворян лишали имений. С 8-го ранга по гражданской службе и с 14-го по военной давалось потомственное дворянство. Помимо старшинства рангов было старшинство среди обладателей одного ранга по времени пожалования в него. Кроме того, при равенстве классов военные считались старше гражданских и придворных и только позднее утратили право на старшинство в 1-м и 2-м классах.

Ключевой фон всех этих петровских реформ диктовался условиями военного времени: жизненной необходимостью создания мощной регулярной армии и обеспечения её всем необходимым снаряжением, превращая для этого российское государство в единый военный лагерь. В этой связи старая поместная система набора в армию была заменена новой формой комплектования войск — рекрутскими наборами (рекрутская система начала формироваться ещё до Северной войны, с 1699 г., однако именно война сделала их регулярными). С 1705 по 1725 год (год смерти Петра I) было проведено 53 рекрутских набора (одного человека с 20 тяглых посадских и крестьянских дворов), что составило 126 полков общей численностью 284 тыс. солдат всех родов войск: пехоты, кавалерии, артиллерии, казачьих и разных других вспомогательных контингентов. Служба в петровской армии была пожизненной и для солдат, и для офицеров.

Создание некоторых органов управления во время Северной войны наложило определенный отпечаток на их сущностные характеристики. Так, Сенат создавался первоначально Петром I как институт, его замещающий на время отлучек. А такие отлучки происходили при нем с регулярной частотой. Функция замещения власти царя принципиально отличала петровский Сенат от аналогичных органов.

Протекционистская политика

По оценке Иммануила Валлерстайна, после Тридцатилетней войны и до времен Наполеона меркантилизм являлся доктриной экономической политики всех ведущих государств Европы. Базовые положения этого учения принял и Петр I.

Понятие «меркантилизм» ввел в научное пространство французский экономист и драматург Антуан де Монкретьен, которому экономическая наука обязана также понятием «политическая экономия». Последовательно и успешно меркантилистская политика проводилась Англией. Правительства Европы брали за образец экономическую и финансовую политику с опорой на теорию меркантилизма, проводимую первым министром Франции Жан-Батистом Кольбером.

Суть меркантилизма сводилась к трем основным правилам для управленца.

Во-первых, каждой стране следовало производить все для себя необходимое, дабы не попасть в зависимость от других стран.

Во-вторых, надлежало больше вывозить из своей страны за рубеж, чем ввозить, экспорт должен был преобладать над импортом.

В-третьих, считалось необходимым сосредоточивать максимум финансовых ресурсов внутри государства, наращивать денежную массу и препятствовать оттоку денег из страны.

И Петр в соответствии с меркантилистской логикой изыскивал способы концентрации денег, добивался за счет строительства флота преобладания экспорта над импортом. Концентрации денег в руках государства требовала не только теория меркантилизма, но и практические реалии военного времени.

Меркантилизм и протекционизм в XVIII веке были фактически словами синонимами. Для того чтобы деньги оставались внутри государства, нужна была протекционистская политика, а для того чтобы развивалось отечественное производство, нужна была политика меркантилистская. Вершиной петровской протекционистской политики принято считать принятие в 1724 году нового таможенного тарифа. На ввозимые из-за границы товары, которые изготавливались в достаточных объемах в России, устанавливалась пошлина в размере 75%. К такого рода товарам относились, на-

пример, парча, крахмал, купорос, поташ, салфетки, скатерти и т. п. Беспшлинный ввоз, напротив, устанавливался для товаров, ввоз которых считался выгодным или определяемым невозможностью наличия российских аналогов. К ним, в частности, относились изделия из драгоценных металлов, многие строительные материалы, животные (за исключением лошадей), огородные семена, цитрусовые и др. От ввозной пошлины по причине отсутствия соответствующих изготовителей в России были освобождены такие виды товаров, как шелковые изделия, обои, очки, математические и хирургические инструменты и т. п.

Когда критики Петра I говорят, что его политика привела к разграблению России капиталистическими странами Запада — такая точка зрения получила в последние годы достаточно широкую популярность, не учитывается суть петровской протекционистской политики. Эта политика была ориентирована на то, чтобы русские купцы выступали активной стороной торгового обмена, чтобы они везли российский товар за рубеж, а не наоборот.

В итоге принятых мер экономика России в первой четверти XVIII века характеризуется резким ростом числа мануфактур — было построено более 200 новых металлургических, текстильных и прочих предприятий. Доменные и металлообрабатывающие заводы строились на Урале, в Карелии и близ Тулы (любопытен факт, что до Северной войны именно шведы поставляли в Россию лучшее в мире железо), текстильные мануфактуры — в Москве, медеплавильные — на Урале, кораблестроительные верфи — в Петербурге. В Сибири, близ Нерчинска, был построен сереброплавильный завод. Росту торговли и складыванию общероссийского рынка способствовало и строительство каналов.

Европеизация как инструмент борьбы с клановостью

Зачастую возникает недопонимание смысла проводимых Петром I институциональных изменений, когда упразднялся один управленческий орган и возникал другой с фактически теми же или близкими функциями. Казалось, проще было скорректировать

функции, чем заново создавать институты. Вместо Упраздненной Боярской Думы создавался Сенат, вместо приказов — коллегии, вместо воевод вводилась должность губернаторов. Могло сложиться, да и в действительности складывается у ряда исследователей, впечатление, что все сводилось к замене русского наименования европейским.

Лингвистический аспект здесь, безусловно, играл определенную роль. Не было ни одного нового института, или должности, названного Петром по-русски. Но существовал, вероятно, и кадровый аспект проводимых трансформаций.

Реформы не всегда определяются теорией или идеологией, но часто связаны с задачей отстранения определенных лиц от власти или введения лиц на должный властный уровень. Для Петра I проще было в определенных случаях ликвидировать учреждение, чем искать улики (хотя они тоже искались) для отстранения неудобных персоналий. Давала себя знать и инерция клановости, которую приходилось ломать за счет привлечения людей низкого статуса или иностранцев. Не следует забывать, что местничество было ликвидировано только в 1682 году и неформально местнические установки продолжали действовать. Правда со временем пришлось констатировать, что старые клановые связи были заменены новыми. Иностранцы, привлекаемые для разрушения кумовства старомосковской элиты, стали сами создавать кланы, привлекать земляков. Такие землячества в системе управления могли быть еще и связаны с государствами, гражданами которых были соответствующие управленцы.

Петр I постепенно начинал понимать, какие угрозы содержит ставка на иностранцев. Привлекая иностранцев на российскую службу, он ломал клановые связи, и это имело определенный смысл. Но, с другой стороны, возникала более серьезная угроза — создание, как бы сегодня выразились, «пятой колонны». Широкое увольнение иностранных генералов и офицеров с русской службы царь проводит после провалившегося Прутского похода. В отставку отправлены генералы В. Берхгольц, К. Г. Остен, Н. фон Энциберг и Я. фон Эберштейн, 4 бригадира, 14 полковников, 22 подполковника, большое количество других офицеров. Многие, видя новую тенденцию в кадровой политике, увольнялись сами.

Петр I и крепостное право

Либеральные историки ставят, как правило, в особую вину Петру I дальнейшее развитие системы крепостного права. Высказывается точка зрения, что, делая ставку на крепостничество, он повел Россию в прямо противоположном направлении в отношении того пути, по которому шла Европа, задавил потенциальные очаги развития капитализма. Особенно достается от либералов Петру создание посессионных крестьян, прикрепляемых к фабрике, что создавало отсутствующее на Западе явление крепостной промышленности.

Действительно, реформы Петра I продемонстрировали, что возможны и иные некапиталистические пути развития, а капитализм не является историческим инвариантом. Феномен посессионных крестьян в России определялся возникшими перед страной вызовами. Развивать промышленность требовалось форсированными темпами. В противном случае, как скажет позже другой исторический персонаж, нас бы смяли. Крепостная промышленность представляла собой одну из важных составляющих мобилизационной модели XVIII века.

Переход при Петре I к подушной подати нивелировал различия между различными категориями крестьян. Холопы приравнивались к крепостным. Сделано это было ввиду потребностей в финансах и определялось колоссальными военными расходами. Ликвидировались категории «вольных» и «гулящих» людей, являвшихся источником социального брожения и криминала. Само их существование противоречило петровской идее регулярного государства. Было ли это усилением системы крепостного права? Да, безусловно, так доля крепостного населения возрастала. Но было ли это усилением отношений феодальных? Нет, строго наоборот. Обычно крепостное право и феодализм даются в связке друг с другом. Но это не тождественные понятия. Холопы записывались за хозяином, а потому не несли налогового и иного бремени перед государством. Материально было выгодно перейти в статус холопа и не платить. Но в правовом статусе холоп был ниже крепостного. Отношения хозяин — холоп являлись отношениями феодальными. С введения подушной подати различия меж-

ду холопом и крепостным стирались. Материально бывшие холопы проигрывали, но в правовом статусе приобретали личностную субъектность.

Результатом объединения различных групп лично свободных крестьян стало появление новой категории — крестьян государственных. Их доля в Российской империи в социальной структуре общества устойчиво возрастала. Если при Петре I государственные крестьяне составляли 19% российского населения, то в канун отмены крепостного права уже 45%.

В период петровского правления принципиально усиливается роль крестьянской общины. Такое усиление вступает в явное противоречие с установившимся образом Петра I — западника. Как правило, западники рассматривались в качестве врагов общинного мира. Отношение к общине служило своеобразным индикатором позиции в полемике между западниками и сторонниками самобытной модели развития. Для Петра I, конечно, община была прежде всего институтом контроля, объединения спаянного «круговой порукой». Но факт состоит в том, что упразднить общину он не собирался, видя в ней важный институт низовой организации.

Обвинители Петра I идут дальше. Он уже обвиняется даже в том, что усилил крепостное право, в переводе крепостных в фактическое рабское состояние. Звучит довольно пафосно: Петр I превратил русский народ в рабов. В качестве основного аргумента обвинения ссылаются, как правило, на переход от подворной к подушной подати. Есть ли под этим обвинением реальные основания?

До Петра в России XVII столетия были и крепостные крестьяне, были и рабы, называвшиеся холопами. Различия между крепостными и рабами состоит в том, что первые являлись лично свободными людьми, но были прикреплены к земле и к тягловому состоянию, тогда как вторые принадлежали хозяину, являлись его собственностью. Холопы на Руси принадлежали лично владельцу и в этом были близки рабам. Хотя их нельзя было убить и вещью, подобно римским рабам, они не являлись. Крепостные крестьяне, как лично свободные, несли государево тягло. Холопы тягло не несли. Несмотря на то что холопское состояние считалось более низким, чем состояние крепостных, многие крепостные

предпочитали становиться холопами, то есть рабами, или полурабами, чтобы не платить подать. Отток из крепостных в холопы в XVII веке приобрел для страны угрожающий характер и грозил обрушить казну. Переход к подушной оплате вместо подворной разрешал эту проблему. В результате реформы не крепостные превращались в холопов, а на холопов распространялись повинности крепостных. Превращения в рабов, таким образом, не было. Процесс шел как раз в противоположном направлении: превращение холопа в крепостного.

Продажа крестьян без земли — это действительно серьезная претензия, указывающая на нарушение базового принципа крепостного права — прикрепление к земле. Но можно ли в этом обвинять Петра I? Известно, что государь был недоволен практикой таких продаж. Но ввел ее не он. Первым добился разрешения на осуществление такой продажи от Алексея Михайловича еще в 1675 году Артамон Матвеев. Западнические убеждения боярина не являлись препятствием для торговли людьми. Санкционирована же институционально возможность продавать крестьян без земли была в период регентства Софьи — в 1682 и 1688 годах. Связанная с ней группировка ориентировалась в значительной мере на порядки шляхетской Польши, где крепостные в отличие от России были действительно на положении рабов. Польские паны могли даже ни то что продать, а убить холопов.

Служение Отечеству

Этическим императивом Петра I являлась идея служения Отечеству. На службе Отечеству, вопреки прежним взглядам, находилась и государь. Служить Отечеству должны все сословия. Заставить служить — этой установкой объясняется содержание отдельных петровских преобразований. Дворяне должны нести военную службу, священнослужители — церковную, купцы — коммерческую.

Указом «О единонаследии» дворянство обязывалось фактически к несению государевой службы — военной или гражданской. Вводился впервые принцип майората, устанавливающий передачу земельной собственности только одному наследнику, как правило,

в лице старшего сына. Все же дворяне, не обладавшие земельной собственностью, были обязаны служить.

При Петре I рядовые дворяне были переведены на денежное жалование, а земельные раздачи стали осуществляться только за особые заслуги. Так, в 1682–1710 гг. из дворцового фонда роздано 273 волости с 43 тыс. крестьянских дворов. Указ 1714 года о единонаследии окончательно оформил слияние поместной и вотчинной форм собственности. Поместные и вотчинные земли были объявлены недвижимой собственностью. Указ запрещал продавать и закладывать поместья и вотчины, а также делить их между наследниками.

Взгляды Петра I и Екатерины II, освободившей дворян от обязательной службы, принципиально расходились между собой. Разрешив дворянам не нести службу, Екатерина разрушила петровскую философию служения.

Миф о петровском тоталитаризме

Теория тоталитаризма относится к вредной политической теории, имеющей определенно антироссийскую пропагандистскую направленность. На ее основании германский нацизм и советский коммунизм были приравнены друг к другу. Такое приравнивание сегодня карается законом. Но идейная основа такого уподобления — теория тоталитаризма, к сожалению, остается политологической классикой. Современные либеральные приверженцы теории тоталитаризма идут даже дальше, говоря уже не только о советской тоталитарности, а о глубоких корнях в истории России. Популярность приобрел, в частности, концепт, согласно которому подлинным создателем тоталитарного государства в России являлся Петр I. Утверждается, будто бы он искоренил любые ниши проявления демократии и свобод в российском обществе. Такое утверждение является очевидным мифом, явно рассогласующимся с реалиями петровской внутренней политики.

Так, петровская реформа местного управления имела как раз очевидную демократическую направленность. В 1699 году указом Петра I в российских городах создавались выборные органы

власти, называемые земскими избами или позднее — ратушами. Причем земские избы подчинялись не администрации воеводств и приказов, как было прежде, а Бурмистерской палате. В дальнейшем, правда, в ходе областной реформы земские избы были ликвидированы, но в 1720 году воссозданы вновь в виде магистратов с подчинением Главному магистрату.

Судебная реформа Петра I представляла собой исторически первую попытку в России отделения суда от государственной администрации. Впервые создавались апелляционные суды. Указом 1723 года «О форме суда» восстанавливался отмененный ранее состязательный принцип организации судебного процесса.

Удивительно, что эти реформы Петра I, считающиеся классическими составляющими его преобразовательной деятельности, игнорируются при выстраивании концепта петровского тоталитаризма.

Принимались установления, направленные против практик, унижающих человеческое достоинство. В начале 1702 года Петром I был подписан указ, запрещающий подписываться в документах уменьшительными именами (Сашка, Петька, Алешка), бросаться на колени перед царем, снимать зимой шапку перед царским дворцом. В 1724 году указом императора запрещались браки по принуждению, имевшие, надо признать, достаточно широкое распространение в традиционном обществе. Отменялась специальным указом практика битья батогами («правежа») должников. Отражением гуманистических тенденций стал указ о строительстве госпиталей для брошенных младенцев. Под страхом смертной казни устанавливался запрет умерщвления родителями детей, рождавшихся с физическими недостатками.

У петровского дипломата Петра Шафирова пораженные демократизмом русского монарха, общавшегося с простолюдинами, спросили: «Говорят, царь прост?» «Государь прост в обращении», — поправил их вице-канцлер. Простота в обращении — это был, безусловно, новый политический стиль.

Царь, впрочем, сам не раз унижал окружающих его людей. Но он же общался с простолюдинами, что было невозможно прежде. В системном же плане тренд на охрану человеческого достоинства был задан.

Выдвигаемые в рамках концепта петровского тоталитаризма обвинения, что Петр I пошел на усиление крепостничества в России, вместо того чтобы по опыту стран Запада отменить крепостное право, совершенно игнорируют исторический контекст. В действительности же на время петровского правления крепостное право существовало в подавляющем большинстве стран Европы. Его массовая отмена произойдет столетием позже на волне Великой Французской революции. Да что там крепостное право — почти везде существуют рабовладение и работорговля.

Система государственного контроля и силы хаоса

Петр I действительно стремился выстроить систему максимально широкого контроля. Принимались соответствующие указы, создавались явные и тайные институты слежки, поощрялось доноительство. Указом 1715 года каждому российскому подданному предписывалось доносить царю: 1. «О каком злом умысле против персоны его царского величества или измены»; 2. «О возмущении или бунте»; 3. «О похищении казны». Священнику предписывалось сообщать информацию, полученную в ходе исповеди, если эти сведения содержали угрозы совершения государственного преступления, измены, бунта, покушения на честь и здоровье государя и его семьи. Информация должна была передаваться священнослужителем в Тайную канцелярию и Преображенский приказ. Ранее разглашение тайны исповеди категорически запрещалось. За такое разглашение, согласно Номаконову издания 1639 года, требовалось отстранять такого священника на три года от службы. Петр I не понимал смысл таких ограничителей, не чувствовал грани духовной жизни человека, за которую не должно было вторгаться государство.

Другим указом каждый из российских подданных православного исповедания был обязан не менее один раз в год исповедоваться. Получалось, что либо исповедывающийся должен был утаивать от священника закрытую информацию, даже желая покаяться, либо священник выдавал властям доверившегося ему человека. Впрочем, был и третий путь — игнорировать властное предписание.

Ужесточался при Петре I сыск беглых. Беглым теперь считался всякий человек, отдалившийся более чем за 30 верст от своего места жительства. Впрочем, это не было исключительным проявлением «русского крепостничества». Не исключено, что идея установления более жестких ограничений в свободе передвижений ему была подсказана в Англии, в которой существовали драконовские законодательства и практика преследования бродяг и нищих. На английском фоне репрессий против бродяг петровские меры могут даже показаться сравнительно мягкими. Действуя по английским лекалам, Петр в 1717 году издал специальный указ о запрещении нищим появляться на улицах городов.

Установить системный контроль — это было в замыслах. Реально же страна железным монолитом явно не являлась. Достаточно перечислить наиболее резонансные проявления брожений и хаоса периода петровского правления:

- стрелецкий бунт 1682 года, во время которого был убит стрельцами дядя царя Иван Нарышкин, что стало для государя, тогда десятилетнего мальчика, сильной психологической травмой;
- заговор 1689 года, преследующий цель отстранить Петра от престола и провозгласить царицей регентшу царевну Софью;
- стрелецкий бунт 1698 года во время нахождения царя в «Великом посольстве», отдельные стычки с участниками бунта, продолжавшиеся до 1707 года;
- распространение преимущественно в старообрядческой среде памфлетов, разоблачающих Петра I в качестве антихриста;
- башкирское восстание 1704–1711 годов, вызванное возрастанием налогового бремени в условиях Северной войны и ограничением религиозной автономии;
- астраханское восстание 1705–1706 годов стрельцов, казаков и посадских, поводом к которому послужил царский указ о запрете ношения русского платья, воспринятый в качестве попрания старины;
- казачье восстание донских казаков под предводительством Кондратия Булавина 1707–1708 годов, переросшее в масштабную войну и завершившееся уходом части казаков-некрасовцев на территорию враждебного России Крымского

ханства (впоследствии некрасовцы переселяются в Турцию, а в период Крымской войны будут воевать против Российской империи);

- измена гетмана Ивана Мазепы и участие поддержавшей его части запорожского казачества в войне против России на стороне шведов — 1708–1709 годы;
- бегство царевича Алексея в Священную Римскую империю в 1717 году и вскрытие вследствие расследования существования масштабного антипетровского заговора с участием внешних сил;
- непрекращающаяся все петровское царствование, несмотря на принимаемые карательные меры, коррупция, в которой была замешана значительная, а вероятно, и доминирующая часть российской элиты.

Контроль был нужен и как инструмент против коррупции. Она к началу его правления уже имела системный характер, что само по себе подрывает представление о благочинности Московской допетровской Руси. Действительно, коррумпированность высших чинов достигла таких размеров, что парализовалась любая работа государственного аппарата. Пётр I был вынужден пойти на крайние меры. Питан и публично бит кнутом вице-губернатор Петербурга Я. Н. Римский-Корсаков, казнён за казнокрадство сибирский губернатор князь М. П. Гагарин, умер во время следствия архангельский вице-губернатор А. А. Курбатов, подвергнуты пытке сенаторы князь Г. И. Волконский (управляющий Тульским оружейным заводом) и В. А. Апухтин (управляющий Монетным двором). Изобличающие материалы были собраны на генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, князя Я. П. Долгорукова, комиссара над санкт-петербургскими строениями У. А. Синявина. Был дан ход и делу А. Д. Меньшикова, но он был прощён благодаря заступничеству Екатерины Алексеевны.

В поисках внешнеполитической стратегии

Русские западники расходились в видении внешнеполитической стратегии России. Артамон Матвеев полагал в качестве

главного российского соперника Речь Посполитую. По его мнению, России следовало сосредоточиться на борьбе с Польшей и добиваться присоединения правобережной части Малороссии. Швецию же, он считал, стоит использовать в качестве противовеса Польше. Артамон был убит на глазах молодого Петра Алексеевича во время стрелецкого бунта 1682 года. Его смерть стала и закатом стратегии борьбы за восточнославянские земли с Речью Посполитой.

В противоположность Матвееву и прежней линии Алексея Михайловича Василий Голицын стремился к установлению союза с европейскими католическими державами. Главного соперника России, как и всей христианской Европы, он видел в лице Османской империи. Голицын настоял на включении России в созданную в 1684 году Римским папой Иннокентием IV «Священную лигу», в которую входили Священная Римская империя германской нации, Венецианская Республика и Речь Посполитая. Московское царство вступило в этот союз в 1684 году. Для этого пришлось уладить отношения с Польшей. Заключение «Вечного мира» с Речью Посполитой явилось главным деянием Василия Голицына на посту главы Посольским приказом.

Русско-польский альянс был преимущественно голицынским проектом. Но очень скоро в Москве убедились в неоднозначности такого союза. Угрожая разрывом заключенных ранее соглашений, Польша требовала активного включения России в боевые действия против Османской империи и ее союзника Крымского ханства. Крымские походы были предприняты Голицыным под польским давлением, без должной подготовки и окончились ожидаемым провалом. Как и Матвеев, Голицын считал целесообразным сохранение мира со Швецией, пролонгировав в 1683 году действие Кардисского договора.

Петр I первоначально шел в фарватере голицынского курса приоритетной борьбы на юге с Турцией. Однако в дальнейшем он, как известно, сменил приоритет. В противоречие с прежним политическим курсом он сосредотачивается на решении задач выхода к Балтийскому морю, вступая в конфликт со Швецией. Польша оставалась в статусе союзника, но уже в иной стратегической перспективе.

Геополитика Петра I

Во времена Петра I геополитический анализ еще не был известен. Но Петр I действовал по наитию или расчету как классический геополитик. Сообразно с геополитической теорией для достижения неязвимости государства оно должно выйти по всем направлениям своего пространственного положения к морскому (океаническому) побережью. И Петр четко действовал сообразно с этой идеей.

На северо-западном направлении он ведет борьбу за выход к Балтийскому морю. Ради этой цели Петр I ведет двадцатилетнюю Северную войну со Швецией.

На юго-западном он пытается прорваться к Черному морю. В противоборстве с Османской империей он организует вначале Азовские походы, а потом и неудачный Прутский поход. Во время переговоров с Турцией выражается намерение закрепиться в Крыму и требуется переход под российское управление Керчи.

На южном направлении в результате Персидских походов Каспийское море становится внутренним морем России. В перспективе планировалось осуществление прорыва к Индии, а соответственно, к акватории Индийского океана. Для этой же цели вынашивался абсурдный в понимании либералов, но гениальный в теории геополитики план создания русской базы на Мадагаскаре. Таким образом, идее открытия для России торгового пути в Индию были подчинены и Персидский поход, и экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хорезм (Хивинское ханство), и разведывательная активность в Средней Азии, и проект посылки кораблей на Мадагаскар.

Северное направление политики Петра I связывалось с развитием при отсутствии выхода к Балтике торговли через Белое море. Еще до «Великого посольства» он длительное время провел в Архангельске. Беломорская торговля до утверждения России на Балтийском море оставалась приоритетной.

Инициированной Петром I экспедиции Витуса Беринга вменялась задача исследования вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой. Наличие такого пролива означало бы возможность прокладывания северного морского евразийского пути.

И его значение для России осознается в полной мере уже в наше время.

Существовало и дальневосточное направление политики Петра I, предполагавшее укрепление России на побережье морей Тихого океана. Именно при Петре I происходит фактическое присоединение к России Камчатки, что не находит почему-то должного отражения в учебной литературе.

Патриотический нарратив Северной войны

Историография Северной войны включает огромный перечень литературы, изданной в разных странах и на разных языках. Опираясь на него, можно в деталях осветить боевые действия и дипломатические перипетии периода двадцатилетнего конфликта. Но в данном случае нас интересует идеология Северной войны, так как она выстраивалась в России. В любом военном конфликте существуют мотиваторы, побуждающие солдат сражаться и проявлять храбрость. В этом отношении представляют особый интерес мотиваторы, используемые Петром I, как косвенное свидетельство петровской идеологии.

Получить представление о них дает возможность речь, произнесенная царем перед Полтавской битвой. Сражение под Полтавой по праву считается кульминацией Северной войны, и ожидается, что государь должен был произнести в этот исторический момент наиболее значимые слова, обращенные к армии.

Однако источники дают разные варианты речи Петра I. Е. В. Анисимов провел на этот счет специальное источниковедческое исследование. При всем разнообразии вариантов они могут быть сведены к трем группам, выстраиваемых вокруг общего текстового ядра: 1. Упрощенный вариант речи Петра I, являющийся, вероятно, аутентичным выступлением царя; 2. Вариант в обработке Феофана Прокоповича, представляемый также в редакторских версиях И. И. Голикова и Д. П. Бутурлина; 3. Вариант из материалов одного из первых авторов истории Петра I П. Н. Крекшина, представленной Елизавете Петровне, за которым не признается высокая степень достоверности. Какая речь была подлинной в нашем рассмотрении,

не столь важно. Все они были составлены в одно время и отражали существующее направление дискурса. Даже те из вариантов речей, которые не произносил Петр I, должны были содержать текст, который он мог в принципе произнести. Вероятно, что речь в версии Прокоповича была с царем согласована. Приведем ниже все три варианта царского обращения.

Упрощенный вариант: «Делайте, братия, так, как я буду делать, и всё, помощью Всевышнего, будет добро. За победою, после трудов, воспоследует покой».

Вариант Феофана Прокоповича: «Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России, и не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает, ниже бы их смущала слава неприятеля яко непобедимаго, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощью своею сильный в бранех Господь на того единого смотрели бы, а о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и Российское благочестие, слава и благосостояние».

Вариант П. Н. Крекшина: «Самовидцы вы, коликие храмы Божии неприятели наши в стоила конские обратили, олтари осквернили, Святыню, на которую и зрети не достойны, зверские ноги попирают, образам Святым ругаются, посмеиваются истинной нашей вере и закону; не могу более терпеть толикаго унижения Святой веры, но желаю паче [умереть, нежели сицевое зло видеть и увещаю] смерти, нежели сицевое зло видеть, прошу вас, прехрабрые мои воины, мужайтесь, яко добрые и христолюбивые воины знаете, что Господь крепок во брани и праведное оружие сильною своею мышцею подкрепляет, помощник вам и несть будет, но видя меня купно с вами на раны и на смерть готова, держайте за истинную веру, мать церковь и любезное отечество, и за жизнь вашу, други мои. Отечество, за которое ныне кровь проливать и полагать

наши души готовимся, дано мне от Бога на сохранение, а не для расхищения противным; того ради совершайте Богоугодной сей подвиг, в котором вам предки наши благочестивыя князи Российские Владимир, Борис и Глеб и Александр и прочие святыя своими молитвами помощники будут».

Во всех вариантах речи Петра I государь апеллирует к Богу. В версии Феофана Прокоповича он говорит об особом российском благочестии. Речь царя в изложении Крекшина и вовсе представлена как провозглашение им священной войны против врага как осквернителя православной веры. Петр в крекшинском варианте обращается к образу русских святых князей — Владимира Крестителя, Бориса и Глеба, Александра Невского. Очевидно, что человек нерелигиозный и неправославный с такими обращениями не мог бы выступать.

Вторая тема петровской речи заключается в защите Отечества. Петр призывает сражаться солдат не за государя, а за государство. Используется в версии Прокоповича и призыв к битве «за народ Всероссийский». Фактически можно говорить о зарождении при Петре российского патриотизма, отличаемого от прежней установки — персонального служения монарху. И понятно, что с такого рода обращениями западник в современном понимании западничества вряд ли мог бы выступать.

Карл XII: антипод Петра I в Северной войне

На Западе культ Карла XII сложился еще при жизни шведского короля. В Швеции участие в создании культа Карла принял, к примеру, естествоиспытатель и мистик Эммануил Сведенборг, представлявший того в качестве крупного мыслителя. Апологетическую биографию шведского короля создаст впоследствии Вольтер, написавший также и биографию Петра I. Культовые апелляции к Карлу XII сохраняются до нашего времени. С чем же связана такая любовь к человеку, проигравшему войну и приведшему свою страну к разорению? Не с тем ли, что он воевал против России, цивилизационного врага Европы? Карл XII оказывается в одном ряду с историческими персонажами сходной биографии — Наполео-

ном и Гитлером. Каждое столетие Запад выдвигал из своей среды «героя», вторгавшегося в Россию и там терявшего свою армию.

Показательны примеры такого рода исторических аналогий, возникающих как у апологетов, так и критиков Карла XII. В 1939 году во время пятидесятилетнего юбилея Адольфа Гитлера Шведско-германское общество подарило ему на день рождения статуэтку шведского короля. Подарок окажется во всех отношениях символическим. В обращении на имя Гитлера был текст следующего содержания: «Шведские мужчины и женщины, которые видят в вожде Германии и народном канцлере Адольфе Гитлере спасителя Европы, желают выразить ему глубочайшее почтение и благодарность. Мы увязываем это приветствие с памятью о нашем великом короле Карле XII, руководствовавшемся в тяжелых исторических сражениях теми же идеями, которые мы, шведы, видим в Вашем историческом вкладе в создание Великой Германии и сохранение Европы». С оценкой о подобии фигур Карла XII и Гитлера солидаризировался по прошествии лет заведующий кафедрой Северных стран Шотландского университета св. Эндрю Энтони Ф. Аптон, ставя при этом знак минус там, где Шведско-германское общество ставило плюс. «В лице Карла XII, — писал он, — Швеция получила харизматического психопата, который привел бы свое королевство, имея он на то больше времени, к полному разгрому, как это сделал Адольф Гитлер с нацистской Германией».

Карла XII, как и многих его военачальников, можно было бы подобно нацистским государственным и военным деятелям объявить военным преступником. Так, шведский король, получив известие о нападении на шведский пикет у Торуня со стороны местных жителей, призывает фактически к осуществлению политики геноцида. «Было бы самое лучшее, — писал он своему ближайшему соратнику фельдмаршалу Карлу Густаву Реншильду, — чтобы все эти места были уничтожены путем разграбления и пожаров и чтобы все, кто там живет, виновные или невинные, были уничтожены». А через некоторое время король пояснял своему фельдмаршалу, как надо действовать: «Эта страна может страдать, сколько ей угодно... Те, кто не остается дома, должны быть разорены, а их жилища сожжены... Посылаю вам кавалерию, чтобы преследовать бродящих тут каналов... Контрибуцию взыскивать огнем и мечом.

Скорее пусть пострадает невинный, чем ускользнет виновный... Сжечь местечко, где было совершено нападение на валахов... все равно, виновны ли владельцы домов или невинны...» «Надо вешать, — распоряжается он в другой раз, — если даже лишь поддоказательства есть налицо... даже дитя в колыбели не должно получить пощаду».

Не отставал от своего короля в жестокости и фельдмаршал Реншильд. Резня русских военнопленных — около 500 человек — была им устроена, в частности, в выигранной шведами битве под Фрауштадтом. Известный шведский историк Петер Энглунд, один из ведущих специалистов по истории правления Карла XII, так описывает «подвиги» фельдмаршала: «В этой битве Реншёльд ясно показал свою силу как полководца. При этом же случае он показал также и кое-что другое: жесткую и холодную беспардонность, граничащую с жестокостью. А именно, после битвы отдал приказ казнить всех взятых в плен русских. В заключительных фазах сражений вражеские солдаты, которые ещё стояли на ногах, бросали оружие, обнажали головы и звали о прощении. Саксонских солдат щадили, но русским не приходилось ждать никакой милости.

Реншёльд приказал поставить шведские отряды кольцом, внутри которого собрали всех взятых в плен русских. Один очевидец рассказывает, как потом около 500 пленных «тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так что они падали друг на друга, как овцы на бойне». Трупы лежали в три слоя, размочаленные шведскими штыками. Часть объятых ужасом русских, пытаясь избежать такой судьбы, выворачивали свои мундиры наизнанку, красной подкладкой наружу, чтобы таким образом сойти за саксонцев. Но их хитрость была разгадана. Другой участник сражения рассказывает: «Узнавши, что они русские, генерал Реншёльд велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!» Это была необычная и отвратительная акция. Хотя обе стороны неоднократно оказывались способными, явно не терзаясь муками совести, убивать незащитных пленных, больных и раненых, бойне при Фрауштадте не было равных в те времена как по масштабам, так и потому, что совершалась она с холодным расчетом».

Польское направление

Никогда ни до, ни после Петра I не была столь же успешной политика России на польском направлении, как во время его правления, если измерять успешность по критерию соотношения издержек и результата. Польша являлась не просто противником Московского царства, а врагом историческим. Войны с Польшей, а прежде с Литвой в прошлом были наиболее частыми и продолжительными. Польские авторы создавали наиболее злобные антирусские памфлеты, возглавляя европейскую русофобию. Но при Петре I Речь Посполитая оказалась не просто союзником России, а фактически зависимым от нее государством. Причем это было на тот момент крупнейшим, за исключением России, государством тогдашней Европы.

Петр I помог Августу занять в 1697 году польский престол. После смерти короля Яна III Собеского в Речи Посполитой развернулась борьба за власть с широкой группой претендентов на корону. Среди кандидатур на занятие польского престола фигурировали Иаков Собеский, сын Яна III, французский принц Франсуа-Луи Конти, герцог Лотарингии Леопольд, маркграф Баден-Бадена Людвиг Вильгельм, племянник бывшего римского папы Иннокентия XI Ливио I Одескальки, несколько представителей польской аристократии и курфюрст Саксонии Фридрих Август I. Короля в Польше выбирали, но на выбор влияла политика.

Основными претендентами на польский престол являлись Конти и Август, за которыми стояли, соответственно, Франция и Россия. Французы обещали при выборах Конти заключение выгодного для Польши мира с Османской империей. В сложившейся ситуации две группировки польской знати провозгласили каждый своего короля. Для поддержки Августа Петр I приказал выдвинуть русские войска к границе Речи Посполитой. Это и склонило чашу весов в пользу Августа. Конти, осознав отсутствие должных военных сил, от польской короны отказался.

Союз с Польшей стал важнейшим геостратегическим фактором победы России над Швецией. Преследуя польского короля Августа II (он же курфюрст Саксонии Фридрих Август I) по польским пространствам, Карл XII, по образному выражению Петра I, увяз

в Польше. Этим Россия выиграла время для восстановления военного потенциала после неудачной для себя Нарвской битвы.

Союзничество Польши не было следствием политической неадекватности польского короля. Скорее, речь шла о стратегическом тупике для Августа II. Вопреки своему прозвищу — «Сильный», данному за силу физическую, Август имел слабые позиции в самой Речи Посполитой. Будучи протестантом, он, чтобы войти на престол, принял католицизм. Это обстоятельство отрицательно сказывалось на его популярности. В отличие от самодержавной России Польша являлась государством с политическим доминированием шляхты. И шляхта могла в любой момент сбросить неустраивающего его короля. Такая угроза, как дамклов меч, постоянно нависала над Августом. Шляхта в критический момент для него вошла в сообщество с Карлом XII и поддержала устраивающего того кандидатуру на польский престол — Станислава Лещинского.

Только благодаря победе Петра I под Полтавой Август II вернулся на польский престол. И он мог более или менее устойчиво чувствовать себя на польском престоле только при внешней поддержке, которую ему и предоставлял русский царь. Август не был безоговорочно преданным Петру, ведя за его спиной интриги, ища, в частности, сепаратный компромисс со Швецией. Но политическая партия шла таким образом, что ему для самосохранения не оставалось ничего другого, как ориентироваться на Россию. И он благодаря российской поддержке продержался на польском троне до 1733 года — даты своей смерти.

С прозвищем же Августа — «Сильный» в России могли бы поспорить. Как-то на устроенном состязании с русским царем Петр Алексеевич обнаружил большую в сравнении с ним физическую силу.

Турецкое направление

Если бы Петр I ушел из жизни до начала Северной войны, вероятно, его образ остался в памяти потомков совершенно иным, чем тот, который существует сегодня в массовом сознании. Современ-

ный петровский образ — западник, секулярист, действующий авторитарными методами. Но в 90-х годах XVII века он воспринимался иначе, и это восприятие связывалось с войной с Османской империей. Петр I уподоблялся интеллектуалу своего времени Константину Великому, что должно было означать особую миссию христианского имперостроительства. Особую роль в формировании этого образа сыграли братья Лихуды. Параллель между Петром и Константином проводилась ими в петровском панегирике на взятие Азова. Такие же параллели проводились в аллегориях установленной в Москве в связи с Азовской победой Триумфальной аркой. Турецкий султан изображался как узурпатор, а Петр как освободитель христианских народов. Греки Лихуды последовательно направляли нарратив петровского царствования в направлении восстановления Византийской империи. Но Северная война изменила приоритеты, не сняв, впрочем, тему освобождения христиан со стратегической повестки.

Россия и Турция 12 раз сталкивались друг с другом в войнах. Столь частые столкновения держав не могли носить случайный характер. Воспроизводимость конфликта определялась двумя основными факторами — геополитическим и религиозным. Геополитически Россия и Османская империя объективно вступали в конфликт за контроль над важнейшими геостратегическими зонами, связующими Европу и Азию. Религиозные противоречия связывались с покровительством Россией православных, проживающих на поствизантийском пространстве, а Турцией — Крымского ханства. В этом отношении Русско-турецкая война 1710–1713 годов была запрограммирована.

Это уже было понятно при заключении Константинопольского мирного договора 1700 года. Весь вопрос был в сроках. Петр I не хотел, да и объективно не мог, воевать на два фронта. Ахмед III, крайне боявшийся заговоров и чуть не ежедневно менявший везирей, что негативно сказывалось на турецкой системе управления, тоже поначалу не был склонен к военным предприятиям. Но его подталкивали к войне. Военные действия провоцировались оказавшимся после разгрома под Полтавой в Турции Карлом XII, французским королем и крымским ханом. Причем интриги крымского хана Девлет II Гирея оказали большее влияние на развязы-

вание новой войны. Против крымских татар в это время Петр I нашел мощный противовес — Калмыцкое ханство. Мобильная калмыцкая конница удачно отражала набеги крымских татар на российскую территорию, нанося им тяжелые поражения.

В контексте проводимого нами рассмотрения Русско-турецкой войны 1710–1713 годов особо важен замысел Петра I воспользоваться поддержкой православных народов. Надежды эти оправдались отчасти. Молдавский князь Антиох Кантемир поддержал Россию, хотя ввиду малочисленности его войск эта помощь существенно соотношение сил не изменила. В то же время валахский князь Константин Бранкован предал в решающий момент царя и перешел на сторону турок. Развернули повстанческое движение против османов сербы и черногорцы.

Важно в данном случае зафиксировать, что Петром I разыгрывалась религиозная карта. Несмотря на приписываемое ему отступление от православной веры, во внешней политике он руководствовался православной идентичностью вполне определенно. В благодарность сербам и черногорцам, жертвенно выступившим в поддержку России и оказавшимся после ее поражения в критическом положении, Петр I предлагал переселиться в русские земли.

После Прутского поражения в новые войны против Турции царь, хотя такая возможность и представилась, предпочел не ввязываться. Противниками Османской империи в них выступили прежние союзники России по Священной лиге — Венеция и Священная Римская империя. В результате Пожаревацкого мира 1718 года Венеция теряла приобретенный ей ранее Пелопоннес, зато Священная Римская империя приобретала земли Баната, Олтенции и северной Сербии с Белградом.

Сибирско-казахское направление

По личной инициативе Петра I предпринимались экспедиции по изучению Сибири. Так, в 1714–1719 годах специальная экспедиционная группа изучала верховья Иртыша. Составлялись новые карты восточных территорий России. В петровские годы были заложены Ямышевская (1715), Омская (1716), Железинская (1717), Се-

мипалатинская (1718), Усть-Каменная (1720), Семиарская (1720). крепости. Совокупно они составили новую иртышскую оборонительную линию укреплений, имевшую протяженность в 920 км.

То, что сегодня называется Северным Казахстаном хозяйственно осваивается Россией еще при Петре I при отсутствии претензий со стороны казахских жузов. Иртышская оборонительная линия позволяла сдерживать возможные удары от мигрировавших кочевых народов, а в случае конфликта и от находившейся на пике своего могущества китайской империи Цин. Русские крепости в сложившейся ситуации служили средством защиты казахских родов от вторгающихся в их земли ойратов. Ойратское давление было столь значительно, что уже в 1715 году значительная часть казахских старшин, объединенных чуть позже в рамках Младшего жуза, высказывалась за присоединение к России.

Среднеазиатское направление

Неудачей закончился организованный по заданию Петра I в 1717 году хивинский поход кабардинского князя Александра Бековича-Черкасского. Но сам факт его организации указывает на намерение московского царя укрепиться в Средней Азии. С Петра I, можно считать, и берет отсчет среднеазиатское направление российской политики. Перед Бековичем была поставлена задача склонить хивинского хана, а по возможности и бухарского эмира, в подданство России. В перспективе же, судя по данным царем поручениям, рассматривалась возможность проникновения в Индию.

Экспедицию Бековича можно считать одной из ярких героических страниц военной истории России. Несмотря на многократное превосходство хивинцев в живой силе, русские нанесли поражение неприятелю, и хан соглашался на принятие российского подданства. Погубить Бековича удалось лишь при помощи хитрости. Хан убедил его, что прокормить русское войско хивинцы смогут, лишь если оно будет разделено на несколько отрядов. Когда русские разделились, их окружили и разбили поодиночке. Сам Бекович был предательски убит кинжалом во время банкета. Его тело было вывешено над воротами Хивы, а голова направлена

бухарскому эмиру. Видный исследователь петровского времени Н. И. Павленко так описывает эти события: «Не добившись желаемых результатов в открытом бою, хан составил коварный план уничтожения русского отряда. В ставку князя для переговоров он прислал представителей, которые в подтверждение мирных намерений целовали Коран. Черкасский поверил заверениям, отправился к хану с подарками и дал себя уговорить разделить свой отряд на пять частей под тем предлогом, что хивинцам затруднительно прокормить войско, расквартированное в одном месте. Доверчивость Александра Бековича дорого обошлась и ему самому, и предводительствуемому им отряду. Как только войско оказалось разделенным, хивинцы напали на малочисленные отряды и перебили их или пленили, чтобы продать в рабство. Сам Черкасский был убит на глазах вероломного хана».

Только в 1740 году персидский правитель Надир-шах, взяв Хиву, освободил томившихся там русских пленников. Пройдут годы, и когда в 1873 году генерал Константин Кауфман отдал приказ совершить рейд против туркменского племени йомутов, это в общественном мнении России было воспринято с одобрением как месть вероломному народу, виновному в убийстве Бековича.

Персидское направление

Персидский поход Петра I 1722–1723 годов представлен в учебниках истории как фрагмент петровской внешней политики либо не представлен вовсе. На него принято смотреть как на нечто вторичное и периферийное. Между тем военные результаты, достигнутые за короткий срок, особенно на фоне длительной Северной войны, можно считать блестящими. Русские войска взяли Дербент, Решт, Баку, Астрабад. Медаль «За поход на Баку» являлась последней учрежденной Петром наградой. Под контролем России оказывались территории современных Дагестана, Азербайджана и северного Ирана.

Однако дело не удалось при преемниках Петра довести до конца. Переход к России персидских территорий, казалось бы, подтверждался Петербургским договором России с Персией и при-

знаваемым Персией Константинопольским договором России с Турцией. Однако иранский шах отказался Петербургский договор ратифицировать, так как указание на его подписание давал не он, а оказавшийся в плену у афганцев его отец. Персия так и не признала официально факта отторжения соответствующих территорий. А при Анне Иоанновне все завоевания Персидского похода Петра I были возвращены Персии.

Формально Россия против Персии не воевала. Официально поход организовывался для наказания восставших против шаха лезгинских и кумыкских владетелей, взявших Шемаху и учинивших нападение на русских купцов. Более того, персидский шах хотел использовать русскую армию и против восставших афганских племен. В ходе похода обнаружилась крайне враждебная позиция к политике России в регионе со стороны Англии и Османской империи. Англичане понимали, что дальнейшее продвижение российских войск создаст перспективу их выхода в Индию. Турция, также не желая возрастания влияния России в Закавказье, нанесла удар по Персии, отторгнув от нее Восточную Грузию и Восточную Армению, которые могли отойти России.

В отношении определения причин Персидского похода Петра I в историографии сталкиваются две основные позиции. Условно их можно обозначить как геополитическое и религиозное объяснение. Сообразно с первым взглядом Петр I прорывался в Индию, что позволяло бы ему сокрушить Британскую империю. Согласно второму взгляду он выступал как защитник христианского населения Закавказья — армянского и грузинского. Но оба эти объяснения не вступали в противоречие друг с другом. Геополитические устремления Петра не противоречили его устремлениям оказать помощь христианам Закавказья.

Еще в 1701 году в Москве состоялась встреча с Петром известного дипломата и общественного деятеля Исраэля Ори (его подозревали в намерение стать армянским царем) и архимандрита Армянской церкви Минаса Тиграняна, предложившего ему план освобождения Армении. Они доставили русскому царю письмо с желанием перейти под его власть от суникских и карабахских меликов. И Петр обещал, что после завершения войны со Швецией сможет оказать армянам помощь. Налажены были контакты в перспективе

грядущей войны и с грузинским царем Вахтангом VI. Во время Персидского похода грузинские и армянские войска действовали в союзе с русской армией, внося свою лепту в общий успех кампании. Однако для них самих события этих лет имели отрицательный исход. В то время как русские войска продвигались в Прикаспии, в результате вторжения турок на подконтрольные Сефевидскому Ирану территории Восточная Грузия и Восточная Армения оказались отторгнуты от Персии Османской империей. Вопрос о подданстве христиан Закавказья переносился в будущее время.

Северное направление

С началом Северной войны коммуникация через Белое море приобрела стратегический характер. В Архангельск в значительных количествах поступали западноевропейское вооружение и материалы, необходимые для снабжения русской армии (огнестрельное и холодное оружие и комплектующие для его производства, сера и свинец, мундирное сукно и т. д.). В Архангельск рубежа веков прибывали иностранные офицеры и специалисты, нанятые в русскую службу, в том числе офицеры и младшие командные чины флота, в которых особенно нуждался Петр I.

Понимание стратегической роли Архангельска привело шведского короля Карла XII к плану морской экспедиции 1701 г. против Архангельска, нацеленной на пресечение доставки военных грузов в Россию. И даже после провала шведского плана 1701 г. информация о возможности повторения подобных попыток в 1702, 1703 и 1708 гг. заставляла Петра I принимать существенные меры по усилению обороны города.

Архангельск занимал лидирующие позиции во внешнеторговых оборотах России, несмотря на все попытки царя перенести центр морской торговли в Санкт-Петербург. Число приходивших в порт иностранных судов выросло с 50 в последнее десятилетие XVII в. до 230 в 1715 г. Объем вывоза в 1710 г. достиг почти 1,8 млн рублей. Среднегодовой размер товарооборота, по подсчетам Н. Н. Репина, в 1717–1719 годах составлял 2,9 млн рублей, в 7 раз превосходя объем торговли в Петербурге в 1718 году. Только

окончание боевых действий позволило Петру I реализовать свой план переноса центра морской торговли в столицу.

Далее к востоку от Архангельска лежало арктическое побережье Сибири, пройденное российскими промышленными и «служилыми» в погоне за мехом («мягкой рухлядью»). Мех соболя был ресурсом, в значительной мере определяющим состояние финансовой системы государства. Торговля мехом давала казне, по разным оценкам, от 10–20% до трети или даже половины доходов. Мех рассматривался в качестве главной «свободно конвертируемой валюты». Ресурсный фактор определил ход освоения арктического побережья от Печоры до Колымы.

К концу XVII в. пушной промысел на севере Сибири пришел в упадок из-за истребления соболя. Однако правительство Петра I не желало терять столь значимый источник дохода и продолжало политику продвижения на Восток для расширения сферы сбора «пушного ясак», одновременно укрепляя государственную монополию на ценные меха. Тем не менее кризис соболиного промысла затронул и Восточную Сибирь, стимулировав переход к поиску иных источников дохода, включая комплексное использование промыслового потенциала, в том числе промысла «морского зверя». Этот процесс, активизированный результатами российских экспедиций первой четверти XVIII в. в северной части Тихого океана, привел к формированию в дальнейшем группы промысловых компаний и завершился созданием в 1797 году Российско-Американской компании.

В 1713–1714 гг. командированный в Западную Европу корабельный мастер Ф. С. Салтыков представил Петру Великому доклады «Препозиции» и «Изьявления прибыточныя государству», в которых излагался план исследования и освоения того, что в наше время называется Северным морским путем. Северное направление петровской политики логически переходило в развитие дальневосточного направления.

Дальневосточное направление

Считается, что идею будущей экспедиции Беринга подсказал Петру I Готфрид Лейбниц. На встрече в Карлсбаде в 1712 году он

спрашивал у царя, как далеко простирается Русская земля на восток и существует ли сухопутная граница между Америкой и Азией. Петр на эти вопросы тогда ответить не мог. Получалось, что правитель государства не имеет представления о государственных границах.

К открытию морского пути в Индию через Северный Ледовитый и далее Тихий океаны Петр Великий стремился последовательно и упорно.

Уже в наказе воеводы Д. А. Траурнихта якутскому казачьему десятнику В. Савостьянову от 9 сентября 1710 г. предписывается «домогатца ему всякими мерами ... учинить с Японским государством меж рускими людьми торги не малые ... », а также собрать информацию о торговом и военном потенциале Японии.

Для реализации плана предполагалось направить из Москвы дворянина в чине спальника. В 1711 году воеводская администрация и правительство из челобитной участников убийства приказчиков П. Чирикова и О. Липина получили сведения о Японии, добытые авторами у спасшихся на Камчатке членов команды разбитого японского судна. Во время «допроса с пристрастием» 2 мая 1712 г. одного из убийц В. Атласова — Г. Переломова следователи выясняли, знает ли он расстояние до Японии. Указание о «проведывании» «... о Апонском государстве и за перелевами о морских островах...» получил приказчик В. Колесов, организовавший плавание И. П. и П. П. Козыревских в 1712–1713 годах. В документе о задачах «Большого Камчатского наряда» также содержится пункт о действиях в случае встречи с японцами.

Учитывая перечисленные факты и принимая во внимание полученный кабинетом Петра I в 1715 г. отчет якутского воеводы о плавании И. П. и П. П. Козыревских с группой казаков к Курильским островам, в ходе которого состоялся их контакт с японцами, а также обстоятельства еще ранее состоявшегося знакомства царя с попавшим в Россию в результате кораблекрушения японцем Дэнбеем, версия о первоочередном внимании императора к «японскому направлению» выглядит вполне мотивированно. Однако это составляло лишь часть предполагаемого Петровского замысла.

Подготовка Первой Камчатской экспедиции велась довольно долго, что и не могло быть иначе. Император лично составил ин-

струкции для Беринга, имевшего за плечами опыт путешествия в Ост-Индию. Публичная часть инструкций заключалась в выяснении вопроса, сходятся ли между собой земли Америки и Азии. Непубличная же исходила из предположения соединенности американских и азиатских земель и предписывала, по всей видимости, закрепить экспедиции на новых территориях. Все участники экспедиции перед ее началом принесли присягу на верность России, что подчеркивало государственную важность поставленных перед ними задач.

Мысли о поиске морского пути в Азию и Америку с Камчатки высказывал императору капитан-лейтенант Ф. И. Соймонов. Приближенный к Петру I А. К. Нартов сообщил о разговоре императора с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным при вручении наказа Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга: «Я [Петр I] вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию».

В 1719 г. началась экспедиция геодезистов Ф. Ф. Лужина и И. М. Евреинова, получивших личную инструкцию Петра I. Им предписывалось «ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошния места: сошлася Америка с Азиею, что надлежит zelo тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить».

Расплывчатый характер инструкции Ф. Ф. Лужину и И. М. Евреинову, наличие ссылок на некие дополнительные указания и краткость их отчета так же, как и в случае с Первой Камчатской экспедицией В. Беринга, стимулировали дискуссию историков о целях предприятия. Известный специалист по истории Русской Америки А. Ю. Петров с соавторами справедливо отметили, что перед геодезистами ставились цели изучения Курильских островов, поисков возможных полезных ископаемых и проведывания пути в Японию.

Следовательно, российскую активность на Тихом океане можно рассматривать как этап реализации замысла Петра об установлении торгового пути со странами Азии: Индией и Японией. Северо-Восточный проход от Северного Ледовитого океана к Тихому океану, находящийся под контролем России, несомненно, был желательной частью этого замысла.

В этой связи следует также упомянуть о проводившихся в 1709–1724 гг. экспедициях по поиску островов к северу от Яны, Индигирки и Колымы Д. Бусорманова, М. Вагина и Я. Пермякова, В. Стадухина, А. Маркова и Г. Кузякова, И. Вилегина, Ф. Амосова и других, а также поиску морского пути на Камчатку из Охотска. Внешне не связанные между собой, эти экспедиции позволили бы при успешном исходе сформировать картину состояния прибрежной полосы от устья Яны до Камчатки и Охотска.

О наличии единого проекта может косвенно свидетельствовать извещение о результатах экспедиции в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 16 марта 1730 г., где отмечалось, что Беринг достиг 67 градуса 19 минут северной широты и подтвердил, что «тамо подлинно северо-восточный проезд имеется, таким образом, из Лены, если бы в северной стране лёд не препятствовал, водяным путем до Камчатки и тако да Япона, Хины [Китая] и Ост-Индии доехать возможно было». Инструкции, подготовленные «птенцами гнезда Петрова» руководителю Второй Камчатской экспедиции, содержали задачи, нацеленные на поиск морских путей в Америку и Японию, включая изучение северного побережья Сибири.

«Камчатским Ермаком» назвал А. С. Пушкин русского землепроходца казака Владимира Атласова. С его именем связывается присоединение Камчатки к России. А происходит это во время экспедиции 1697–1698 годов, пришедшей на петровское правление. Считается, что поход Атласова создал основу для последующих экспедиций, исследующих акваторию Тихого океана. В 1711 году камчатские казаки под предводительством Данилы Анцыферова и Ивана Козыревского первыми из русских высаживаются на островах Курильской гряды. Там они вступают в сражение с отрядами местных жителей — айнов. Японии Курильские острова к этому моменту еще не принадлежали, и Россия в колониальной гонке была первой. Направленные Анцыферовым челобитные являются первым историческим описанием Курил. Правда на следующий год после своего открытия руководитель казацкой экспедиции был убит камчадалами и в соответствии с языческими представлениями ими сожжен.

Прорабатывался вопрос об организации нового торгового пути в Китай. Петру I удалось исправить обострившиеся в пери-

од регентства Софьи российско-китайские отношения. Дело при ней дошло до вооруженных приграничных столкновений — осаде маньчжурами в 1685 и 1686 годах русской крепости Албазин. Подписанный по итогам конфликта Нерчинский мир оценивается поражением российской дипломатии. Россия отдавала по ней Китаю все приобретенные ранее территории в Приамурье, включая ключевую крепость Албазин.

Петру удалось исправить сложившуюся ситуацию настолько, что он уже мог писать китайскому императору Канси, что добрые отношения Китая и России есть «сущая дружба и общая обоих наших государств польза». Завершалось же письмо подписью без всякого рода титулов, подчеркивающая неформальный характер отношений — «Вашего величества доброй приятель Петр». Как будто история тогда совершила забег на двести лет вперед.

Курс на Мадагаскар!

Верхом абсурда либеральные историки считают петровский проект колонизации Мадагаскара. Удивляет, что аналогичные проекты, выдвигаемые в те же годы западными державами, абсурдными не считаются. Шел процесс колониального раздела мира. Европейские державы, имевшие сильный флот, обзавелись к тому времени значительными колониями.

Мадагаскар имел важнейшее геостратегическое значение в тогдашнем мире. Суэцкого канала еще не существовало, и морской путь из Европы в Азию шел вокруг Африки. Мадагаскар оказывался ключевым пунктом перед выходом европейских судов в акваторию Индийского океана. Геополитически он являлся плацдармом в борьбе за Индию.

План захвата Мадагаскара существовал у Карла XII. В курсе этого плана был, в частности, вице-адмирал Даниэль Вильстер — датчанин, находившийся на шведской службе, командующий эскадрами Швеции на Балтийском море. После завершения Северной войны он перешел на русскую службу и поделился сведениями о шведском проекте. Замысел воодушевил Петра, и он поручил Вильстеру готовить экспедицию. Перед вице-адмиралом стояла задача наладить контакт

с находящейся на острове пиратской республикой в перспективах создания русской военной базы в Индийском океане. В дальнейшей проектной развертке предполагалось наладить отношения с располагавшейся в Индостане империей Великих Моголов.

В эти годы наряду с англичанами в борьбу за доминирование в Индии были включены Голландия, Португалия, Франция, Дания и даже Австрия (Австрийская Ост-Индская компания была создана в 1723 году). Петр I считал целесообразным добиться также и русского присутствия в Индии и Индийском океане. Однако сделать он это не успел. Экспедиция Вильстера была организована плохо, и возглавляемые датчанином корабли, не достигнув Мадагаскара, развернулись назад. Соплеменник Вильстера Беринг был в реализации петровских замыслов более удачлив. Вильстер и после смерти Петра оставался на русской службе, занимая посты начальника Морской академии и командира Кронштадтского порта.

Миф о стремлении Петра I к мировому господству

Военные успехи России — победа над Швецией и выход к Балтийскому морю — стали основанием для создания мифа о существовавшем у Петра I замысле достижения мирового господства. На чем базируется это утверждение? Неизвестно ни одного высказывания Петра I или свидетельства лиц из ближайшего петровского окружения, говорящих о наличии у российского императора планов подобного рода. И вот на свет сенсационно был извлечен «документ», известный как «завещание Петра I». В нем будто бы российский император завещал своим преемникам вести постоянные захватнические войны, максимально расширяя территорию Российской империи. И конечно, главные стратегические цели России — овладение Константинополем и Индией.

Согласно легенде, «документ» был обнаружен известным французским авантюристом шевалье д'Эоном в 1757 г. в секретных архивах Елизаветы Петровны. Обнародован же он был впервые только в 1812 г. во Франции в самый канун похода на Россию. Далее он вновь и вновь извлекался на свет при обострении отношений Запада с Россией. Каждый раз текст «завещания» суще-

ственно модифицировался. В новых редакциях появляются, в частности, замыслы завоевания Японии и Ирана.

Полезно познакомиться с циркулирующим по сей день в качестве «веского» доказательства агрессивности российского империализма полным текстом псевдопетровского завещания.

«Завещание Петра I»:

«Во имя святой и нераздельной Троицы, мы, Петр, император и самодержец всероссийский, всем нашим потомкам и преемникам на престоле и правительству русской нации.

1. Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха: оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом, пользоваться миром для войны и войною для мира в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России.
2. Вызывать всевозможными средствами из наиболее просвещенных стран военачальников во время войны и ученых во время мира для того, чтобы русский народ мог воспользоваться выгодами других стран, ничего не теряя из своих собственных.
3. При всяком случае вмешиваться в дела и распри Европы, особенно Германии, которая, как ближайшая, представляет более непосредственный интерес.
4. Разделять Польшу, поддерживая в ней смуты и постоянные раздоры, сильных привлекать на свою сторону золотом, влиять на сеймы, подкупать их для того, чтобы иметь влияние на выборы королей, проводить на этих выборах своих сторонников, оказывать им покровительство, вводить туда русские войска и временно оставлять их там, пока не представится случая оставить их там окончательно. Если же соседние государства станут создавать затруднения, то их успокаивать временным раздроблением страны, пока нельзя будет отобрать назад то, что было им дано.
5. Делать возможно большие захваты у Швеции и искусно вызывать с ее стороны нападения, абы иметь предлог к ее поко-

- рению. Для этого изолировать ее от Дании и Данию от Швеции и заботливо поддерживать между ними соперничество.
6. В супруги к русским великим князьям избирать германских принцесс для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая в Германии наше влияние, тем самым привязать ее к нашему делу.
 7. Преимущественно добиваться союза с Англией в видах торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболее нуждается в нас и которая может быть наиболее полезна для нашего флота. Обменивать наш лес и другие произведения на ее золото и установить между ею и нашими торговцами и моряками постоянные сношения, которые приучат наших к торговле и мореплаванию.
 8. Неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Черного моря.
 9. Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии. Обладающий ими будет обладателем мира. С этой целью возбуждать постоянные войны то против турок, то против персов, основывать верфи на Черном море, мало-помалу овладевать как этим морем, так и Балтийским, ибо то и другое необходимо для успеха плана — устроить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта через Сирию и достигнуть Индии как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота.
 10. Заискивать и старательно поддерживать союз с Австрией, поощрять для виду ее замыслы о будущем господстве над Германией, а втайне возбуждать против нее недоброжелательство в государях. Стараться, чтобы те или другие обращались за помощью к России, и установить над страной нечто вроде покровительства с целью приготовления будущего господства над нею.
 11. Заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы, а по овладении Константинополем нейтрализовать его зависть, или возбудив против него войну, или дав ему часть из завоеванного с тем, чтобы позднее отобрать это назад.

12. Привлечь на свою сторону и соединить вокруг себя всех грековосточных отщепенцев или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южной Польше, сделать их средоточением и опорой и предуготовить всеобщее преобладание над ними посредством установления как бы духовного главенства: будет столько друзей, сколько окажется у каждого врагов.
13. Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша похоронена, Турция завоевана, армии соединены, Черное и Балтийской моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великою тайною предложить сперва Версальскому договору, а потом Венскому, разделить власть над Вселенною. Если который-либо из них, обольщаемый честолюбием и самолюбием, примет это предложение — что неминуемо и случится, — то употребить его на погибель другого, а потом уничтожить и уцелевшего, начав с ним борьбу, в исходе которой сомневаться уже будет нельзя, ибо Россия в то время уже будет обладать всем Востоком и большей частью Европы.
14. Если паче чаяния тот и другой откажутся от предложения России, то надлежит искусно возжечь между ними распрю и истощить их во взаимной борьбе. Тогда Россия, воспользовавшись решительной минутою, должна устремить свои заранее собранные войска на Германию и одновременно с этим выслать два значительных флота, один из Азовского моря, другой из Архангельска, со своими азиатскими ордами, под прикрытием вооруженных флотов Черноморского и Балтийского. Выйдя в Средиземное море и океан, они наводнят с одной стороны Францию, с другой Германию, и когда обе эти страны будут побеждены, то остальная Европа уже легко и без всякого сопротивления попадет под него.
Так можно и должно покорить Европу».

Подложность «петровского завещания» давно и неопровержимо доказана. Однако пафоса обвинений Петра I в выстраивании доктрины российского империализма это не снизило.

В числе многочисленных петровских изобличителей был и К. Маркс. В выходе России к Балтийскому морю виделось им,

прежде всего, стремление к глобальной экспансии. Для региональных захватов эпохи Московского царства, рассуждал он, достаточно было суши, тогда как для мировых — уже нужен был выход к морю. С этой целью, указывал К. Маркс, сама столица империи переносится на морское побережье. То, что и Лондон, и Стокгольм, и Стамбул и иные тогдашние столицы располагались аналогичным образом, его почему-то не смущало.

Одним из наиболее известных сторонников идеи имманентной империалистичности петровского государства выступал профессор Кембриджского университета Ричард Пайпс. Согласно его интерпретации, созданная Петром I империя есть важное составное звено в цепи тоталитарного прошлого России. Отсюда и его вывод о неискоренимости тоталитарности и производной от нее империалистичности российской государственности. Говоря о периоде правления Петра I Р. Пайпс задаётся вопросом: «Естественно будет осведомиться, зачем России в конце XVII в. понадобилась большая и современная армия. В самом широком смысле это чисто философский вопрос, и его с равной справедливостью можно было бы задать про Францию Бурбонов или Швецию Вазов. XVII в. был эпохой ярого милитаризма, и дух времени не мог не наложить отпечатка на Россию, чьи контакты с Западом продолжали умножаться».

Казалось в этой связи, что Пайпс считал правильным и справедливым, что Пётр I в ответ на «вызов» России, который был брошен милитаризованным Западом и, в частности, постоянным многолетним противником России Швецией, создал сильную регулярную армию. Но на этом рассуждения Пайпса не заканчиваются. «Однако, — продолжает он свои рассуждения, — если мы возьмёмся за поиски более конкретных ответов, то окажется, что стандартные ответы, даваемые на этот вопрос как дореволюционными, так и послереволюционными русскими историками, совсем неубедительны. В частности, трудно согласиться с объяснением, что Россия нуждалась в мощной современной армии для решения так называемых «национальных» задач. Здесь у нас [у Пайпса] имеется явное доказательство того, что за высокими лозунгами «национальных задач» скрывалось на самом деле тривиальное стремление к захвату чужих богатств для удовлетворения ненасытного аппетита России на землю и попутного упрочения позиций монар-

хии внутри страны». Тотальная «одержимость России военной мощью и территориальная экспансия» — таков итог этого рассуждения профессора Пайпса. Такие рассуждения по поводу исконного милитаризма России далеко не новость, подобными штампами буквально кишат книги западной историографии, да и современных политиков Запада также.

Контекст выстраивания петровской внешнеполитической линии здесь совершенно игнорирован. А между тем к началу XVIII века мир вступал в новую фазу активной колониальной экспансии. Формируются колониальные империи. Так, британская Ост-Индская кампания начиная с 1689 г., года вступления Петра I на престол, реализовывала курс по расширению территориальных владений Индии. Петра обвиняют, что он стремился обеспечить проникновение России на индийскую территорию. Но европейские государства уже к этому такое проникновение осуществили, владели колониями на территории Индостана. Начиналось развертывание глобальной колониальной экспансии. Вступление Запада в фазу капитализма обозначило появление постоянного буржуазного лобби, подталкивающего государство к расширению рынков сбыта. Не иметь в этих условиях мощной армии и флота, не стремиться расширить зоны геополитического присутствия по направлениям возможных угроз означало бы для России перспективу утраты суверенности.

Россия в Северной войне боролась со Швецией, как известно, не в одиночку. На ее стороне находились также Дания и Речь Посполитая. Соответственно, если Россия выступала как агрессор, то должны быть признаны агрессорами и эти страны. Однако на них обвинения в империалистичности не распространяются. Получается, что, воюя с европейцами, Карл XII однозначно являлся агрессором, а вот, переключаясь на борьбу с Россией, оказывался жертвой. Логика двойных стандартов обнаруживается здесь в полной мере.

* * *

Исследование петровской политики — внешней и внутренней — позволяет прийти к выводу о наличии в ее основаниях четко идентифицируемого ценностно-смыслового ядра. Полученные

выводы дают основание не соглашаться с точкой зрения П. Н. Милюкова о «реформах без реформатора», об отсутствии замысла петровских преобразований, получившей широкое распространение в современной историографии. Петр I имел цельное видение новой модели российского государства и действовал в соответствии с ним. Непоследовательность и противоречивость его было следствием недоработанности реформ на уровне средств, но не на уровне целевого видения.

Идеологию Петра I можно определить идеологией великодержавия. Россия, полагал он, должна стать великим государством, превосходящим в своем величии все другие государства мира. Все преобразования императора, внешнеполитические активности, проекты были подчинены этой интегральной цели.

И по совокупности укрепляющих и ослабляющих жизнеспособность России последствий деятельность Петра I должна быть оценена со знаком плюс. Другое дело, что ценностно-смысловые и культурные заимствования петровской эпохи стали со временем фактором подрыва цивилизационного фундамента России. В этом смысле петровские преобразования дают исторический урок: нельзя построить подлинно великое государство на инокультурном фундаменте при отрыве от идентичных ценностей государствообразующего народа.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать наличие семантически различных дискурсивных моделей осмысления фигуры Петра I. Консенсуса по вопросу, связываемого с ним идеологического месседжа не существует. В интерпретации петровских воззрений сталкиваются взаимоисключающие позиции. Вероятно, по широте спектра оценок идеологии Петра I он не имеет аналогов среди высших государственных деятелей в истории России. Можно прогнозировать наступление нового историографического этапа в осмыслении фигуры Петра I, определяемого запросом на задачи патриотического представления петровского периода в преподавании истории в школе.

На уровне общественного сознания доминирует восприятие Петра I в рамках парадигмы великодержавия. В значительной мере оно определяется сформировавшейся еще в советское время матрицей восприятия его образа как царя-реформатора, деятельность которого была подчинена решению стратегической задачи выхода России к Балтийскому морю. Вместе с тем целевой ориентир создания Великой державы должен получить ценностно-смысловое обоснование. В реализации каких высших ценностей и идей осуществлялось петровское державостроительство?

Ответы на этот вопрос могут быть различными. Следует признать, в частности, недостаточность марксистского подхода о выражении Петром I запросов зарождающейся русской буржуазии. Очевидно, что включение петровских деяний в патриотический нарратив с позиций классового анализа представляется затруднительным. Либеральный подход, получивший доминанцию в постсо-

ветской историографии, в целом противоречит концепту великодержавия, трактуемого в качестве проявления петровской тоталитарности. Следует предположить, что в перспективе, учитывая имеющий место политический контекст, будет востребовано рассмотрение Петра I через призму цивилизационного анализа и патриотической нарративности. Это потребует определенной корректировки взгляда на петровское западничество.

Властный дискурс императорской России был задан дрейфом от модели теократической государственности к модели абсолютизма по западноевропейскому образцу. Подражание Западу приводило шаг за шагом к подмене цивилизационных оснований российского государства и к его кризису. Еще в семнадцатом столетии в кругах московской элиты распространяется полонофильство, подразумевающее политически преобразование России по аналогии Речи Посполитой с соответствующими вольностями для аристократии. Петр I, отвергнув эту перспективу, которую можно условно назвать «латинской», двинулся в направлении западничества. Формируется перенесенный из европейской мысли концепт государства «общего блага». Он задавал в противоречие с прежней теократической традицией легитимизацию власти не сверху вниз от Бога, а снизу вверх — от общества.

Составляющее историко-художественный штамп противопоставление Петра I в качестве западника традиционалистской политике его предшественников не соответствует действительности. Боясь ересей, и прежде всего ереси латинства, государство создавало видимые препятствия для распространения западного влияния. Но несмотря на них западничество все шире охватывало московскую элиту.

Однако западничество XVII века не было однородным явлением, подразделяясь на «шляхетское» — католическое направление и направление «немецкое» — протестантское. Имелись еще и ощутимые идейные течения греческого и малороссийского направлений. Но и они опосредованно, через унию, выходили на западничество католического типа. Именно католическо-шляхетское западничество, а не старомосковскую группу, представляла придворная партия, объединившаяся вокруг царевны Софьи и ее фаворита Василия Голицына. И не случайно, что патриарх Иоаким

в противовес «тайным католикам» поддержал в борьбе за власть группировку Нарышкиных и Петра Алексеевича. В противоборстве двух западных групп победила в конечном итоге партия если не «немецко-протестантская», то, во всяком случае, антилатинская.

В тоже время хотелось бы отметить, что Петр I являлся православным государем. Православное богослужение при нем осталось неизменным. Он почитал таких святителей, как Митрофан Воронежский и Димитрий Ростовский и обращался к ним за духовной поддержкой. При погребении святителя Митрофана Воронежского государь нес его мощи на своих плечах.

XVIII век был временем промышленного переворота, технологической революции, интенсивной экспансии стран Европы с целью овладения новыми рынками сбыта. Самые передовые промышленные достижения появлялись в военной сфере. Для России все эти тенденции означали прямую угрозу существованию, что наглядно продемонстрировал шведский король на начальной фазе Северной войны.

Но ни государственный аппарат, ни крестьянство, ни торговое сословие, ни тем более промышленность не готовы были работать на большую войну и требовали форсированной мобилизационной модернизации. Главным ее инструментом становится государство.

В реализации модернизационного проекта и состояла историческая миссия Петра. Петр Великий стал «культурным героем» раннего модернистского типа имперского государства, как в свое время Владимир Креститель был «культурным героем» для государства традиционного.

Модернизация России в сложившихся условиях войны и высокой динамики экономического развития Запада на стадии капитализма могла быть только мобилизационной. Другими механизмами модернизации, помимо принуждения со стороны государства, Петр не обладал. Человеческий ресурс для решения поставленных задач расходовался нещадно. Отсюда возникает и утвердившийся в общественном сознании образ «дубины Петра Великого». По прошествии нескольких десятилетий после ухода из жизни императора А. А. Нартов будет горько сожалеть о недостатке «петровской дубины» для России. О том, что Петр Великий писал

свои указы с помощью кнута, рассуждал и А. С. Пушкин. Но как результат мобилизационной политики Россия к концу петровского правления имела:

1. Одну из крупнейших армий Европы.
2. Отсутствовавший прежде военный и торговый флот.
3. Сеть мануфактур — крепостных и вольнонаемных.
4. Систему отбора военных и управленческих кадров вместо местничества.
5. Выход к Балтийскому морю.

Однако удар, нанесенный петровской модернизацией по цивилизационно-ценностным и духовно-мировоззренческим основаниям российской государственности, окажется невосполнимым. Религиозный раскол XVII столетия усугубился с Петра I и расколом идентичности. Российская элита, принявшая мировоззренчески секулярную западническую платформу, принимает и идентификатор европейскости. Между тем народ остался в прежней допетровской системе ценностных координат. Складываются две достаточно изолированные друг от друга культуры. Эти культурные миры оказались разделены и в смысловых пространствах. Между народом и правящим слоем оказалась утрачена сама возможность диалога. Сложившееся с Петра противоречие будет актуальным весь имперский период истории России. Его отдаленным разрешением станет революция 1917 года.

Со времени Петра I в России на уровне элитаристского звена утверждается новый антропологический тип человека секулярного. Секуляризационная ценностно-мировоззренческая парадигма задает и содержание петровской идейно-властной трансформации. Учение «Москва — третий Рим» снимается с актуальной идеологической повестки. Само государство движется в направлении детеократизации и дехристианизации. Легитимность правителя связывается уже не с получением Божьей благодати, а с общественным установлением.

В «Правде воли монаршей» Феофан Прокопович прямо заявляет, что в основании имперской монархии в России лежит «воля народная», изъятая «еще и не словом, но делом». Для обоснования монарших прав берется уже не богословие отцов Церкви, а европейская философия и, в частности, теория общественного

договора. Самодержавие как теократическая модель постепенно трансформируется начиная с Петра I, в абсолютизм. Хотя при самом Петре Алексеевиче идеологемы теократического государства во властной репрезентации еще сохранялись.

Обращение к истории имеет смысл, когда оно дает ответ на актуальные вызовы современности. В чем же существо современных вызовов? Очевидно, что для России это вызов вступления в острую фазу цивилизационного конфликта с Западом. Обращение к идеологии Петра в контексте истории России и мира позволяет извлечь два основных урока. Один урок — положительный, другой — отрицательный.

Положительный урок деятельности Петра I состоит в его опыте создания мобилизационной модели. За счет форсированной мобилизации ему удалось победить в Северной войне, осуществить промышленно-технологический прорыв, подавить внутреннюю крамолу. Другой стратегии для победы помимо выстраивания новой мобилизационной системы не существует. Это показал Петр I в XVIII веке, это показали большевики в веке XX. Для России, учитывая ее пространство и климатические характеристики, только петровский подход в его модификациях под реалии современного мира является единственно возможным для осуществления исторического прорыва.

Отрицательный урок Петра I состоит в том, что победа над врагом в стратегической перспективе не может быть достигнута без опоры на традиционные ценности и национальную идею. Запад в цивилизационном конфликте не могут победить западники. Технологические аспекты западной культуры первоначально, как казалось, при переносе в Россию стали фактором развития. Но на следующем шаге они превратились в фактор цивилизационной эрозии. Прошло двести лет, и выстроенная Петром I империя рухнула. Ее обрушение обуславливалось повреждением цивилизационного фундамента. Это была стратегическая ошибка Петра I. И ее осмысление должно стать назиданием для российской власти.

Результатом политики Романовых конца XVII — XVIII века (не только Петра I, но также его предшественников и последователей) являлась европеизация российских элит. Как следствие усугубил-

ся разрыв между элитой и народом, приобретший с этого времени не только социальный, но и национально-культурный ракурс. Рано или поздно этот раскол должен был привести к народному бунту против власти. В этом смысле революция 1917 года явилась долгосрочным откликом на петровскую европеизацию.

Петр I предвидел, что его деятельность вызовет потоки критики. Эта критика обрушивалась на него еще при жизни. Петр I в беседе с прусским посланником Густавом Мардефельдом как будто отвечает современным либеральным изобличителям петровского тоталитаризма: «Я ведаю, почитают меня строгим Государем и тираном. Ошибаются в том не знающие всех обстоятельств. Богу всевышнему известно сердце и совесть моя, колико соблезнования имею я о подданных и сколько блага желаю Отечеству. Невежество, упрямство, коварство ополчались всегда на меня с того самого времени, когда полезность в государство вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии-то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов Отечества возвышаю и награждаю я, а непослушных и зловердных исправляю по необходимости. Пускай злость клеветает, но совесть моя чиста. Бог — судия мой. Неправое разглагольствие в свете аки ветр».

Список использованных источников и литературы

Опубликованные источники

1. Восстание московских стрельцов. 1698 год. (Материалы следственного дела) : сб. документов / под ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1980. 290 с.
2. Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) / общ. ред., сост. М. А. Тимофеева. М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
3. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина : в 9 т. М. : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875–1895.
4. Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб. : Изд. Рус. Христ. гуманит. ин-та, 2001. 758 с.
5. Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М. : Внешсигма, Третья волна, 1993. 478 с.
6. Петр Великий: материалы для биографии. М. : Наука, 2005. Т. I. 535 с.
7. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–13. СПб. : Гос. тип.; Л. ; М.: Древлехранилище, 1887–2003.
8. *Погодин М. П.* Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. М. : Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1861. 369 с.
9. Поморские ответы. М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1911. 412 с.
10. *Прокопович Ф.* Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проведенное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Петербурге 1718 году// Святой Александр Невский. 800 лет : сборник. М. : Абрис, 2018. С. 39–52.

11. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / ред.-сост. А. П. Богданов. М. : Современник, 1990. 232 с.
12. София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России. М. : Радуница, 2000. 381 с.
13. Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский. Сказание об антихристе : Догмат о святых иконах / местоблюститель Патриаршего престола митрополит Стефан Яворский; сост., общ. ред.: П. Паламарчук. М. : Паломник, 1999. 287 с.
14. *Тургенев И. С.* Путешествия по святым местам русским // И. С. Тургенев. Полное собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1978. С. 179–187.

Неопубликованные источники.

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

1. Ф. 230. Оп. 13. Т. 4. Д. 8956. Указ императора Петра I об определении годных к военной службе недорослей в армию. Копия. 1723 г.
2. Ф. 230. Оп. 13. Т. 4. Д. 8957. Указы императора Петра I. Копии. 1720 г.
3. Ф. 230. Оп. 13. Т. 4. Д. 8958. Указы императора Петра I, императрицы Анны Ивановны, Правительствующего Сената и Св. Синода. Копии. 1721–1737 гг. 290 с.
4. Ф. 230. Оп. 13. Т. 4. Д. 8959. Указы императора Петра I, Св. Синода и Ростовской духовной канцелярии. Копии. 1722–1723 гг. 496 с.
5. Ф. 230. Оп. 13. Т. 4. Д. 8960. Указы императора Петра I и Правительствующего Сената. Копии. 1724 г. 331 с.
6. Ф. 582. Оп. 2. Д. 2. Указ императора Петра I об усилении мер по пресечению побегов колодников. Копия рукописная. 1722 г. 424 с.
7. Ф. 582. Оп. 6. Д. 321. Память игумена Серапиона Новопокровского Романовского монастыря десяцкому попу Тихону из с. Савинское о совершении молебна по поводу женитьбы царя Петра Алексеевича на Евдокии Федоровне Лопухиной 1 л. Список. 1689 г. 272 с.

Литература

1. *Абашиник В. А.* Феофан Прокопович (1681–1736) и немецкие богословы // *Collegae, amico, magistro*: збірник наукових праць до 70-річчя д-ра Віланда Гінтцше / за ред. В. О. Абашиніка, Л. Д. Бондар, А.-Е. Гінтцше. Харків : Майдан, 2019. С. 101–116.
2. *Акишин М. О.* «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // *Ленинградский юридический журнал*. 2010. № 3. С. 95–117.
3. *Андреев А. Р.* История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI — начало XIX века. М. : Русская панорама, 1998. 290 с.
4. *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л. : Лениздат, 1989. 496 с.

5. *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в I четверти XVIII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
6. *Анисимов Е. В.* Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.
7. *Анисимов Е. В.* Петр Первый: благо или зло для России. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 272 с.
8. *Анисимов Е. В.* Речь Петра Великого на Полтавском поле в 1709 году (к анализу источников) // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. : Сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского. Ч. 20. Вып. 4. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 67–97.
9. *Анисимов Е. В.* Россия без Петра, 1725–1740 / Историческая библиотека «Хроника трех столетий: Петербург». СПб. : Лениздат, 1994. 496 с.
10. Антихрист (Из истории отечественной духовности) : Антология. М. : Высшая школа, 1995. 415 с.
11. Антощенко А. В. Об эволюции теократического идеала А. В. Карташева // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1997. Вып. 9. С. 71–86.
12. *Бабкин М. А.* Церковные полномочия православных императоров Византии и России // Вестник архивиста. М., 2013. № 4. С. 130–139.
13. *Асонов Н. В., Ежов Д. А.* Эволюция политической системы России в условиях цивилизационного выбора // Вопросы истории. 2022. № 2 (1). С. 75–85.
14. *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. М. : Прогресс, 1985. 200 с.
15. *Багдасарян В. Э.* «Второй Рим против Третьего Рима»: исторический генезис конфликта Константинопольского патриархата и Русской Православной Церкви // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 17–31.
16. *Багдасарян В. Э.* «Заговор антихриста» в эсхатологических представлениях русского старообрядчества // Россия: идеи и люди. Сборник научных трудов. М., 1999. Вып. 4.
17. *Багдасарян В. Э.* Идеологический портрет Петра I: дискурсивные модели репрезентации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 7–20.
18. *Багдасарян В. Э.* История общественно-политической мысли России: учебное пособие. М. : ИНФРА-М, 2020. 247 с.

19. Багдасарян В. Э. История России в представлениях Ф. М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 9–26.
20. Багдасарян В. Э. Россия — Запад: цивилизационная война. М. : Форум ; Инфра-М, 2017. 410 с.
21. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Асонов Н. В., Реснянский С. И. и др. Антироссийские исторические мифы. СПб. : Питер, 2016. 384 с.
22. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Русская эсхатология: история общественной мысли в России в фокусе апокалиптики. М. : БОС, 2022. 324 с.
23. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Эсхатология русского религиозного раскола // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия история России. 2014. № 2. С. 5–22.
24. Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С. Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология: монография. М. : Научный эксперт, 2011. 344 с.
25. Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С. Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология». Научная монография. М. : Научный эксперт, 2012. 624 с.
26. Башилов Б. История русского масонства : в 8 кн. М. : МПКП «Русло», 1992.
27. Белов С. С. Трансформации политики памяти в отношении Второй мировой войны в 2008–2018 гг.: дис. ... к. полит. н. М., 2021. 371 с.
28. Бердников А. И. Всешутейший собор. Смеховая культура царской России. М. : АСТ, 2019. 288 с.
29. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
30. Бердяев Н. А. Религиозные основы большевизма. (Из религиозной психологии русского народа). Духовные основы русской революции. Собр. соч. Т. 4. Париж : Умса-Press, 1990. 159 с.
31. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные направления русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 43–271.
32. Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М. : Международные отношения, 1989. С. 179–228.
33. Богданов А. П. Гравюра как источник по истории политической борьбы в России в период регентства Софьи Алексеевны (вопросы происхождения) // Материалы XV Всесоюзной научной сту-

- денческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Серия «История». Новосибирск, 1977. С. 39–48
34. Богданов А. П. Мятежное православие. Вече, 2008. 480 с.
35. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3–5. М. : Соцэкгиз, 1940–1948.
36. Бондаренко С. Б. Философия в поисках культурных героев. Курск : КГУ, 2018. 170 с.
37. Брикнер А. Г. История Петра Великого. М. : ООО «АСТ», 2004. 668 с.
38. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3: Время мира. М. : Весь мир, 2007. 752 с.
39. Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М. : Наука, 1969. 439 с.
40. Буганов В. И. Петр Великий и его время. М. : Наука, 1989. 192 с.
41. Булгаков С. В. Православие. Ереси, секты. Западные верования. Соборы. М. : Современник. 1994. 164 с.
42. Бухаркин П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.
43. Валишевский К. Пётр Великий. М. : Захаров, 2004. 484 с.
44. Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макро-социологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Новосибирск, 1998. Вып.1. С. 105–123
45. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
46. Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. 1711 год. М. : Наука, 2004. 232 с.
47. Водарский Я. Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59–78.
48. Волкова И. В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35–50.
49. Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. М. : Церковь, 1996. 317 с.
50. Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 144–156.
51. Герье В. И. Лейбниц и его век: Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб. : Наука, 2008. 807 с.
52. Гизатова Г. К., Иванова О. Г. Исторический дискурс и национальные нарративы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманит. науки. 2019. Т. 161. Кн. 5–6. С. 166–173.

53. Глинчикова А. Г. Метаморфоза западной идеи «естественного права» в политической концепции Феофана Прокоповича // «Локус» № 3. 2016. С. 78–92.
54. Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1–2. М. : Мысль, 1965.
55. Гобзов И. А. Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий // Философия и общество. 2019. № 2 (91). С. 40–61.
56. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России : в 15 т. / Под ред. Н. А. Полевого. М. : Тип. Николая Степанова, 1837–1843.
57. Гроций Г. О праве войны и мира. СПб. : П. П. Сойкин, 1902. 50 с.
58. Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М. : Экспресс, 1992. 336 с.
59. Дерлугьян Г. Эволюция Российского государства в миросистемной перспективе, 1000–2010 гг. н. э. // Русские чтения. Вып. 1. М. : Институт общественного проектирования, 2006. С. 38–57.
60. Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон: силуэт на фоне эпохи. СПб. : Алетейя, 1999. 784 с.
61. Дробина М. Г. Правовое положение русской Православной Церкви в период проведения церковной реформы Петра I. Краснодар, 2005. 192 с.
62. Дробот Г. А. Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 182–203.
63. Емельянова Т. П. Трактовки личности Петра Первого в современной науке и коллективной памяти россиян // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 3. С. 59–70.
64. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция: материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1987». М., 1989. Вып. 20. С. 141–165
65. Законодательство Петра I. М. : Юридическая литература, 1997. 880 с.
66. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовное движение XVII века. М. : Церковь, 1995. 528 с.
67. Зернов Н. М. Москва — Третий Рим // Путь. 1936. № 51. С. 3–19.
68. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 240 с.
69. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. Казань : Унив. тип., 1873. 851 с.
70. Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М. : Москва, 1998. 544 с.

71. *Ивонина А. И.* Война за испанское наследство. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2010. 318 с.
72. *Игнаткин О. Б.* Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 21 (122). С. 74–82.
73. *Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В.* Роль Витуса Беринга в реализации геополитических планов Петра Великого // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т.16. № 1. С. 9–16.
74. *Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В.* Роль Петра Великого в освоении Русской Арктики. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 58–68.
75. *Ильин В. И.* Структура исторической колеи России: проблемы методологии. // Мир России. № 26 (4). С. 30–50.
76. История внешней политики России. XVIII век: от Северной войны до войн против Наполеона // А. В. Игнатьев и др. М. : Международные отношения, 1998.
77. История России в современной зарубежной науке / ред. В. М. Шевырин. М. : Индион, 2010. Часть 1. 248 с.
78. *Кагарлицкий Б. Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. М. : «Алгоритм» ; «Эксмо», 2009. 576 с.
79. *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. СПб. : Наука, 2019. 670 с.
80. *Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.
81. *Карпачев С. П.* Тайны масонских орденов. М. : «Яуза-Пресс», 2007. 384 с.
82. *Карташев А. В.* Крещение Руси святым князем Владимиром и его национально-культурное значение // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М. : Столица, 1991. С. 32–40.
83. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т.1–2. М. : Терра, 1997.
84. *Карташев А. В.* Церковь. История. Россия. М. : Пробел, 1996. 303 с.
85. *Катасонов В. Н.* Католический квиетизм и православный исихазм // Киев : Христианская мысль, 2006. № 3. С. 67–76.
86. *Кирюхин А. В.* Тот самый кудесник Брюс М. : Аграф, 2003. 398 с.
87. *Киселёва М. С.* Священная история в книжной проповеди: Симеон Полоцкий // Диалог со временем. М., 2008. С. 239–254.
88. *Киселева М. С.* Феофан (Прокопович): Влияние Могилянской школы на становление российской учености // Диалог со временем : альм. интелект. истории. М., 2006. Вып. 16. С. 68–85.

89. Князьков С. А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М. : Культура, 1990. 648 с.
90. Козлов В. И. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 77–89
91. Козляков В. Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству // Серия: Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 2014. 320 с.
92. Копелев Д. Н. «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. 2015. С. 168–185
93. Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М. : ИФРАН, 2011. 155 с.
94. Корзо М. А. О протестантских влияниях действительных и мнимых: православные катехизисы от Стефана Зизания до Феофана Прокоповича // Вивліоїстика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2017. Vol. 5. С. 5–17.
95. Корнетов Г. Б. Проекты Г. В. Лейбница по распространению в России образования и науки (к 300-летию со дня смерти великого немецкого мыслителя и просветителя) // Историко-педагогический журнал. 2016. № 4. С. 99–132.
96. Королев С. А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // Философская мысль. 2015. № 4. С. 1–54.
97. Кротов П. А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб. : Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас» ; Лики России, 2014. 566 с.
98. Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996. 248 с.
99. Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб. : Историческая иллюстрация, 2011. 312 с.
100. Крылов А. О. Московские знакомые митр. Димитрия Ростовского и «киевская учёность»: восприятие западной образованности великорусской церковной элитой на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. С. 86–88.
101. Крылов А. О. Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII – начала XVIII в.: дис. ... к. и. н. М., 2014. 377 с.

102. Крылов А. О. Церковная реформа Петра I и теория секуляризации: от публицистики к историографии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 22–46.
103. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М. : Квадрига, 2010. 384 с.
104. Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М. : РАН, Институт всеобщ. истории, 1994. 303 с.
105. Лавров А. С. Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 61–72.
106. Линченко А. А. Морально-исторический дискурс как фактор достижения социального согласия // Социодинамика. 2019. № 12. С. 29–39.
107. Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. М. : Юрайт, 2019. 325 с.
108. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Советский писатель, 1991. 480 с.
109. Мавродин В. В. Рождение новой России. Л. : ЛГУ. 1988. 553 с.
110. Мазаев Г. В. Санкт-Петербург как город-символ // Градостроительство. 2020. № 4. С. 31–39.
111. Мазаев Р. М. Церковно-полемическая деятельность Стефана Яворского в контексте петровских преобразований // Технологос. 2018. № 3. С. 85–95.
112. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 3–22; № 2. С. 3–23; № 3. С. 3–17; № 4. С. 3–19.
113. Мартыненко А. А. Зверь на престоле, или Правда о Царстве Петра Великого. М. : Профессионал, 2010. 432 с.
114. Мееровский Б. В. Джон Толанд. М. : Мысль, 1979. 190 с.
115. Мельников Ф. Е. Рассмотрение книги «Пращица духовная» и Соборного деяния на Мартина Армянина М. : тип. т-ва Рябушинских, 1915. 126 с.
116. Мельников Э. А. Россия между Христом и сатаной. Книга III. Дорога в пропасть. Курск: Издательство Курск, 2004. 523 с.
117. Мережковский Д. С. Петр и Алексей. М. : Вече, 2012. 544 с.
118. Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. 742 с.
119. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М. : Прогресс, 1993–1994.
120. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М. : Международные отношения, 1990. 445 с.

121. Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель: Очерки из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб. : Тип. В. С. Балашова, 1880. 402 с.
122. Наумов В. П. Царевна Софья // Сер.: Жизнь замечательных людей М. : Молодая гвардия, 2015. 368 с.
123. Неклюдова М. С., Осоват А. Л. «Окно в Европу»: Источниково-ведческий этюд о «Медном Всаднике» // Лотмановский сборник П. М. : ОГИ, 1997. С. 255–272.
124. Неруцкова О. Е. Отечественная историография государственно-правовых отношений в России XVIII века: дис. ... к. и. н. М., 2003. 230 с.
125. Нефедов С. А. Петр I: блеск и нищета модернизации. Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 47–73.
126. Острецов В. М. Массонство, культура и русская история: историко-политические очерки. М. : Штрихтон, 1998. С. 28–85.
127. Павленко Н. И. Меньшиков: Полудержавный властелин // Сер.: Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 1999. 361 с.
128. Павленко Н. И. Петр I. М. : Молодая гвардия, 2007. 426 с.
129. Павленко Н. И. Пётр Великий. М. : Мысль. 1990. 591 с.
130. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М. : Мысль, 1994. 397 с.
131. Павленко Н. И. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2.
132. Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Соратники Петра. М. : Молодая гвардия, 2001. 494 с.
133. Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 423 с.
134. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
135. Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. С. 70–88.
136. Перри М. Русская народная эсхатология и легенда о Петре I — Антихристе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2016. С. 77–85.
137. Петрушенко Л. А. Философия Лейбница на фоне эпохи. М. : Альфа-М, 2009. 510 с.
138. Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Л. : Время, 1926. 113 с.
139. Погодин М. П. Сочинения : в 5 т. М. : Синод. тип., 1872–1876.
140. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М. : Ладомир, 1999. 440 с.
141. Поташев А. Ф. Табель о рангах Петра I в истории России // Историч., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искус-

- ствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–2. С. 153–157.
142. Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002. 341 с.
143. Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб. : Нестор-История, 2011. 214 с.
144. Пыжиков А. В. Грани русского раскола: заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М. : Древлехранилище, 2013. 647 с.
145. Радугин А. А., Радугина О. А. Секуляризация как духовное основание петровской политики модернизации российского общества // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2018. № 4. С. 75–87.
146. Резников К. Ю. Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра I. М. : Вече, 2012. 560 с.
147. Рейснер М. А. Государство и верующая личность: сборник статей. СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1905. 423 с.
148. Реснянский С. И. Синодальный протестантизм Петра I и «Поморские ответы» старообрядцев. Русь—Россия: Выбор веры. История и современность: сб. материалов VII межрегиональной научно-практической конференции «Духовные основы русской культуры. М. : Наука и Слово, 2011. С. 34–42.
149. Реснянский С. И. Церковно-государственная реформа Петра I. Протестантская модель или византийское преемство. М. : Юнити-Дана, 2009. 256 с.
150. Реснянский С. И., Киенков А. А. Русское духовенство при царе-реформаторе: историографическое осмысление. Орехово-Зуево, 2017. 462 с.
151. Рубцова М. А. Жизнь, труды и эпоха святителя Димитрия Ростовского // Святитель Димитрий Ростовский: исследования и материалы. Ростов, 2008. С. 15–152.
152. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время М. : Языки славянских культур, 2006. 896 с.
153. Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 5. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1880. 464 с.
154. Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе со второй половины XVII и до конца XVIII в. / ЧОИДР (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете). М., 1891. 157 с.
155. Саркисян И. И. Доктрина модернизации: Россия от Петра I до «сталинской революции» // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2014. № 3. С. 169–178.

156. Светлов Р. В. Константин Великий и Петр I: стратегии государственно-конфессиональной политики. // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 10. № 1. Новосибирск, 2016. С. 196–204.
157. Светлов Р. В. Концепция естественного закона в свете идейных исканий русских философов политики и права // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. С. 117–130.
158. Седов П. В. «В соборе и у владыки был в венгерском платье» (перемены в одежде новгородцев в конце XVII — начале XVIII в.). // Новгородика-2012. У истоков российской государственности. Материалы IV международной научной конференции. Ч. 1. Великий Новгород, 2013. С. 285–293.
159. Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Булавин, 2008. 604 с.
160. Седов П. В. Описание гардероба боярина князя Василия Васильевича Голицына // Россия XV–XVIII столетий: сборник научных статей. Юбилейное издание (70-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова посвящается). Волгоград, 2001. С. 267–282.
161. Седов П. В. Перемены в одежде правящих верхов России в конце XVII в. // Место России в Евразии. Будапешт, 2001. С. 172–181.
162. Семевский М. И. Слово и дело. 1700–1725. СПб.: Типография В. С. Балашев и К°, 1884. 350 с.
163. Семенова А. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л.: Наука, 1982. 278 с.
164. Симонова М. В. К. А. Булавин в отечественной историографии // Томский государственный университет. История. 2016. № 3. С. 121–128.
165. Сильвестр (Лукашенко), архимандрит, Виденеева А. Е. Традиции старчества Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря. М.: Отчий дом, 2019. 416 с.
166. Смирнов П. Иоаким, патриарх Московский. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1881. 274 с.
167. Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: Тип. В. Готье, 1855. 428 с.
168. Сморжевских-Смирнова М. Концепция войны у Феофана Прокоповича и официальная идеология петровской эпохи // Лотмановский сборник: Международный конгресс «Семиотика культуры: культурные механизмы, границы, самоидентификации». М., 2004. С. 899–911.
169. Соколова Е. С. Самодержавный идеал в надсословных стратегиях Милославских и Нарышкиных: к вопросу о репрезентативной сущности некоторых нормотворческих инициатив конца XVII в. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 2. С. 55–84.

170. Соловьёв С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М. : Наука, 1984. 232 с.
171. Соловьёв С. М. Соч. в 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. История России с древнейших времён. М. : Мысль, 1991. Т. 14. 701 с.
172. Соловьёв С. М. Чтения и рассказы по истории России. М. : Правда, 1989. 768 с.
173. Солоневич И. Л. Народная монархия. Минск : Лучи Софии, 1998. 504 с.
174. Сорокин Ю. А. Теория «общего блага» и ее влияние на реформаторскую деятельность европейских монархов. // Вестник Омского университета. Омск, 1997. № 3 (5). С. 59–62.
175. Стефаненко О. С. Роль Славяно-греко-латинской академии в истории российского образования. М. : Перо, 2017. 98 с.
176. Съянова Е. Русский Фауст // Знание-сила. 2014. № 7. С. 97–102.
177. Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Сочинения. М. : Изд. АН СССР, 1958. Т. 10. С. 363–800.
178. Темниковский Е. Н. Положение императора всероссийского в Русской Православной Церкви в связи с общим учением о церковной власти : ист.-догмат. очерк. Ярославль : Тип. Губ. правл., 1909. 72 с.
179. Тихомиров Ф. А. Идея абсолютизма Бога и протестантский схоластицизм в богословии Феофана Прокоповича // Христианское чтение. 1884. № 9–10. С. 315–326.
180. Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. 1–2. СПб. : Изд. и тип. В. Ф. Демакова, 1876–1877.
181. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М. : Наука, 1974. 396 с.
182. Труайя А. Пётр Великий. М. : Изд-во Эксмо, 2006. 448 с.
183. Ульянов Н. И. Петровские реформы // Отклики: сб. статей памяти Н. И. Ульянова (1904–1985). Нью-Хейвен, 1986. С. 9–28.
184. Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : в 2-х т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. 605 с.
185. Устрялов Н. Г. История царства Петра Великого. Т. 1–4. СПб., 1858–1864.
186. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб. : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858–1863.
187. Федотов В. Е. Киево-Могилянская академия и развитие образования на Украине XVII — первая четверть XVIII в.: дис. ... к. и. н. М. 225 с.
188. Филлимон А. Н. Яков Брюс // Сер.: Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2013. 402 с.

189. Филиппов М. М. Готфрид Лейбниц. Его жизнь, общественная, научная и философская деятельность. М. : Директ-Медиа, 2016. 192 с.
190. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
191. Фурсов А. И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток. 1992. № 1. С. 19–38.
192. Хакимов Г. А. Российская модернизация в свете мир-системных концепций // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 57–63.
193. Харламович К. В. Малороссийские влияния на великорусскую церковную жизнь. Казань : Изд. книжного магазина М. А. Голубева, 1914. 878 с.
194. Цветков С. Э. Карл XII. Последний викинг. 1682–1718. М. : Центрполиграф, 2005. 480 с.
195. Цесельский Т. Речь Посполитая и Балтийская экспансия Российской империи в XVIII в. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1. С. 118–132.
196. Чаплыгина И. Г. Камерализм и философия естественного права // Terra Economicus. 2020. № 18 (4). С. 97–110.
197. Черникова Т. В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 3–22.
198. Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М. : Изд. журнала «Москва», 1998. 430 с.
199. Чеснокова Н. П. Документы по истории итальянской школы в Москве (1697–1700 гг.): опыт сравнительного анализа // Каптеревские чтения. М., 2011. Вып. 9. С. 281–321.
200. Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 761 с.
201. Чистякова С. А. История Петра Великого. М. : Изд-во «Буклет», 1992. 524 с.
202. Чудинов В. А. О подмене Петра Великого. М. : Традиция, 2017. 96 с.
203. Чухлиб Т. Путь к Полтаве. Украина и Россия во время гетманства Мазепы. Киев : Наш час, 2008. 289 с.
204. Шамин С. М. Крест над Святой Софией: знамения и пророчества о падении Османской империи в годы войны Священной лиги 1683–1700 гг. (по материалам курантов) // Каптеревские чтения. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2012. Вып. 10. С. 134–143.
205. Шемякина О. Д. Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: диссертация... кандидата исторических наук. М., 2011. 290 с.

206. Шляпкин И. А. Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншель, 1891. 581 с.
207. Щеглов А. «Всешутейший» царь-антихрист Петр Первый и его кошунства. URL: [http://www.staropomog.ru/posl.vrem\(5\)/vseshutejshij.html](http://www.staropomog.ru/posl.vrem(5)/vseshutejshij.html).
208. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М. : Книга, 1989. 176 с.
209. Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М. : Новое книжное обозрение, 1995. 288 с.
210. Яворский С. И. Знамена пришествия антихристового и кончины века. М., 1782. 152 л.
211. Яковлев А. А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2013. 432 с.
212. Brown P. B. Towards a Psychohistory of Peter the Great: Trauma, Modeling, and Coping in Peter's Personality // Russian History. 2008. № 1–2. P. 19–44.
213. Brown P. B. Gazing Anew at Poltava: Perspectives from the Military Revolution Controversy, Comparative History, and Decision-Making Doctrines // Harvard Ukrainian Studies. 2009. P. 107–133.
214. Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT; London : Yale University Press, 1998. 602 p.
215. Hughes L. Sophia, Regent of Russia 1657–1704. New Haven, CT; London : Yale University Press, 1991. 368 p.
216. Zitsler E. Post-Soviet Peter: New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. № 6 (2). P. 375–92.

Научное издание

В. Э. Багдасарян
Ю. Ю. Иерусалимский
архимандрит Сильвестр (Лукашенко)
С. И. Реснянский

**ИДЕОЛОГИЯ ПЕТРА I:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РАЗВИЛКА
И ВЫБОР МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВА**

Ответственный редактор
В. И. Василенко

ISBN 978-5-91722-468-8

Подписано в печать 21.05.2022. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура Arnold. Формат 60 × 84¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,56.

Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ООО «Специализированный полиграфический комбинат»
Ярославль, пр. Авиаторов, 155в. Тел.: (4852) 989-400, 989-500